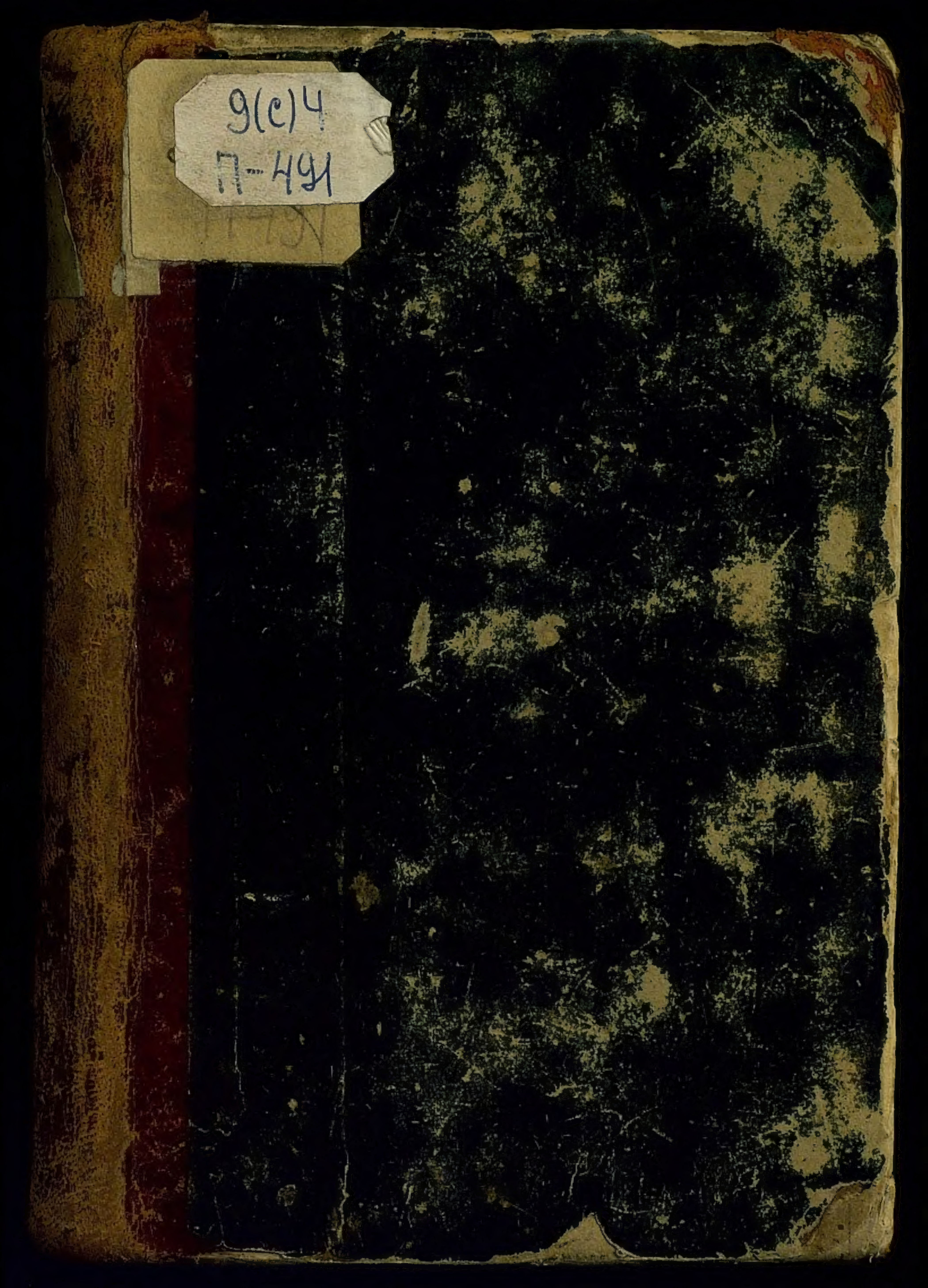

9(с)4
П-491

29.
III
30.

839
―
1

A

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

II.

ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

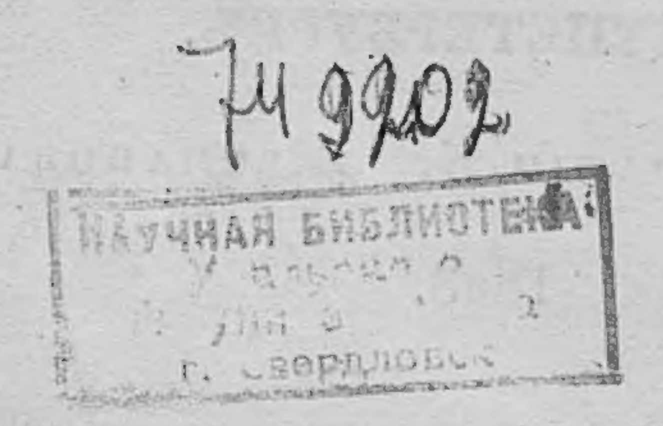
Въ типографіи К. Жернакова.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22-го Августа, 1842 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.

НАЧАЛО ВОЙНЫ СЪ ШВЕЦІЕЮ. НАРВСКАЯ БИТВА. УСПѢХЪ КАРЛА XII-ГО И ПОДВИГИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1700—1701 гг.

Была пора: привелъ къ намъ рати Шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами.
Жестка далась наука намъ побѣдъ,
Купили мы ихъ нашими костями—
То трудная была пора!

Жуковскій.

Наука побѣдъ, дѣйствительно, далась Рускимъ опытами тяжелыми, и *трудная* наставала *пора*, когда Царь думалъ, что ему легко будетъ совершить всѣ свои предположенія, отнять родовыя, похищенныя Шведами области, двинуть Россію къ Европейскому морю. Пруссія, Данія, Польша соединялись съ нимъ, и кто былъ противъ него? Юноша, неопытный въ великомъ дѣлѣ государственнаго правленія, полководецъ, который могъ развѣ играть оружіемъ, а не сражаться имъ противъ враговъ. Но мы уже сказали, что Провидѣніе искушало бѣдствіями Великаго Петра, и подвергнувъ его испытанію при вступленіи на

престолъ, и при первомъ его воинскомъ подвигѣ подъ Азовомъ, здѣсь готовило ему испытаніе самое тяжелое, и еще не *послѣднее.* Петръ перенесъ ихъ всѣ, и въ томъ-то и видно изумительное величіе его. Не *предпринять* только дѣло великое, но *совершить* его слава истинная. Пасть, достигая высоты, можетъ и слабодушное отчаяніе, но достигнуть ее сквозь бури и бѣдствія можетъ только величіе истинное.

Многіе старались доказать, что Петръ имѣлъ справедливыя причины начать войну съ Швеціею; другіе опровергали ихъ, говоря, что неудовольствія, оказанныя ему въ Ригѣ, и выставленныя одною изъ причинъ, не стоили войны, а прочія требованія состояли въ притязаніяхъ произвольныхъ: Нарва и области Ингерманландскія были утверждены за Швеціею трактатами, такъ же, какъ Лифляндія. Еще менѣе справедливо могла Данія воевать Голштинію, и не безсовѣстно ли было союзникамъ пользоваться юностью Шведскаго Короля, ког-

да они не дерзали воевать прежде, при жизни суроваго отца его? Не приводя здѣсь мѣлкихъ возраженій на сіи обвиненія, скажемъ одно, что цари и дѣла ихъ не могутъ быть судимы по уставу частной совѣсти, и по закону, постановленному для простаго гражданина и его общественныхъ отношеній. Руководимые Провидѣніемъ, Цари выше суда человѣческаго, и только мудрость дѣла и успѣхъ предпріятій опредѣляютъ справедливость ихъ. Отнятое нѣкогда насиліемъ и оружіемъ Царь всегда имѣлъ право возвратить силою и оружіемъ—вотъ одно и единственное его оправданіе. Если допустить сіе оправданіе, то всѣ средства для того, кромѣ безславныхъ, были ему позволительны. Царь объявлялъ честную, открытую войну, и возлагалъ надежду на Бога, силу своего ума и крѣпость оружія, предлагая и условія на миръ. Принять и не принять ихъ властна была Швеція. Жребіи, брошенные въ урну судьбы, должны были рѣшить споръ двухъ великихъ Царствъ.

Изъ всего слѣдуетъ, что для насъ гораздо важнѣе вопросъ о томъ: вѣрно ли взвѣсилъ и сообразилъ силы свои Царь, приступая къ войнѣ?

Всѣ разсчеты человѣческой мудрости, казалось, благопріятствовали его рѣшительности. Три монарха Европейскіе вступали въ союзъ съ нимъ. Царь уже образовалъ тогда сильное Русское войско, флотъ и артиллерію, и могъ надѣяться, что берега Ингерманландіи, слабо защищаемые, Шведы уступятъ его оружію.

Но Царь не сообразилъ, что союзъ его съ Даніею, Пруссіею и Польшею не представлялъ ни единства цѣли, ни единства плана въ войнѣ. Данія была угрожаема притомъ въ дѣйствіяхъ своихъ посредствовавшими державами, Голландіею и Англіею, еслибы Франція и выдала своего союзника Швецію, ибо она увлекалась тогда въ войну за Испанское наслѣдство. Политика Пруссіи, возведеніе коей на степень королевства требовало согласія Императора, легко могла отвлечь ее отъ сою-

за. Ненадежнѣе всѣхъ союзниковъ была Польша, если выгоды ея были ближе всѣхъ къ выгодамъ Россіи. Поступки Поляковъ съ королемъ Августомъ показывали явное пренебреженіе его власти и нелюбовь къ нему. Партія Сапеги не только не усмирялась, но начала войну междоусобную, хотя не отвергая Августа, но требуя разныхъ выгодъ и подкрѣпляя требованіе оружіемъ. Самый характеръ Августа, вѣтреный, тщеславный, его храбрость, не подкрѣпляемая дарованіями полководца, всего менѣе ручались за настойчивость и благоразуміе его дѣйствій. Швеція имѣла собственныя силы огромныя, и при непрочности и изложенныхъ неудобствахъ союза полагаться Царю на одни свои силы было невозможно. Если онъ и началъ образованіе воинское въ Россіи, если и могъ онъ собрать многочисленное войско, то устройство его было только что начато, и Азовскій походъ показывалъ, какъ трудно будетъ многочисленнымъ силамъ Россіи выдерживать борьбу противъ

искуства Европейскаго, тѣмъ болѣе противъ войска мужественнаго, привыкшаго къ битвамъ.

Не скрывая слабостей великаго Царя, скажемъ, что начало и первые годы царствованія его вообще можно было упрекнуть излишнею пылкостью, довѣрчивою самонадѣянностью и поспѣшностью въ дѣлахъ, отъ чего совершенно отучилъ его въ послѣдствіи тяжелый опытъ. Духъ бурный, духъ неукротимый видѣнъ во всѣхъ дѣлахъ его— въ Азовскомъ походѣ, въ самомъ внутреннемъ преобразованіи Россіи, видѣнъ и въ началѣ Шведской войны. Но совершаются ли безъ того дѣла великія? Не всегда ли на вѣсы разсчетовъ ума, геній кладетъ непонятную другимъ, можетъ быть, и ему самому непостижимую надежду на призывающій, увлекающій его голосъ судьбы? Такъ Александръ шелъ къ предѣламъ Индіи съ горстью Грековъ; такъ Цезарь ввѣрялъ жизнь утлой ладьѣ, восклицая: «Чего боишься? Цезаря везешь!» Такъ Фрид-

рихъ Великій отдавалъ жребій царства своего и жизнь свою успѣху одной битвы; такъ, наконецъ, Наполеонъ бросался подъ картечи на Аркольскій мостъ, плылъ изъ Египта среди непріятельскихъ флотовъ и шелъ черезъ Сенъ-Бернаръ по снѣговымъ пучинамъ!

Но чего не могла предвидѣть никакая человѣческая мудрость, то былъ характеръ юнаго Шведскаго Короля, желѣзнаго героя, мужа въ лѣтахъ едва юношескихъ, когда главная надежда союзниковъ на побѣды заключалась въ его молодости и неопытности.

Карлъ XII-й родился въ 1682 году, и былъ *десятью* годами моложе Петра. Рано развились его тѣлесныя силы, при занятіяхъ трудныхъ и страстной охотѣ къ военному искуству. Казалось, онъ родился воиномъ. Первою забавою его были охота за медвѣдями, верховая ѣзда, ученье солдатъ. Одинъ, съ рогатиною и ножемъ, пускался онъ на дикаго медвѣдя; опасная охота сія состояла въ томъ, что медвѣдя надобно было добыть живаго.

Суровый и угрюмый, онъ ненавидѣлъ женщинъ, не терпѣлъ пышности, не любилъ великолѣпія и дворской нѣги. Скудный обѣдъ, краткій сонъ, грубую солдатскую одежду, житье подъ шатромъ, перенесеніе голода, холода и трудовъ, съ нѣжной юности поставилъ онъ себѣ правиломъ жизни. Никогда не пилъ онъ вина, замѣтя однажды, что голова его разгорячилась, и всего чаще сухарь и вода составляли пищу его. Не терпя вообще ученія, онъ старался однакожь изучить все что потребно полководцу, превосходно зналъ военную исторію, прикладную математику, и особенно всѣ части воинскаго искуства. Рѣдко видали, даже въ юности его, чтобы онъ когда нибудь смѣялся. Жажда славы была его безпрерывною мечтою. Къ ней присоединилось упорство въ мнѣніяхъ, переходившее въ упрямство: никогда не отмѣнялъ онъ своего слова и не терпѣлъ никакихъ возраженій. Достигать предположеннаго единожды, не щадя ничего, было его неизмѣннымъ правиломъ, тѣмъ бо-

лѣе, что онъ твердо вѣрилъ *предопредѣленію*, не страшился никакой опасности, не думалъ о жизни, убѣжденный, что *предназначеннаго никто не избѣгнетъ*, а что *не предопредѣлено*, то никогда не случится. Александръ Македонскій былъ идеаломъ его, и онъ всегда возилъ съ собою Квинта-Курція, какъ Александръ Омирову Иліаду. «Вспомните, В. В., что Александръ жилъ только 32 года!» сказалъ ему учитель его. «Что до того сколько лѣтъ онъ жилъ, если онъ успѣлъ покорить столько царствъ!» отвѣчалъ съ жаромъ Карлъ XII-й — а ему было тогда только *семь* лѣтъ! Опасности казались Карлу утѣхою, трудности наслажденіемъ. Пятнадцать лѣтъ было ему, когда восшелъ онъ на престолъ. Совершеннолѣтіе его назначалось по завѣщанію отца въ 18-ть лѣтъ, но уже съ первыхъ дней царствованія увидѣли, что юный король скучаетъ опекою старой бабки своей и пяти старыхъ ея совѣтниковъ. Сдѣлавшись королемъ, Карлъ XII-й не перемѣнялъ образа своей полудикой жизни,

не вмѣшивался въ государственныя дѣла, по прежнему билъ медвѣдей, училъ солдатъ, жилъ въ лагерѣ. Пиперъ, любимецъ его, хитрый и честолюбивый придворный, скоро понялъ положеніе Короля. «О чемъ вы думаете, В. В.?» сказалъ онъ ему однажды, когда Карлъ XII-й задумчиво смотрѣлъ на маршированье солдатъ своихъ. «О томъ,» отвѣчалъ Король, «что такіе храбрые люди и я, король ихъ, повинуемся старой бабѣ!» Пиперъ улыбнулся, открылъ Королю планъ свой, сказалъ, что общее желаніе давно требуетъ ему полнаго самовластія. Карлъ XII-й препоручилъ Пиперу исполнить предположенный планъ, и чрезъ три дня сенатъ единогласно призналъ Карла XII-го совершеннолѣтнимъ, уничтожилъ опеку старой Королевы и вручилъ полную власть юному Королю. Всѣ честолюбцы придворные думали, что воспользуются его юностью, но уже при коронованіи, когда архіепископъ Упсальскій хотѣлъ возложить на него корону, Карлъ XII-й схватилъ ее, надѣлъ на свою голову и сказалъ

громко: «Богъ далъ мнѣ ее, и самъ дьяволъ не отниметъ ее у меня!» Онъ въѣхалъ въ столицу верхомъ, съ короною на головѣ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, и при первомъ засѣданіи сената отнялъ всѣ надежды у тѣхъ, кто думалъ управлять его волею. Не слушая ни чьего мнѣнія, онъ рѣшалъ дѣла самъ, не хотѣлъ ни чьихъ совѣтовъ, и только хитрый Пиперъ, возведенный имъ въ званіе перваго министра, могъ еще отчасти управлять его неукротимымъ характеромъ. Съ трудомъ успѣли уговорить Карла XII-го изъявлять уклончивость въ переговорахъ съ Даніею, Польшею и Россіею, когда они начали изъявлять свои различныя требованія и притязанія. Восмнадцать лѣтъ едва только исполнилось Карлу XII-му а уже все окрестъ него трепетало его воли, войско любило его, народъ обожалъ, и при такомъ властителѣ Швеція являлась опасною, болѣе нежели при отцѣ его, королѣ угрюмомъ, умномъ, но хладнокровномъ и не войнолюбивомъ. Силы Швеціи были тогда

весьма велики. Населенная народомъ крѣпкимъ, мужественнымъ, умѣреннымъ въ жизни, преданнымъ отечеству, она обладала Финляндіею, всѣми восточными областями Балтійскаго моря до Курляндіи, Помераніею, и была въ крѣпкомъ родственномъ союзѣ съ Голштиніею. Казна государственная была обогащена редукціями и экономіею Карла XI-го; сильный флотъ и 60,000 готоваго войска защищали Швецію, но по военной системѣ, введенной Карломъ XI-мъ съ 1680 года, въ двое болѣе могла поставить Швеція при первомъ призывѣ короля. Швеція была вполнѣ государство воинственное. Двадцатилѣтній миръ усилилъ въ Швеціи просвѣщеніе, образованность, и умножилъ источники народнаго богатства. Словамъ, никогда прежде Швеція не была столь сильна и могущественна. Такое государство, управляемое королемъ, характеръ коего старались мы изобразить въ краткомъ очеркѣ, долженъ былъ побѣдить Петръ съ своею *тогдашнею* Россіею. Видимъ, что юность Карла

XII-го не только не уменьшала опасностей борьбы, но увеличивала ее, ибо неопытный, славолюбивый, неукротимый, Карлъ XII-й тѣмъ страшнѣе былъ своею непобѣдимою, упрямою волею, коей не находилъ предѣловъ.

Едва только получено было извѣстіе о войнѣ, объявленной Даніею, Карлъ XII-й показалъ необыкновенную радость и велѣлъ немедленно готовиться войску. Онъ хотѣлъ самъ вести его въ битвы. Вскорѣ получено было объявленіе войны Польшею. Карлъ XII-й не думалъ унывать, и когда при объявленіи войны Россіею тревога распространилась между всѣми совѣтниками Короля, онъ отвѣчалъ на предложеніе ихъ войдти въ переговоры, мириться и уступить — «Никогда! Беру мечъ мой, и не положу его, пока не заставлю всѣхъ злобныхъ враговъ моихъ просить у меня мира!» — Ему представляли, что у него нѣтъ союзниковъ — «Богъ, мечъ мой и любовь народа мои союзники!» отвѣчалъ онъ. Хотѣли распоряжаться военными дѣйствіями въ одно время въ Лиф-

ляндіи и въ Ингерманландіи—«Не нужно,» отвѣчалъ Король—«я иду самъ въ Данію, разобью сперва Датчанъ, потомъ пойду на Поляковъ и Рускихъ, а пока я буду бить однихъ, другіе ничего не успѣютъ сдѣлать.»

Поспѣшно велѣлъ онъ собираться войску въ лагерь на Сканскомъ берегу, объявляя, что принимаетъ надъ нимъ главное начальство. Флотъ и войско свое хотѣлъ онъ вести прямо къ Копенгагену. Датчане вошли уже въ то время въ Голштинію. Герцогъ Голштинскій бѣжалъ въ Стокгольмъ. Готторпъ былъ занятъ Датчанами. Тоннингенъ осажденъ ими. Войска Саксонское, Бранденбургское, Гессенъ-Кассельское, Брауншвейгское соединялись съ Датскимъ. Карлъ XII-й отнесся къ Англіи и Голландіи, напоминая симъ державамъ договоры и союзы. Напрасно умоляли его предъ отъѣздомъ изъ Швеціи обезопасить Лифляндію, куда быстро шелъ король Августъ съ своимъ войскомъ. «Успѣю!» отвѣчалъ Карлъ XII-й. Говорили, что Лифляндцы, жалобъ

коихъ не думалъ онъ слушать, передадутся непріятелю — «Не посмѣютъ!» былъ отвѣтъ Карла XII-го.

Между тѣмъ царскія войска двинулись изъ Новгорода, вступили въ Шведскіе предѣлы и заняли небольшіе города Ямъ, Сыренскъ, Копорье. Планъ войны расположилъ самъ Царь. У него не было уже тогда ни Лефорта, ни Гордона. Онъ положилъ идти къ Нарвѣ, осадить сію важную крѣпость, взять ее, открыть сообщеніе къ морю и сблизиться потомъ съ королемъ Августомъ, занявши Ингерманландію и Эстляндію. Сентября 1-го выступилъ изъ Новгорода князь Трубецкой, съ 6,000 войска, и 9-го обложилъ Нарву; 23-го прибылъ къ Нарвѣ самъ Царь, съ 8,000 войска; Октября 1-го пришелъ Адамъ Вейде (спутникъ Царя подъ Азовомъ и въ путешествіи за границею, уже генералъ въ то время) съ 8,000, а 14-го Ѳ. А. Головинъ съ остальными Русскими войсками. Число всего Русскаго войска подъ Нарвою, съ отрядами, подошедшими въ послѣдствіи, про-

стиралось до 40,000, въ томъ числѣ было 10,000 конницы и до 30,000 пѣхоты; конницу почти всю составляли казаки и нерегулярныя войска. Армія раздѣлялась на три осадные корпуса, подъ командою Головина, Вейде и Трубецкаго. Правами главнокомандующаго облеченъ былъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, а Б. П. Шереметевъ былъ его помощникомъ, начальствуя коннымъ, охраннымъ корпусомъ. Царевичъ Имеретинскій, Александръ Арчиловичъ, обучавшійся въ Голландіи артиллерійскому искуству, начальствовалъ артиллеріею съ званіемъ фельдцейхмейстера. Всѣ полковники новобранныхъ полковъ были иностранцы. Въ Новгородѣ явился къ Царю, съ граматами отъ Императора и отъ Польскаго Короля, герцогъ *Карлъ Евгеній Крои.* Знатнаго происхожденія, извѣстный храбростью, онъ искалъ счастія по Европѣ, служилъ Даніи, Императору, Польшѣ, и пріѣхалъ наконецъ въ Россію. Краснорѣчивый говорунъ и великій теоретикъ, Крои увлекъ вниманіе Царя, и находился, вмѣстѣ съ

генераломъ Аллартомъ, прибывшимъ въ то же время изъ Польши, при особѣ царской.

Нарва, древній городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ 12-ти верстахъ отъ него впадающей въ море, съ *Иванъ-Городомъ*, старинною крѣпостью, построенною Рускими на правомъ берегу сей рѣки и уступленною Шведамъ при царѣ Михаилѣ, охранялась старымъ и храбрымъ генераломъ Горномъ; у него было только 2,000 человѣкъ гарнизона, но онъ отказался сдать городъ. Съ 20-го Октября начали обстрѣливать Нарву изъ 80-ти пушекъ, стрѣляли двѣ недѣли, но Горнъ не думалъ уступать, тѣмъ болѣе, что ждалъ скорой помощи, надѣялся на сильныя укрѣпленія Нарвскія и храбрость солдатъ своихъ, видѣлъ неискуство осаждающихъ, безпорядокъ ихъ дѣйствій, и зналъ о недостаткѣ даже пороха и артиллерійскихъ запасовъ въ Русскомъ лагерѣ, что открылъ ему измѣнникъ, Шведъ Гумортъ, служившій въ царской гвардіи капитаномъ и удостоенный дружбы Царя, но оставившій

Русскіе ряды и бѣжавшій въ Нарву. Ужасная осенняя погода развела грязи и пресѣкла сообщенія. Войско Русское терпѣло недостатокъ и роптало. Царь не смѣлъ отважиться на приступъ, хотя ободрялъ войско примѣромъ своимъ, ходилъ подъ выстрѣлами непріятельскими и не унывалъ. «Кто труситъ — ступай въ обозъ!» отвѣчалъ онъ, когда полковникъ Бломбергъ представилъ ему объ опасностяхъ, какимъ онъ подвергается. «И апостолъ Павелъ говоритъ: трудящійся, да ястъ!» сказалъ онъ Аллерту, замѣтившему, что Царь могъ бы другимъ поручить разводку линій, исполняемую имъ самимъ, при ужасной канонадѣ съ Нарвскихъ укрѣпленій.

Вся осада Нарвы могла показать неопытную отвагу Царя. Но что дѣлали въ то время болѣе искусные и болѣе опытные союзники его? Одинъ, Король Датскій, уже мирился тогда съ Карломъ XII-мъ; другой, Король Польскій, безъ боя уступалъ побѣду Шведскому герою, ознаменовавшему свое пер-

вое появленіе на военномъ поприщѣ мужествомъ и дарованіями воинскими необыкновенными; третій, Курфирстъ Бранденбургскій, даже и не принимался за оружіе, вызвалъ поспѣшно свой отрядъ изъ Голштиніи, едва узналъ, что Швеція воюетъ съ Даніею, и ждалъ чѣмъ кончится война. Англія и Голландія, оскорбленныя своевольными поступками Датскаго Короля, заступились за Голштинію. Они послали флоты свои къ Зунду. Когда 8,000 Шведовъ высажены были на берегъ въ Помераніи и спѣшили защищать Голштинію, куда шли кромѣ того Ганноверскія, Брауншвейгъ-Цельскіе и Голландскіе отряды, Мая 8-го 1700 года Карлъ XII-й оставилъ Стокгольмъ, и надолго! Народъ провожалъ его радостными кликами. Восторгъ Шведовъ встрѣтилъ его въ Карлскронѣ, гдѣ собранъ былъ сильный Шведскій флотъ. Здѣсь Карлъ переправился на огромный 120-ти пушечный корабль: *Король Карлъ*, и сопровождаемый 20,000-ми войска, посаженнаго на 42 корабля,

поплылъ прямо къ берегамъ Даніи. Датскій Король находился въ Голштиніи, не ожидая быстраго рѣшенія юнаго героя Шведскаго, заспѣшавшаго ударить на Копенгагенъ и захватить столицу Даніи. Однимъ ударомъ хотѣлъ онъ кончить войну, и не ошибся. Датскій флотъ не осмѣлился препятствовать переправѣ Шведовъ. Карлъ XII-й присталъ къ берегамъ Даніи у Гумблебека, въ семи миляхъ отъ столицы Датской. Датчане хотѣли воспрепятствовать высадкѣ. Карлъ XII-й самъ бросился въ шлюпку, соскочилъ по поясъ въ воду и почти первый вышелъ на Датскій берегъ. Пули свистали около него. «Что это такое жужжитъ?» спросилъ Карлъ XII-й. «Пули, Государь!» отвѣчали ему. «Славная музыка! Она мнѣ такъ нравится, что отнынѣ я отказываюсь отъ всякой другой!» вскричалъ Карлъ XII-й и подлѣ него, въ ту самую минуту, пали поручикъ и маіоръ. Съ мечемъ въ рукѣ, восклицая: «Съ нами Богъ!» бросился онъ на Датскіе ретраншаменты. Радостно шли за

нимъ Шведы и ничто не устояло. Датчане уступили, бѣжали. Смотря на бѣгство ихъ, Карлъ XII-й преклонилъ колѣно среди взятаго ретраншамента и благодарилъ Бога за свою *первую* побѣду.

Слѣдствія отваги Карла XII-го были весьма велики. Едва только Шведы начали разставлять баттареи, приближась къ столицѣ Датской, Копенгагенъ, беззащитный, оставленный Королемъ своимъ, прислалъ просить пощады, обѣщая безденежно снабжать войско Шведское припасами. Карлъ XII-й принялъ Датскихъ депутатовъ передъ строемъ солдатъ своихъ, верхомъ, со шпагою въ рукѣ, потребовалъ съ Копенгагена тяжкой контрибуціи, и обѣщанія заключить немедленно миръ. За всѣ припасы жителямъ велѣно было выдавать деньги. »Я воюю съ Датскимъ Королемъ, а не съ мирными жителями,» говорилъ юный Король, и удивилъ Датчанъ строгою дисциплиною своихъ войскъ. Каждый день, по утру и въ вечеру, онъ самъ присутствовалъ при

молитвѣ, не допускалъ въ лагерь женщинъ, разстрѣлялъ нѣсколько солдатъ, уличенныхъ въ грабежѣ у жителей разныхъ вещей. Никто въ войскѣ его не смѣлъ пировать и роскошничать. Король ѣлъ обыкновенный солдатскій паекъ, пилъ воду, спалъ въ мундирѣ, не скидая даже своихъ огромныхъ ботфортовъ. Въ лагерь къ 18-ти-лѣтнему побѣдителю явились министры Датскіе, послы Французскій, Нидерландскій, Англійскій, Ганноверскій. Король самъ велъ переговоры со всѣми. Пиперъ исполнялъ только его повелѣнія. Спрашивали: чего онъ желаетъ? «Мира и ничего болѣе,» отвѣчалъ Карлъ XII-й. Конгрессъ немедленно открылся въ Травендалѣ, и 8-го августа миръ съ Даніею былъ подписанъ: Данія отреклась отъ союза съ Польшею и Россіею, очистила Голштинію, утвердила ея независимость, заплатила издержки и убытки. Думали, что Карлъ XII-й возвратится отдыхать въ Швецію, но онъ велѣлъ поспѣшно готовиться къ отбытію въ Лифляндію.

Тамъ съ 14-го Февраля Саксонскія войска открыли военныя дѣйствія, и овладѣли крѣпостью Кобронъ-шанцомъ, близъ Риги на Двинѣ. Марта 13-го король Августъ хотѣлъ взять приступомъ Динаминдъ, крѣпость при впаденіи Двины въ море. Карловичъ, бывшій посолъ въ Москвѣ, и 1000 человѣкъ Саксонцовъ погибли на неудачномъ приступѣ, но вскорѣ крѣпость сдалась. Шведскій генералъ Веллингъ собралъ 10,000 войска и явился отражать Саксонцовъ. Тщетно Августъ требовалъ помощи Поляковъ. Они отказали ему въ войскѣ и въ деньгахъ, и 15-го Іюня Августъ началъ осаждать Ригу только съ своими Саксонцами и вольницею Польскою. Старикъ Далбергъ защищался мужественно; выжегъ форштадты Рижскіе, Рига не сдавалась, храбрость Августа охладѣла. Съ обѣихъ сторонъ только проводили время. Слыша о мирѣ Шведовъ съ Даніею и скоромъ прибытіи въ Лифляндію Карла XII-го, Августъ не смѣлъ дожидаться его, снялъ осаду 15-го Сентября, и удоволь-

ствовался занятіемъ небольшой крѣпости Кокенгузена. Октября 6-го Король Шведскій вышелъ на Ливонскій берегъ въ Перновѣ. Видя, что Рига свободна, не смотря на осенніе дожди и ужасную грязь, онъ рѣшился немедленно идти и освободить Нарву, гдѣ угрожала Шведамъ большая опасность. Прямая дорога въ Нарву черезъ Вейсенштейнъ была непроходима. Карлъ отправился съ войскомъ своимъ черезъ Ревель, куда пришелъ 26-го Октября. Ноября 6-го Карлъ XII-й и съ нимъ Веллингъ были въ Вейсенбергѣ.

Царь видѣлъ себя въ то время въ такомъ же затрудненіи, въ какомъ былъ онъ во время перваго Азовскаго похода. Но тамъ оставалось у него сообщеніе съ Россіею по Дону и неприятелями были Турки. Здѣсь всѣ средства сообщенія съ Россіею были отняты въ опустошенной, и безъ того бѣдной странѣ, и ему угрожалъ Король Шведскій, съ войскомъ немногочисленнымъ, но искуснымъ, опытнымъ, и уже побѣдоноснымъ, уже гордымъ слав-

ною побѣдою. Тяжко было Царю слышать объ униженіи Даніи и безуспѣшной войнѣ короля Августа. Отъ союзниковъ не могъ уже онъ ожидать ничего, когда собственное положеніе его становилось день ото дня бѣдственнѣе. У Русскихъ недоставало уже ни пороху, ни хлѣба. Октября 29-го Шереметевъ, посланный развѣдывать о Карлѣ XII-мъ, разбилъ небольшой Шведскій отрядъ у Пурца, въ 9-ти миляхъ отъ Нарвы, и прислалъ извѣстіе что Король поспѣшно идетъ на Нарву. Царь послалъ требовать рѣшительной сдачи города. Горнъ встрѣтилъ посланнаго на валу, и насмѣшливо указывая ему на пушку, выпалившую въ то время, сказалъ: «Вотъ изъ этой черпилицы я посылаю вашему Царю отвѣтъ!» Царь рѣшился идти на приступъ къ Иванъ-Городу 7-го Ноября, но осажденные сражались храбро и Русскіе были отбиты. Карлъ XII-й шелъ между тѣмъ день и ночь, бросивъ обозъ и тяжести въ Вейсенбергѣ, откуда выступилъ 12-го Ноября. Царь велѣлъ Шереметеву за-

щищать дефилеи въ 6-ти миляхъ отъ Нарвы, и самъ рѣшился оставить свой лагерь.

Говорили въ послѣдствіи, что отъѣздъ Царя показывалъ робость его — обвиненіе неосновательное! И прежде и послѣ показывалъ Петръ знакомо ли было ему когда нибудь чувство страха. Нѣтъ! онъ не робѣлъ прибытія Короля Шведскаго, но спѣшилъ подкрѣпить снарядами и припасами Русское войско, хотѣлъ проѣхать къ Ригѣ, повидаться съ Августомъ, придвинуть 15,000 свѣжаго запаснаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Рѣпнина, и условиться въ единствѣ дѣйствій съ Польскимъ Королемъ. Лагерь Русскій былъ укрѣпленъ рвомъ, въ сажень ширины и глубины, и за нимъ валомъ въ сажень вышиною, сильными баттареями, крѣпкими палисадами, рогатками, и 45,000 войска, со 150 пушками и мортирами, казалось, могли защититься въ немъ отъ 10,000 Шведовъ, коихъ велъ съ собою Король Шведскій. Главное начальство Царь ввѣрилъ безъ себя герцогу Крои и генералу

Аллярту, надѣясь на ихъ опытность. Наконецъ, не думалъ ли онъ и о томъ, что если его присутствіе могло ободрить войско и содѣйствовать его мужеству, то кто безъ него могъ распорядить средствами пособія въ случаѣ неудачи? Утромъ 18-го Ноября, Царь, съ Ѳ. А. Головинымъ, оставилъ лагерь Нарвскій и поспѣшно отправился въ Новгородъ.

Но едва уѣхалъ Царь, все мгновенно измѣнилось и разстроилось въ лагерѣ Русскомъ. Не слушали, явно презирали герцога Кроп. Въ тотъ же день напился онъ пьянъ, по своему обыкновенію, за обѣдомъ, забылъ даже принять предосторожности на ночь, какъ будто не зная, что Карлъ XII-й былъ уже такъ близко. Жестокая выюга съ снѣгомъ поднялась ночью. Утромъ 19-го прискакала разстроенная конница Шереметева, не удержавшая дефилей, и распространила тревогу и смятеніе. Какой-то Чухонецъ указалъ между тѣмъ Шведамъ тропинку по болотамъ, считавшимся непроходимыми, и когда разбуженный въ рас-

плохъ, полупьяный Кронъ велѣлъ бить сборъ, пушечные выстрѣлы, ружейная пальба и крикъ: «Съ нами Богъ!» возвѣстили нападеніе Шведовъ съ той стороны, откуда вовсе ихъ не ожидали. Карлу XII-му представляли опасность нападенія съ 8,000 Шведовъ, коихъ успѣлъ онъ привести подъ Нарву послѣ труднаго и поспѣшнаго похода, на 80,000 Русскихъ, какъ говорили тогда. «Такъ не ужели вы думаете, что 8,000 храбрыхъ Шведовъ не справятся съ 80,000 Московскихъ мужиковъ?» вскричалъ Король — «Впередъ!» Шведы бросились чрезъ ровъ и валъ, захватили Русскія баттареи, оборотили пушки въ лагерь, и подъ прикрытіемъ выстрѣловъ ударили въ штыки. Конница понеслась по лагерю.

Тогда все Русское войско представило странное зрѣлище безпорядка. Стѣсненіе войскъ въ лагерѣ, куда съ двухъ сторонъ врѣзались Шведы, умножало смятеніе. Никто не повелѣвалъ, никто не слушалъ повелѣній — кто бѣжалъ, кто дрался, кто сдавался! Многіе,

крича: «Нѣмцы измѣнили намъ!» бросились къ палаткѣ Крои, убили его адьютанта, изувѣчили слугъ, гайдуковъ его, и главный полководецъ Русскій, съ Аллартомъ, Польскимъ посланникомъ, бывшимъ въ лагерѣ, и многими Нѣмецкими офицерами спѣшилъ отдаться въ плѣнъ, спасая жизнь свою. Шведы гнали Руссихъ къ рѣкѣ Наровѣ; бѣгущіе бросились чрезъ рѣку; мостъ обрушился подъ ними; приведенные въ отчаяніе, Русскіе бѣглецы остановились. Дѣло могло еще поправиться. Князь Я. Ѳ. Долгорукій успѣлъ возстановить нѣкоторый порядокъ и началъ упорную битву. Съ другой стороны генералъ Вейде успѣлъ собрать и ободрить толпу бѣглецовъ. Но Руские сражались раздѣльно, почти не имѣли пушекъ, ибо непріятель захватилъ ихъ, и притомъ что могло противиться пылкому Карлу XII-му и воинамъ его, оживленнымъ его примѣромъ! Малочисленность Шведовъ замѣнялась артиллеріею, стройностью движеній и храбростью. Король не ща-

дилъ себя и бросался въ огонь. Пуля на излетѣ попала ему въ галстухъ; ядромъ убило подъ нимъ лошадь. «Каковы мужики!» сказалъ онъ, усмѣхнувшись — «они заставляютъ меня экзерцироваться!» Въ пылу битвы, онъ потерялъ сапогъ съ одной ноги, но не выходилъ изъ огня, осыпаемый пулями и ядрами. Не смотря ни на что, Руcкіе выдержали однакожь нападеніе до самой ночи и думали ночью отступить, поспѣшая наводить мостъ, когда темнота прекратила битву. Шведы провели ночь на полѣ битвы и рано по утру прислали договариваться. Карлъ XII-й отпускалъ Рускихъ, съ оружіемъ, отбирая только обозъ и пушки. Видя безнадежность успѣха, Долгорукій и Вейде согласились на условіе. Но едва только двинулись Рускіе изъ лагеря, Шведы бросились на нихъ, утверждая, что условіе въ чемъ-то не было соблюдено, и всѣ не успѣвшіе перейдти за рѣку, принуждены были сдаться, утомленные, голодные, иззябшіе. Весь Русскій лагерь, царская казна, ар-

тиллерійскіе снаряды, 145 пушекъ, 28 мортиръ, 153 знамя, 20 штандартовъ, фельдмаршалъ герцогъ Кроп, царевичъ Имеретинскій, генералы Алартъ, Вейде, князь Трубецкой, Бутурлинъ, Авт. Мих. Головинъ, князь Я. Ѳ. Долгорукій, 8 полковниковъ, 30 штабъ и оберъ-офицеровъ были трофеями Шведской побѣды. Рускіе, успѣвшіе уйдти, бѣжали безостановочно до Новгорода. Шведы не преслѣдовали ихъ. Шереметевъ съ конницею, при самомъ началѣ сраженія, бросился вплавь черезъ Нарову, погубилъ болѣе тысячи человѣкъ при сей опасной переправѣ, но ушелъ съ остальными. Число убитыхъ, утонувшихъ и замерзшихъ полагали до 7,000, плѣнныхъ было до 15,000. Шведы потеряли 2,000 человѣкъ. Карлъ XII-й торжественно въѣхалъ въ Нарву 20-го Ноября. Русскіе плѣнные отосланы были въ Ревель и оттуда по веснѣ перевезены въ Швецію. Несчастный герцогъ Кроп умеръ въ Ревелѣ, 20-го Января 1702 года. Тѣло его, похороненное въ Ревельской церкви св. Нико-

лая, донынѣ показываютъ тамъ уцѣлѣвшее отъ тлѣнія, что произошло отъ особеннаго свойства земли, гдѣ находился погребальный склепъ его. Вынутое неизвѣстно когда, нынѣ лежитъ оно безъ гроба, на катафалкѣ, покрытомъ стеклянными футляромъ. Церковный кистеръ показываетъ его за деньги любопытнымъ посѣтителямъ.... Когда донесли Карлу XII-му о плѣнномъ царевичѣ Имеретинскомъ — «Какая странная судьба!» сказалъ онъ — «Грузинскій царевичъ въ плѣну у Шведовъ! Вѣдь это все равно, еслибы Шведскій принцъ попался въ плѣнъ къ Крымскимъ Татарамъ!» Могъ ли думать тогда побѣдитель Нарвскій, что чрезъ девять лѣтъ самъ онъ будетъ искать спасенія среди Татаръ Крымскихъ? Горделиво объявилъ манифестомъ своимъ Карлъ XII-й, что Богъ правосудный помогъ ему наказать варвара, безчеловѣчно раззорявшаго Шведскія земли, клятвопреступнаго Русскаго Царя, осадившаго Нарву и постыдно бѣжавшаго, оставя *сто тысячную* армію, которую разбили

10,000 Шведовъ. На медали, выбитой по сему случаю, велѣлъ онъ изобразить связанныхъ вмѣстѣ Поляка, Датчанина и Рускаго. На другой сторонѣ медали, надъ Геркулесомъ, поражающимъ треглавую идру, написано было: Tres uno contudit ictu. Въ Швеціи едва вѣрили извѣстіямъ о неслыханныхъ побѣдахъ Карла XII-го, и по всей Европѣ съ изумленіемъ говорили объ юномъ героѣ Шведскомъ, въ полгода уничтожившемъ союзъ трехъ сильныхъ державъ, едва не взявшемъ столицу одного изъ союзниковъ, и среди болотъ и лѣсовъ, зимою, разбившемъ *безчисленную* армію другаго, въ такой битвѣ, гдѣ на одного Шведа приходились десятки Московитянъ. Недоумѣвали, гдѣ дѣвались тогда сила и храбрость Царя, еще столь недавно грознаго, могущаго, удивлявшаго Европу своимъ необыкновеннымъ умомъ.

Надобно ли изображать чувства Петра, когда онъ увидѣлъ мгновенно и неожиданно исчезнувшими всѣ мечты, всѣ надежды свои,

изображать его униженнаго, оскорбленнаго столь внезапною и грозною побѣдою, лишившею его войскъ, артиллеріи, солдатъ, офицеровъ, генераловъ? А слава? а гордая надежда его?... Нѣтъ! Слова будутъ здѣсь недостаточны. Не будемъ описывать и преувеличенныхъ слуховъ, распространившихся о могуществѣ Шведскаго Короля, порицаній Царя въ бѣгствѣ, въ трусливомъ оставленіи войска своего свирѣпымъ врагамъ, суевѣрныхъ толковъ, вопля невѣждъ, отчаянія всей Россіи! Царь въ Новгородѣ получилъ вѣсть о Нарвской битвѣ. Онъ отправилъ отсюда подъ Нарву снаряды, припасы, 12,000 казаковъ, подъ начальствомъ Рѣпнина, и производилъ строгое изслѣдованіе о причинахъ прекращенія подвоза припасовъ и снарядовъ подъ Нарву. Громовое извѣстіе смутило, поразило, уничтожило великій духъ Царя — онъ заперся въ своей комнатѣ, и нѣсколько часовъ никто не смѣлъ приступить къ нему, угрюмому, мрачному, молчаливому. Минуты сіи были ужасны, ужасны и потому,

что Царь былъ притомъ одинокъ—ему не съ кѣмъ было даже посовѣтоваться, не съ кѣмъ раздѣлить горя! Но недолго продолжалось смущеніе непреодолимаго бѣдствіями генія Петрова. Побѣжденный и непобѣдимый, грозно и величаво возсталъ онъ, воскресъ духомъ. Немедленно и прежде всего послано было отъ него повелѣніе воротить войско, посланное изъ Новгорода подъ Нарву, и другое повелѣніе набирать новые полки; устроеніе ихъ поручилъ онъ въ Москвѣ князю Бор. Алекс. Голицыну. Велѣно было поспѣшнѣе лить пушки, готовить снаряды и запасы. Есть преданіе, будто Царь долго затруднялся, не зная, гдѣ взять мѣди для пушекъ, и что къ нему явился тогда какой-то *Русскій человѣкъ*, литейщикъ, говоря, что мѣдь онъ можетъ ему доставить. Изумленный Царь велѣлъ ему объясниться. «Прикажи, Государь, сперва дать водки—съ похмѣлья смертно голова болитъ!» отвѣчалъ умный пьяница, опохмѣлился, и указалъ Царю на множество колоколовъ въ Мо-

сквѣ и по городамъ. «Возми ихъ и перелей въ пушки,» говорилъ онъ, «а когда Господь дасть, побѣдишь ты врага, такъ изъ его пушекъ вдвое можешь надѣлать колоколовъ.»— «Камень, его же небрегоша зиждущій, той бысть во главу угла,» сказалъ Царь, усмѣхаясь, «и какъ мнѣ это самому не приходило въ голову?» Онъ исполнилъ совѣтъ умнаго Русскаго человѣка.

Когда воротился съ войскомъ въ Новгородъ Рѣпнинъ, Царь велѣлъ ему охранять и укрѣплять Новгородъ. Шереметевъ первый пришелъ изъ-подъ Нарвы съ остаткомъ конницы. По немногу собрались остальные бѣглецы — ихъ было еще болѣе 20,000, и Царь особенно обрадовался, что между ними уцѣлѣли два гвардейскіе полка его, отличившіеся храбростью въ несчастной Нарвской битвѣ. Шереметевъ немедленно отправленъ былъ во Псковъ. Такимъ образомъ двѣ главныя точки, на которыя опасались непріятельскаго нати-

ска, Новгородъ и Псковъ, были немедленно прикрыты.

Царь могъ бояться быстраго, опаснаго движенія впередъ Карла XII-го, но вскорѣ онъ сообразилъ и убѣдился, что походъ въ Россію зимою, съ малымъ войскомъ, былъ невозможенъ непріятелю. Узнавши, что Шведы выступили изъ Нарвы съ Королемъ своимъ и остановились зимовать въ Дерптѣ, Царь, совершенно успокоенный, поспѣшилъ въ Москву, 12-го Декабря. Онъ не думалъ просить мира. Пока цѣлая зима оставалась ему на изготовленіе новыхъ войскъ и новыхъ средствъ защиты, онъ не прекращалъ военныхъ дѣйствій съ тѣми войсками и съ тѣми средствами, какія у него уцѣлѣли. Шереметеву велѣно было посылать отряды казаковъ въ Шведскія области. Получивъ сей приказъ Шереметевъ сомнѣвался и робѣлъ. «Развѣ въ несчастіи должно упадать духомъ?» писалъ къ нему Царь. «Не дерзай отговариваться, а если ты боленъ лихорадкою, полученною въ бѣгствѣ, знай, что я

хорошо умѣю лечить отъ нея. Да будетъ надъ тобою Божіе благословеніе—иди и исполняй!»

Въ Москву явился Царь уже смѣлымъ и бодрымъ среди унылыхъ и безнадежныхъ царедворцовъ и народа. Сердца ожили. Дѣятельность удвоилась. Тысячи рукъ работали. Полки набирались, учились. Царь писалъ королю Августу, что потеря сраженія подъ Нарвою нисколько не разрушаетъ ихъ союза. Января 12-го Царь вновь заключилъ союзъ съ Датскимъ Королемъ, въ Москвѣ, черезъ посланника его Павла Гейнзія, не думая упрекать слабаго союзника въ заключеніи невольнаго мира. Войны, войны жаждалъ Царь, готовый загладить униженіе всяческими пожертвованіями. Января 31-го Царь отправился въ Смоленскъ. Февраля 17-го онъ былъ въ главной квартирѣ короля Августа, мѣстечкѣ Биржѣ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Динаминдскую крѣпость, какъ будто спѣша исполнить свое обѣщаніе, «осмотрѣть Рижскую

крѣпость безъ позволенія Шведовъ.» Отсюда Царь и Король проѣхали въ Митаву, воротились въ Биржу 25-го, и Царь поспѣшилъ въ Москву. Августъ изумлялся величію духа своего союзника. Царь уже не думалъ о Нарвской потерѣ, обѣщалъ ему прислать 20,000 Русскаго войска и 200,000 ефимковъ на военные расходы, просилъ только его не унывать и стоять мужественно. «Пусть бьютъ Шведы моихъ Рускихъ—они выучатъ насъ бить ихъ, и когда же ученье проходитъ безъ потери и огорченія?» говорилъ Царь. Петръ и Августъ весело пировали въ Биржѣ, и Августъ клялся Царю въ вѣчной дружбѣ, въ твердомъ намѣреніи не уступать Королю Шведскому. Увидимъ, какъ сдержитъ онъ свое слово, а Царь умѣлъ держать свои обѣщанія.

Изумительная дѣятельность Царя была такъ всемогуща, что къ веснѣ 1701 года, всѣ Русскія границы на сѣверѣ уже были прикрыты сильнымъ войскомъ, снабженнымъ артиллеріею и обильными запасами. Шведы нападали зи-

мою на Гдовъ. Ихъ отбили. Руские, напротивъ, безнаказанно громили Эстляндію и Ингерманландію, не смотря на то, что въ первой изъ сихъ областей былъ самъ Король Шведскій съ войскомъ, а вторую охранялъ сильный корпусъ генерала Кроніорта. «Ты пишешь о прибавкѣ войска и пушекъ,» отвѣчалъ Царь Шереметеву» но я все къ тебѣ послалъ по требованію. Теперь тебѣ нечѣмъ отговариваться — пора за дѣло! Мы сами не подъ лапу идемъ къ непріятелю, а въ самой ротъ, но при помощи Божіей ничего не боимся!» Корпусъ Рѣпнина, состоявшій изъ 20,000, отправился на омощь королю Августу. Шереметеву поручено было начальство надъ охранявшимъ Псковъ и Новгородъ остальнымъ войскомъ, и велѣно, если удалится Карлъ XII-й къ Ригѣ, идти со всѣми бывшими во Псковѣ войсками и раззорять Эстляндію. Двѣнадцать регулярныхъ полковъ было сформировано въ Москвѣ зимою, и съ 250-ю пушками, 12-ю мортирами и 13-ю гаубицами отправлено въ Новгородъ. Слыша о

намѣреніи Шведовъ раззорить Архангельскъ, Царь распорядился его защитою. Тридцать тысячь Калмыковъ и Татаръ были осмотрѣны Царемъ подъ Москвою и отправлены во Псковъ. Онъ самъ хотѣлъ ѣхать въ армію, но прежде надобно было ему осмотрѣть кораблестроеніе въ Воронежѣ, и 1-го Мая онъ отправился туда, какъ будто вовсе забывая о близкомъ, опасномъ сосѣдствѣ непріятеля. Поѣздка Царя продолжалась шесть недѣль. Онъ увидѣлъ въ то время неудобство Воронежской верфи, велѣлъ перенести ее на устье Воронежа, и заложилъ тамъ новый городъ, *Тавровъ*. Іюня 19-го Царь воротился въ Москву. Здѣсь огорчило его несчастіе, испытанное древнею столицею: страшный пожаръ опустошилъ Москву; выгорѣло нѣсколько тысячь домовъ; огонь распространился на Кремль, гдѣ погорѣло тогда множество зданій и церквей, даже попадали колокола съ Ивана Великаго, и едва могли отстоять соборы и дворецъ царскій. Въ началѣ Іюля Царь спѣшилъ во Псковъ. Онъ самъ

укрѣпилъ тамъ городъ, и Печерскій монастырь, отстоящій въ 30-ти верстахъ отъ Пскова. Царь заложилъ передъ монастыремъ своими руками баттарею, и осенью отправился въ Москву, куда прибылъ 19-го Октября, готовый къ предпріятіямъ общирнѣйшихъ. Уже не защищаться только, но возобновить *наступательную войну* рѣшался Царь. Обстоятельства къ тому были благопріятны. Карлъ XII-й оставилъ Россію и увлекся другими предпріятіями.

Недостатокъ квартиръ и продовольствія, нападенія и тревоги Рускихъ зимою, и болѣзни, открывшіяся въ Шведскомъ войскѣ, препятствовали Карлу XII-му весною выступить въ походъ. Онъ хотѣлъ изгнать короля Августа съ его Саксонцами изъ Лифляндіи. Двѣнадцать тысячь Саксонцовъ все еще занимали берега Двины, отъ Кокенгузена до Риги. Оставивъ генерала Шлиппенбаха съ 8000-ми въ Эстляндіи, и подкрѣпивъ его флотиліею на Чудскомъ озерѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Нумерса, снабдивъ Нарву сильнымъ

гарнизомъ, и Кроніорту съ 6000-ми препоручивъ охраненіе Ингерманландіи, съ 25,000-ми Шведовъ пошелъ Карлъ XII-й къ Ригѣ, уже 27-го Іюня. Король Августъ принужденъ былъ тогда удалиться изъ своей арміи, повредивъ руку при паденіи съ лошади. Фельдмаршалъ Штенау принялъ вмѣсто него начальство, вмѣстѣ съ Курляндскимъ Герцогомъ. Король Шведскій успѣлъ обмануть искусными маршами Штенау, раздѣлилъ его съ Русскимъ корпусомъ Рѣпнина, шедшимъ на помощь, и 8-го Іюля при Тассенгольмѣ переправясь черезъ Двину, смѣло ударилъ на Саксонское войско. Ему замѣтили опасность высадки на берегъ подъ выстрѣлами непріятеля. «Неужели Двина глубже Копенгагенскаго моря?» отвѣчалъ онъ, «но и тамъ побили мы Датчанъ, а здѣсь неужели не побьемъ Саксонцовъ?» Битва была жестокая. Карлъ XII-й опять въ числѣ первыхъ вышелъ на берегъ, и съ своими драбантами, или избранною гвардіею, бросался въ огонь, какъ простой солдатъ. Никакія усилія Саксонцовъ

не помогли; они были разбиты, потеряли 36 пушекъ, 4 знамя, 2000 человѣкъ убитыми, едва спаслись съ поля битвы, и Шведы, раздѣлясь на два корпуса, преслѣдовали въ одно время Курляндскаго Герцога, отступавшаго къ Ригѣ, и Штенау, соединившагося съ Рѣпнинымъ. Почти безъ боя Шведы вступили въ Митаву и забрали всѣ мѣста по Двинѣ, дотолѣ занятыя Рускими и Саксонцами. Карлъ XII-й поспѣшалъ нанести рѣшительный ударъ Августу. Затрудненный въ продовольствіи, лишенный всякаго пособія, Штенау думалъ только о спасеніи своего войска. Онъ отпустилъ Рѣпнина и отступалъ передъ напиравшимъ на него Шведскимъ войскомъ до Ковно. Іюля 13-го Карлъ XII-й находился въ Биржѣ, мѣстѣ бывшей главной квартиры Августа, и остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ еще такъ недавно жили нѣсколько дней вмѣстѣ Петръ и Августъ. Когда сказали Карлу XII-му, что здѣсь пировали Король Польскій и Царь Московскій, онъ насмѣшливо отвѣчалъ: «Когда узнаютъ

храбрые Король и Царь, что я занялъ теперь ихъ квартиру, вѣроятно, это извѣстіе отобьетъ у нихъ впередъ охоту пировать!» Онъ неутомимо преслѣдовалъ Штенау и вошелъ въ Польшу. Поляки представили Августу, что они не потерпятъ военныхъ дѣйствій на Польской землѣ, ибо Рѣчь Посполитая не принимала участія въ войнѣ его съ Шведами, сохраняя строжайшій неутралитетъ. Августъ согласился съ ними и Саксонцы перешли въ Пруссію. Король Шведскій немедленно вывелъ также войско свое изъ Польши въ Курляндію. Онъ обложилъ контрибуціями города Курляндскіе, принудилъ Герцога отказаться отъ помощи Августу и расположилъ Шведовъ въ его владѣніяхъ на зимовку. Изъ Либавы открыто было сообщеніе моремъ съ Швеціею. Крѣпость Динаминдъ сдалась обратно Шведамъ 11-го Декабря.

Такъ, опять въ одинъ походъ, Карлъ XII-й уничтожилъ *третьяго* соперника, очистилъ Лифляндію и угрожалъ Польскому Королю,

какъ въ прошломъ году угрожалъ Королю Датскому и Царю Рускому. Казалось, побѣда слѣдовала за ними повсюду. Участь Августа была въ рукахъ Карла XII-го. Царя почиталъ онъ рѣшительно уничтоженнымъ, хотя извѣстія объ удаленіи отъ Русскихъ предѣловъ Карла XII-го, новыхъ успѣхахъ его и уничтоженіи Саксонскихъ войскъ, не только не пугали, но даже радовали Царя. Корпусъ Рѣпнина, мало участвовавшій въ битвахъ, благополучно возвратился во Псковъ. Царь предвидѣлъ, что Король Шведскій увлечется въ Польскія дѣла, особливо когда услышалъ онъ, что гордый побѣдитель поклялся низложить Августа. Такое обѣщаніе непримиримаго непріятеля тѣмъ сильнѣе укрѣпляло ему союзъ Короля Польскаго. Будущее было передъ Петромъ, и онъ могъ сказать, подобно Карлу V-му: «Противъ одного непріятеля насъ двое—*я* и *время*.» Царь могъ убѣдиться въ томъ изъ собственнаго своего примѣра, ибо убѣждая Августа не мириться и не уступать, онъ радовался совершенному

измѣненію дѣлъ въ собственной борьбѣ своей съ Шведами.

Уже не только изглажены были слѣды Нарвскаго бѣдствія, но Руские смѣло начинали битвы, и даже побѣждали Шведовъ въ малыхъ сшибкахъ, хотя еще большею частью успѣхъ происходилъ не отъ искусства, но отъ превосходства числомъ. Шлиппенбахъ, охранявшій Эстляндію, не имѣлъ возможности остановить опустошительные набѣги Рускихъ. Города и селенія Эстляндскіе всюду лежали въ пеплѣ. Тысячи плѣнныхъ были уводимы въ Россію. Сынъ Шереметева уничтожилъ сильный отрядъ Шведовъ, 4-го Сентября, при Ранинѣ, правильнымъ боемъ. Но всего болѣе обрадовалъ Царя бой Б. П. Шереметева съ Шлиппенбахомъ въ Декабрѣ 1701 года. Усыпивъ дѣятельность храбраго Шведскаго генерала мнимымъ бездѣйствіемъ, Шереметевъ неожиданно поднялся изъ Пскова съ 13,000-ми войска, быстро пошелъ на Эррестферъ, близъ Дерпта, гдѣ была тогда главная квартира

Шведская, разбилъ Шлиппенбаха, преслѣдовалъ его и выжегъ предмѣстіе Дерптское. Изъ 7000 Шведовъ убито было 3000; взято въ плѣнъ 350, съ 4-мя пушками и 8-ю знаменами. Рускіе спокойно возвратились въ Псковъ и Царь торжествовалъ *первую побѣду надъ Шведами.* Въ тріумфѣ ведены были по Москвѣ плѣнные Шведы. Народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, смотря на пушки и знамена грозныхъ непріятелей, коихъ суевѣріе называло даже *колдунами*, не только *непобѣдимыми.* «Слава Богу, «говорилъ Царь,» мы дожили до того, что Рускіе одерживаютъ побѣды, пока еще сражаясь двое противъ одного, но скоро начнемъ мы побѣждать Шведовъ равнымъ числомъ.» Онъ послалъ Шереметеву орденъ св. Андрея и произвелъ его въ фельдмаршалы.

Лѣтомъ 1701 года Шведы учинили нападеніе на Архангельскъ. Іюля 21-го явились туда семь Шведскихъ кораблей. Шведы захватили Рускаго рыбака Ивана Рябова и мѣщанина Дмитрія Горожанина, заставляя ихъ показывать путь

среди опасныхъ Двинскихъ мѣлей. Жертвуя жизнью, Рябовъ и Горожанинъ посадили на мѣль Шведскія суда. Русскія войска были готовы встрѣтить непріятелей, пустились въ ботахъ и шлюпкахъ, окружили Шведовъ и отбили у нихъ два фрегата. Остальныя суда едва спаслись бѣгствомъ. Горожанинъ былъ убитъ Шведами, разъяренными обманомъ его. Рябовъ, раненый, бросился въ воду и успѣлъ спастись. «Онъ поступилъ, какъ Горацій Коклесъ!» сказалъ Царь, услышавъ о поступкѣ рыбака героя; щедро наградилъ онъ его и освободилъ отъ всякихъ податей.

Видимъ, боялись ли уже тогда Руские Шведовъ и ожили ль они духомъ? Европа въ изумленіи слышала о новыхъ побѣдахъ Короля Шведскаго въ Лифляндіи. Швеція горделиво возглашала, что въ полтора года передъ побѣдоноснымъ Львомъ Шведскимъ пали Датчане, Рускіе и Саксонцы, и что поля Зеландіи, Ингерманландіи и Ливоніи были оглашены кликомъ побѣды Шведовъ надъ тремя наро-

дами. Ослѣпленный успѣхами неожиданными, Карлъ XII-й предался чувству гордости неизобразимой. Оскорбляясь тѣмъ, что при одномъ слухѣ о побѣдахъ подъ Копенгагеномъ и Нарвою король Августъ не смирился передъ нимъ, онъ рѣшился низвергнуть его съ Польскаго престола. Рѣшеннаго однажды никогда неизмѣнять, было его правиломъ. Презрительно выслушалъ Карлъ XII-й. представленіе министровъ своихъ мириться съ Польскимъ Королемъ и Царемъ Московскимъ. «Я помирюсь съ ними, но въ Варшавѣ и въ Москвѣ,» отвѣчалъ онъ. Бабка его писала къ нему, напоминая о превратности счастія. «Ей, какъ старой женщинѣ, простительно робѣть,» сказалъ Карлъ XII-й. Слыша о неудачныхъ битвахъ Шведовъ съ Рускими, онъ досадовалъ, что генералы его допускаютъ такую дерзость *Русскимъ мужикамъ*, приказывалъ имъ идти и загладить стыдъ непремѣнными побѣдами. Царю переданы были рѣчи хвастливаго побѣдителя. «Братъ мой Карлъ воображаетъ себя

Александромъ,» сказалъ онъ. «Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ Александръ, да только я не Дарій.»

И не пустая, хвастливая похвальба были слова великаго Царя. Послѣ побѣды подъ Эррестферомъ какой-то піита поднесъ Царю стихи, гдѣ говорилъ, что «гордый Левъ хотѣлъ Русскаго Орла проглотити, лавровъ вѣнокъ на себя возложити, но Орелъ умѣетъ когти употребляти, и Левъ принужденъ былъ у Дерпта храбрость потеряти.»

Европа удивися и рече: «Я есмь прельщенна,
И по истинѣ о Львовой храбрости лживо извѣщенна,

говорилъ въ заключеніе піита, и не льстилъ и не ошибался, вопреки старинному обычаю поэтовъ. Чего не могла надѣяться Россія при своемъ великомъ Царѣ? Уцѣлѣть духомъ, когда все окрестъ него уныло, укрѣпиться въ бѣдствіи, удержать строптивость и страхъ народа, оживить помощниковъ своихъ, замѣнить утраченныхъ новыми, мгновенно воспол-

нить потерю войскъ и оружія, и черезъ годъ послѣ Нарвскаго пораженія, не только не страшиться грознаго непріятеля, но уже смѣло идти ему на встрѣчу — таковы были и *по 1702 годъ* доказательства величія духа и залоги будущихъ побѣдъ Царя. Когда Карлъ XII-й кичился успѣхами, тотъ, кто могъ бы тогда проникнуть въ сущность событій, предрекъ бы ему, что подъ Нарвою кончилось его счастіе и начала померкать свѣтлая звѣзда его. Блестящіе успѣхи ожидали еще его впереди, но дѣло Царя было уже выиграно.

Вотъ любопытныя слова, коими самъ Царь изложилъ въ послѣдствіи мнѣніе свое о Нарвской битвѣ:

«Шведы подъ Нарвою надъ нашимъ войскомъ *викторію* получили, что есть безспорно, но надлежитъ разумѣть надъ какимъ войскомъ оную получили. Только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ, а два полка гвардіи только были на двухъ аттакахъ у Азова, и тѣ полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными вой-

скамп, никогда не видывали. Прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, да къ тому же за позднимъ временемъ великій голодъ былъ, понеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно. Единымъ словомъ сказать можно: все то дѣло, *яко младенческое играніе было, а искуства ниже вида.* Какое же удивленіе старому, обученному, *практикованному* войску надъ такими неискусными сыскать *викторію*? Правда, сія побѣда въ то время зѣло печальна была и чувствительна, яко отчаянная всякія впредь надежды и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но когда о томъ подумать, то во истину не гнѣвъ, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда надъ Шведами *викторія* досталась, бывшимъ въ такомъ неискуствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бѣду послѣ насъ оное счастіе низринуть могло, такъ же, какъ Шведовъ, уже давно во всемъ

обученныхъ и славныхъ въ Европѣ, которыхъ Французы Бичемъ Нѣмецкимъ называли, подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ *максиму* низомъ къ верху оборотило. Но когда мы сіе несчастіе, или лучше сказать великое счастіе подъ Нарвою получили, то неволя лѣность отогнала и къ трудолюбію и искуству день и ночь прилежать принудила, и войну вести уже съ опасеніемъ и искуствомъ велѣла.»

Такъ судитъ самого себя человѣкъ великій, такъ сознается геній въ своихъ ошибкахъ. Дополнимъ здѣсь, что когда Царь спѣшилъ начать войну, бился подъ Нарвою, былъ огромленъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, въ одну зиму создалъ новое войско, уговаривалъ Августа не уступать, скакалъ изъ Новгорода въ Москву, Воронежъ, Митаву, Псковъ, и готовился вновь *съ искуствомъ и опасеніемъ* начинать битвы, всѣ другія предпріятія его были въ полномъ дѣйствіи. Новые законы и преобразованія, управленіе финансовъ, внутреннее устрой-

ство, флотъ—ни что не останавливалось. Но поспѣшимъ за нимъ на поля брани, и въ отдѣльномъ очеркѣ соединимъ потомъ главнѣйшія черты другихъ подробностей царствованія Петра съ 1700-го и въ слѣдующіе годы.

РАЗСКАЗЪ ВОСЬМОЙ.

КАРЛЪ XII-Й ВЪ ПОЛЬШѢ. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ЗАНИМАЕТЪ ИНГЕРМАНЛАНДІЮ. ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

1702—1703 г.

. . . И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу.
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надмѣнному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно.»
Пушкинъ.

Какъ различенъ былъ отъ Петра соперникъ его Карлъ XII-й! Кто не отдастъ дани удивленія юному, восмнадцатилѣтнему герою Шведскому, безстрашно возставшему, когда союзъ трехъ сильныхъ державъ заставлялъ трепетать самыхъ твердыхъ и старыхъ совѣтниковъ его? Скажемъ ли: невольно желаете ему побѣды, когда потомъ видите его на берегу Зеландіи и Ливоніи, съ малыми дружинами вѣрныхъ воиновъ, идущаго защищать свое царство. Удивляетесь ему среди его воинскаго стана, взирая на него въ пылу битвъ, безстрашнаго, непоколебимаго, переносящаго труды и опасности, забывающаго нѣгу и роскошь, суро-

ваго, хладнокровнаго среди пуль и ядеръ. Онъ мгновенно уничтожаетъ силы Даніи, Россіи, Польши. Лифляндія не смѣетъ измѣнить ему. Все уступаетъ его воинскимъ дарованіямъ. Но здѣсь предѣлъ великимъ достоинствамъ Карла XII-го и нашему удивленію. Всѣ добрыя свойства Короля Шведскаго переходятъ за предѣлъ, дѣлаются пороками, и къ нимъ присоединяются недостатки пагубные. Твердость его переходитъ въ упрямство, мужество въ безразсудную отвагу, успѣхи раждаютъ въ немъ самонадѣянность, побѣды производятъ нестерпимую гордость. Ничтожный въ дѣлахъ государственнаго правленія, онъ жертвуетъ своимъ народомъ, его силою, храбростью, богатствами мечтѣ честолюбія, тщеславія, и храбрый воинъ, въ распоряженіяхъ своихъ съ самаго начала своего поприща не показываетъ дарованій великаго полководца: быстрота, ударъ, натискъ составляютъ всѣ разсчеты и всѣ средства его. Мечъ его и собственный примѣръ кажутся ему достаточнымъ и

единственнымъ ручательствомъ всегдашней побѣды. И посмотрите, какъ постепенно забывается онъ, не думаетъ извлекать выгодъ изъ своихъ успѣховъ, и купивши миръ съ Даніею первою побѣдою, ничего не требовавши тогда отъ Даніи, кромѣ мзды справедливой, не думаетъ уже купить побѣдою выгодный миръ у Царя Русскаго и Короля Польскаго. Непримиримая ненависть, недостойная героя и государя, загарается въ его сердцѣ. Въ гордости своей, онъ неумолимъ: онъ хочетъ уничтожить Царя и низвергнуть Короля Польскаго. Безразсудный, онъ не видитъ, какъ мало повредила Нарвская побѣда его Царю! Онъ думаетъ, что болѣе опасный ему соперникъ Король Польскій. Онъ не стыдится уже союза съ его мятежными подданными. Такъ въ послѣдствіи гордость его, увлекаемая мщеніемъ и упрямствомъ, заставитъ его не гнушаться дружбою отвратительнэго измѣнника Мазепы. И судьба Карла XII-го рѣшена: еще нѣсколько лѣтъ безплодныхъ успѣховъ, и онъ падетъ передъ

исполиномъ, который, не уступая ему въ мужествѣ, присоединялъ къ тому дарованія полководца, мудрость царя, смиреніе мудреца и призваніе человѣка геніяльнаго. Если слова Вольтера, сказавшаго, что «исторія Карла XII-го *занимательна*, а исторія Петра Великаго *поучительна*,» и что «Карлъ XII-й былъ достоинъ званія *перваго гренадера* въ войскѣ Петра» (méritait d'être le premier soldat de Pierre le Grand), если сей судъ остроумнаго историка покажется иному слишкомъ строгимъ и пристрастнымъ, пусть услышатъ судъ другаго историка, обожающаго память Карла XII-го, какъ героя и великаго государя своего. Гейеръ, историкъ Шведскій, изобразивъ Нарвскую битву, прибавляетъ: «Но сія побѣда, отгрянувшая во всей Европѣ, была пагубна Шведскому оружію, ибо она научила Карла XII-го презирать своего соперника, и какого соперника? Самаго страшнаго Швеціи. Какъ выше храбрости Карла было великодушіе Петра, основывающаго Петербургъ, когда

монархъ Шведскій искалъ побѣдъ въ Польшѣ, и какъ превосходила блестящія дарованія Шведскаго короля мудрость Русскаго государя, умѣвшаго превратить въ полезные уроки всѣ дѣла, всѣ успѣхи, всѣ ошибки своего противника!»

Мы оставили Карла XII-го на зимовкѣ въ Курляндіи, послѣ побѣдъ его надъ королемъ Августомъ. Онъ не объявлялъ еще тогда намѣренія своего низвергнуть Августа, хотя говорилъ Полякамъ, что воюетъ *не съ Польшею*, а *съ Августомъ*, и потому уважая неприкосновенность земель Польской республики, выводитъ войска свои изъ Литвы. Но гдѣ же могъ онъ сражаться въ Августомъ, если не хотѣлъ съ нимъ мириться, и какъ возможно было Польскимъ чинамъ согласить требованія Карла XII-го съ обязанностію къ своему Королю?

Мириться не хотѣлъ Король Шведскій. Униженный быстрыми побѣдами Шведовъ, король Августъ не думалъ болѣе о союзѣ съ

Царемъ, не внималъ его обѣщаніямъ и просьбамъ не унывать въ бѣдствіи, и тайно искалъ милости побѣдителя. Карлъ XII-й отвергъ всѣ предложенія, даже не объявлялъ никакихъ требованіи, на которыя, можетъ быть, согласился бы Августъ, какъ ни тяжки могли быть условія, объявленныя ему. Пиперъ, черезъ коего сносился Августъ, не смѣлъ ничего говорить своему Королю, услышавши рѣшительный отказъ его. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Декабрѣ 1701 года, въ Варшавѣ открылся сеймъ.

Мы видѣли, что многіе изъ Польскихъ вельможъ противились избранію Августа; что только посредничество Царя возвело его на престолъ; что Примасъ, обольщенный дарами Августа, едва спорилъ на его сторону, но Сапега все еще противился, бунтовалъ, поддерживалъ междоусобія, лично сражаясь съ гетманомъ Огинскимъ, приверженцомъ Августа. Борьба съ Сапегою не была опасна, но приближеніе побѣдителя страшно заволнова-

ло утихавшія страсти, снова перепутало всѣ отношенія, особливо когда Сапега прибѣгнулъ къ покровительству Шведскаго Короля. Шведы подкрѣпили его. Огинскій невольно началъ битвы съ ними. Примасъ и другіе вельможи еще колебались, думая, что могутъ выиграть многое посредничествуя между Августомъ и Карломъ. Сеймъ объявилъ, что не допуститъ Шведовъ нарушить неутралитетъ Польши. За то пребовалъ онъ, чтобы взаимно Августъ не вводилъ въ Польшу ни Саксонскихъ, ни Русскихъ войскъ, обязываясь за то отъ лица республики Польской ходатайствовать о мирѣ съ Королемъ Шведскимъ. Августъ видѣлъ, что у него хотятъ отнять послѣднюю власть, но принужденъ былъ смиряться и безмолвно терпѣлъ оскорбленія. Тщетно требовалъ онъ отъ сейма прекращенія междоусобій Сапеги. Всюду встрѣчали Августа явное недоброхотство и наглая измѣна.

Оскорбленный нападеніемъ Огинскаго на Шведовъ, Карлъ XII-й почелъ его достаточ-

нымъ предлогомъ начать войну съ Польшею. Въ Декабрѣ 1701 года посадилъ онъ въ сани 4000 человѣкъ своей гвардіи и неожиданно явился съ ними въ Литвѣ. Огинскій узналъ, что Король Шведскій расположился безъ всякой осторожности въ мѣстечкѣ Тришкахъ, ночью напалъ на Шведовъ, но былъ разбитъ и преслѣдованъ до Ковно, гдѣ Шведы переправились черезъ Вилію подъ огнемъ непріятеля. Огинскій бѣжалъ въ Вильну. Карлъ XII-й воротился въ Курляндію. Варшавскій сеймъ могъ видѣть, какъ мало думаетъ Шведскій Король уважать неутралитетъ Польши, и еще болѣе узнали самовластіе Карла XII-го когда въ Февралѣ 1702 г. вступилъ онъ со всемъ войскомъ своимъ въ Литву. Вишневецкій, хотѣвшій противиться ему, былъ разбитъ. Карлъ XII-й занялъ Вильну и Марта 15-го перешелъ за Нѣманъ. Видѣли, что Шведы идутъ прямо на Варшаву. Смятеніе сдѣлалось чрезвычайное. Сеймъ разошелся, утвердивъ только одно—отправленіе посольства къ Ко-

ролю Шведскому для истребованія объясненій объ его непріязненныхъ поступкахъ. Августъ объявилъ *посполитое рушеніе*(всеобщее народное вооруженіе), призывая всѣхъ Поляковъ къ оружію; его не слушали, ибо сеймъ не утвердилъ его призыва къ общему возстанію. Истощая всякія средства, Августъ послалъ наконецъ въ Шведскій лагерь любовницу свою, графиню Аврору Кенигсмаркъ, дочь храбраго Шведскаго генерала и мать знаменитаго въ послѣдствіи маршала де-Сакса. Аврора надѣялась, что ея красота и прелесть обращенія заставятъ неукротимаго Карла XII-го согласиться на предложенія Августа, по крайней мѣрѣ, объявить условія мира. Пиперъ, обольщенный ею, обѣщалъ ей аудіенцію у Короля своего. Карлъ XII-й угрюмо отвѣчалъ ему на требованіе аудіенціи, что *съ бабами не хочетъ онъ имѣть никакого дѣла*. Аврора еще не отчаявалась. Въ блескѣ красоты и наряда остановилась она на дорогѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать Карлъ XII-й, вышла изъ

своей кареты и ждала его. Увидѣвъ ее, Карлъ XII-й сердито оборотилъ свою лошадь и ускакалъ поспѣшно. Бѣдная графиня принуждена была удалиться и отмстила Карлу XII-му колкою сатирою, гдѣ изобразила бесѣду боговъ; каждый изъ нихъ хвалилъ Карла XII-го, но «только Венера и Вакхъ молчали, когда говорили и хвалили другіе «(Vénus ni Bacchus n'en dirent pas un mot), говорила разсерженная красавица въ заключеніе своей сатиры. Августъ послалъ послѣ сего въ Шведскій лагерь своего каммергера. «Мнѣ не о чемъ говорить съ Курфирстомъ Саксонскимъ,» отвѣчалъ Карлъ XII-й, и даже арестовалъ посланника, ибо для него забыли истребовать предварительно паспортъ Шведскій. Не лучше графини Кенигсмаркъ принято было великолѣпное посольство сейма Варшавскаго. Послы хотѣли торжественнаго пріема и встрѣчи придворными королевскими чинами, требовали королевскихъ каретъ. Имъ отвѣчали, что у Короля нѣтъ ни каретъ, ни придворныхъ, и что ему

некогда толковать объ этикетѣ. Принужденные согласиться на столь важную уступку, послы просто введены были въ солдатскую палатку Короля Шведскаго и начали свои велегласныя рѣчи. «Господа!» перебивая возгласы ихъ, сказалъ Карлъ XII-й — «мнѣ нѣтъ времени васъ слушать; я спѣшу въ Варшаву— тамъ переговоримъ обо всемъ.» Онъ вышелъ и оставилъ изумленныхъ пословъ, а Мая 15-го Шведы вступили въ Польскую столицу, откуда поспѣшно бѣжалъ Августъ, и разъѣхались послы иностранные, при немъ бывшіе, и всѣ его сообщники. Король Шведскій немедленно обнародовалъ манифестъ, призывая Поляковъ соединиться съ нимъ. Но изъясненія о томъ, чего онъ требовалъ, были все еще темны. Примасъ отправился къ Королю Шведскому. Его ввели прямо въ комнату, гдѣ онъ увидѣлъ Шведскаго героя, въ его синемъ, застегнутомъ до шеи большими мѣдными пуговицами мундирѣ, въ огромныхъ ботфортахъ и замшевыхъ до локтей перчаткахъ. Опираясь

на длинную свою саблю, Карлъ XII-й приподнялъ немного свою шляпу и громко началъ говорить Примасу: «Знаю зачѣмъ вы пріѣхали — вы хотите просить мира?» — Государь! мы еще не знаемъ условій — отвѣчалъ Примасъ. «Если вы еще не догадались, такъ я вамъ скажу ихъ,» поспѣшно перебилъ рѣчь его Король — «*Польша должна избрать другаго короля* — безъ того ей нѣтъ мира!»

Аудіенція Примаса кончилась въ четверть часа. «Идите и передайте мои слова кому надобно,» сказалъ ему Король и указалъ на двери. Рѣшеніе, объявленное Карломъ XII-мъ, встревожило всѣхъ, и друзей и враговъ Августа. Онъ рѣшился послѣ сего оспорить волю неумолимаго противника оружіемъ и повелъ къ Варшавѣ войско. У него было 12,000 Саксонцовъ и 12,000 Поляковъ. Карлъ XII-й только того и желалъ. Онъ спѣшилъ на встрѣчу Августа съ 12,000 Шведовъ. Оба Короля сами предводили своими войсками. Битва происходила подъ Клишовомъ, 9-го Іюля 1702

года. Въ самомъ началѣ пушечное ядро поразило юнаго Герцога Голштинскаго, супруга любимой сестры Короля, за котораго сражался онъ съ Датчанами. Герцогъ стоялъ подлѣ Карла XII-го. «Убитъ?» спросилъ хладнокровно Карлъ, и когда ему сказали, что Герцогъ убитъ, онъ замолчалъ — только слезы брызнули у него изъ глазъ. «Впередъ!» закричалъ онъ, устремился въ бой и ничто не удержало его бѣшеной ярости. Поляки первые побѣжали въ безпорядкѣ. Августъ также не щадилъ себя. Около 3,000 Саксонцовъ было убито и ранено; 48 пушекъ достались побѣдителямъ. Карлъ XII-й занялъ Краковъ.

Но битва Клишовская далеко не рѣшала дѣла. Августъ хотѣлъ сражаться до послѣдней крайности, и многіе Поляки не отставали отъ него, надѣясь выгодъ; другіе боялись силы его и войскъ его союзника Царя; нѣкоторые не успѣли еще согласиться въ условіяхъ измѣны. Народъ ненавидѣлъ Шведовъ. Вельможи Польскіе оскорблялись самовластіемъ

Карла XII-го. Гордость ихъ жестоко страдала, унижаемая имъ. Тяжкія контрибуціи, наложенныя Карломъ XII-мъ, и огромные поборы запасовъ довершали общее неудовольствіе. Карлъ XII-й спѣшилъ за Августомъ, набиравшимъ новыя войска, но нечаянно упалъ съ лошади, переломилъ ногу, принужденъ былъ пролежать шесть недѣль въ постелѣ, даже разнесся слухъ объ его смерти. Августъ воспользовался бездѣйствіемъ соперника, получилъ подкрѣпленіе изъ Саксоніи, занялъ Варшаву и въ Люблинѣ собралъ сеймъ, гдѣ всѣ клялись ему уничтожить мятежнаго Сапегу и воевать, если Король Шведскій не согласится на миръ. Едва вылечился Карлъ XII-й, какъ уже спѣшилъ къ Варшавѣ и устремился на Августа, который не смѣлъ дожидаться его и ушелъ съ войскомъ своимъ въ Торунъ. Король Шведскій велѣлъ собираться сейму въ Варшавѣ и объявить Августа низверженнымъ съ престола, а престолъ Польскій празднымъ. Осмѣлились представить ему, что война послѣ се-

го можетъ продолжиться, и тѣмъ болѣе, что между тѣмъ Рускіе начинаютъ воевать успѣшно. «Пусть ихъ воюютъ,» отвѣчалъ онъ, «а еслибы мнѣ надобно было прожить въ Польшѣ пятдесятъ лѣтъ, я не пойду изъ нея, пока не уничтожу Августа.» Онъ послалъ раззорять помѣстья сообщниковъ Августа и устремился на него самого изъ Варшавы. Зимнее время остановило походъ. Января 19-го 1703 года Шведы расположились на зимнія квартиры. Карлъ XII-й зимовалъ въ Люблинѣ.

Царь встрѣтилъ новый 1702 годъ въ Москвѣ, праздновалъ Эррестфертскую побѣду Шереметева, принялъ посла королевы Анны, вступившей 19-го Марта на Англійскій престолъ, по кончинѣ супруга ея Вильгельма III-го, и распоряжался охраненіемъ границъ. Корпусъ князя Шаховскаго стоялъ въ Смоленскѣ, готовый помогать королю Августу. Корпусъ Апраксина былъ въ Ладогѣ противъ Кроніорта. Шереметеву велѣно было дѣйствовать на Эстляндію изъ Пскова. Рускіе начали разби-

тіемъ на Чудскомъ озерѣ Шведской флотиліи, и завладѣли Сыренскомъ и крѣпостью на устьѣ Эмбаха. Лѣтомъ Шереметевъ двинулся въ Эстляндію и 18-го Іюля снова разбилъ Шлиппенбаха подъ Гуммельсгофомъ, взялъ 15 пушекъ, 15 знаменъ, 300 плѣнныхъ. Шлиппенбахъ укрылся въ Перновъ. Эстляндія оставалась безъ защиты. Рускіе овладѣли Венденомъ и въ Августѣ осадили Маріенбургъ; городъ сдался, но своевольный взрывъ пороховаго магазина однимъ изъ офицеровъ почтенъ былъ нарушеніемъ капитуляціи и Маріенбургъ отданъ былъ на грабежъ. Города Вольмаръ, Гельметъ, Смилтенъ, Каркусъ, Везенбергъ претерпѣли равную участь. Тысячи жителей были уведены въ Россію. Шведскіе отряды бѣжали отвсюду; одинъ изъ нихъ былъ разбитъ подъ Ригою. Опустошенія являлись въ то время необходимымъ слѣдствіемъ войны и не почитались свирѣпостью. «Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндіи изрядно,» писалъ Царь Апраксину, «два города нарочитыхъ, да шесть

малыхъ взялъ и полону до 12,000, кромѣ служивыхъ.» Шереметевъ доносилъ изъ Маріенбурга, что Русскіе отряды семь дней безпрерывно грабили всѣ окрестности, увели 20,000 штукъ скота, выжгли 600 селеній «ѣли всѣми полками, а чего не могли поднять, то попалили и порубили.» Можно судить о добычѣ потому, что въ три года на содержаніе корпуса Шереметева отпущено было изъ царской казны только 40,000 рублей на всѣ расходы; остальное дополнялось насильственными поборами и грабежемъ въ Эстляндіи.

Замѣтимъ, что при разграбленіи Маріенбурга попалась въ плѣнъ Рускимъ бѣдная сирота, изъ дворянскаго Польскаго рода Скавронскихъ. Воспитанная въ Лютеранскомъ законѣ ученымъ, почтенныхъ пасторомъ Гликомъ, за нѣсколько дней до взятія Маріенбурга вышла она за Шведскаго офицера, Рабина. Она осталась у своего воспитателя, когда супругъ ея сражался съ Рускими и погибъ въ битвѣ. Почтенный пасторъ, видя опустошеніе города,

и угрожающую погибель, съ библіею подъ мышкою и съ крестомъ въ рукѣ, съ семействомъ своимъ и юною питомицею явился къ Шереметеву. Русскій полководецъ принялъ его ласково, и услышавъ, что Гликъ знаетъ Русскій языкъ и занимается переводами на него, сказалъ, что Царю такіе люди надобны. Онъ отправилъ его въ Москву. Увидимъ, какая неожиданная участь предназначена была судьбою юной воспитанницѣ Глика. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ—она была супругою Русскаго Царя.

Шереметевъ возвратился въ Псковъ Сентября 9-го. Апраксинъ въ Августѣ сражался съ Кроніортомъ на рѣкѣ Ижорѣ, сбилъ его отряды и прогналъ до рѣчки Славянки, но всѣ сіи дѣйствія были только преддверіемъ дѣлъ важнѣйшихъ, гдѣ явился самъ Царь.

Шведы снова угрожали Архангельску. Царь отправился туда изъ Москвы весною, заложилъ тамъ крѣпость Новодвинскую, спустилъ на воду два новые фрегата, прожилъ въ Архан-

гельскѣ почти все лѣто, и видя, что Шведы не думаютъ нападать на Архангельскъ, рѣшился на отважное предпріятіе. Онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь, гдѣ за восемь лѣтъ видѣли его пылкимъ, неопытнымъ юношею. Съ нимъ былъ теперь 13-ти лѣтній царевичъ Алексѣй. По прежнему Царь былъ привѣтливъ съ иноками, пѣлъ съ ними на крылосѣ, бесѣдовалъ за ихъ трапезою, но воротился отсюда уже не въ Архангельскъ.

По его повелѣнію сдвигались тогда Русскія войска на берега Невы. Царь отплылъ изъ Соловецкой обители, и присталъ, съ 13-ю судами и 4000-ми войска, съ нимъ бывшаго, въ деревнѣ Нюхчѣ. Тысячи народа собраны были здѣсь, рубили лѣсъ, устилали пути по болотамъ, и Царь велѣлъ по настланнымъ мостамъ тянуть съ морскаго берега, переходя изъ рѣки въ рѣку, черезъ болота и озера, двѣ яхты отъ самой Нюхчи до Повѣнца, селенія лежащаго на Онежскомъ озерѣ. Разстояніе составляло около 160 верстъ. Самъ Царь

былъ тутъ, ѣхалъ, шелъ пѣшкомъ впереди, измѣрялъ, указывалъ, и все разстояніе до Повѣнца пройдено было въ десять дней. Донынѣ показываютъ тамъ слѣды просѣкъ и мостовъ, называя сей неслыханный дотолѣ путь *Царскимъ.* «Флотъ шелъ по суху его велѣніемъ,» восклицаетъ Ломоносовъ, описывая походъ Петра—«усердіе Русское замѣняло ему вѣтръ и паруса!» По Онежскому озеру и рѣкою Свирью въ яхтахъ своихъ спустился Царь къ Ладожскому озеру, предполагая истребить находившуюся здѣсь Шведскую флотилію. Но полковникъ Тыртовъ до прихода его напалъ въ лодкахъ на Шведовъ и разогналъ ихъ. Царь проѣхалъ сухимъ путемъ въ Ладогу и достигъ туда 5-го Сентября; 22-го пришелъ Шереметевъ съ войскомъ изъ Пскова. Рускіе двинулись къ Нотебургу. Не было лошадей и пушки везли людьми. Надобно было Шведамъ заградить путь съ моря по Невѣ—изъ Ладожскаго озера перетащили въ Неву, по берегу мимо Нотебургской крѣпости, 50

лодокъ, и 1-го Октября началась знаменитая осада Нотебурга.

Сія сильная Шведская крѣпость была основана Рускими. Нева, вытекая изъ Ладожскаго озера, образуетъ на срединѣ теченія своего при самомъ истокѣ островъ, по овальной фигурѣ издревле названный Рускими *Орѣшекъ.* Видя важность сего мѣста, защищавшаго входъ въ Ладожское озеро, Новгородцы еще въ 1324 году заложили на островѣ крѣпость. Шведы завладѣли ею въ 1347 году, потомъ въ 1411 году, и каждый разъ Руские выгоняли ихъ, пока по Столбовскому миру Орѣшекъ отданъ былъ Шведамъ. Они переименовали его *Нотебургомъ* (то есть, перевели Русское названіе: note, *орѣхъ*), укрѣпили его и держали въ немъ сильный гарнизонъ. Храбрый Шлиппенбахъ былъ тогда начальникомъ Нотебурга, отказался сдать крѣпость, десять дней выдерживалъ сильную осаду, въ продолженіи коей 8000 ядеръ, 4500 гранатъ и 2500 бомбъ было употреблено про-

тивъ крѣпости. Царь рѣшился взять Нотебургъ штурмомъ, и велѣлъ идти на приступъ подполковнику Преображенскому, князю Мих. Мих. Голицыну. Какъ левъ бросился Голицынъ. Лѣстницы оказались коротки. Рускіе полѣзли на валы на штыкахъ. Шведы не сдавались. Царь велѣлъ отступать. «Скажите Царю, что теперь *я ужь не его, а Божій!*» вскричалъ Голицынъ и снова бросился въ огонь. Шлиппенбахъ, видя непобѣдимую отвагу Рускихъ, предложилъ сдачу («ударилъ *шамадъ* и принужденъ былъ къ договору склонитися», какъ сказано было въ описаніи взятія Нотебурга). Онъ получилъ дозволеніе оставить крѣпость. Шведовъ уцѣлѣло неболѣе 250 человѣкъ, и въ томъ числѣ 150 раненыхъ. Рускіе потеряли 1500 убитыми и ранеными. Въ Нотебургѣ найдены 130 пушекъ и большой запасъ ядеръ и пороху. Царь велѣлъ возобновить укрѣпленія, работалъ самъ съ Меншиковымъ, Нарышкинымъ, Зотовымъ, Головинымъ, оставилъ въ крѣпости сильный

гарнизонъ и переименовалъ Нотебургъ *Шлиссельбургомъ*, то есть, *ключемъ-городомъ*, говоря, что *Шлиссельбургъ отопретъ Россіи Балтійское море*. На медали, выбитой по сему случаю изображено было взятіе крѣпости съ надписью: *Девяносто лѣтъ находилась у непріятеля*. Царь пробылъ въ Шлиссельбургѣ до Декабря, распорядилъ войсками, отпустилъ Шереметева въ Псковъ, назначилъ Меншикова коммендантомъ Шлиссельбургскимъ, велѣлъ ему здѣсь и въ Олонцѣ строить суда, и 6-го Декабря торжественно ввелъ войска свои въ Москву. Плѣнные Шведы, ключи Шлиссельбурга, пушки непріятельскія были украшеніемъ шествія побѣдителей. Зимою Руские подходили къ Нарвѣ—наступалъ часъ расплатиться за постыдную битву Нарвскую.

Карлъ XII-й все еще презиралъ успѣхи Рускихъ. Едва открылась возможность къ походу весною, онъ готовился преслѣдовать Августа. Войско Шведское было усилено помощью изъ Швеціи. Посѣтивъ мятежную Вар-

таву, Карлъ XII-й спѣшилъ напасть на остатки Саксонскаго войска, переправился черезъ Бугъ и 20-го Апрѣля догналъ Саксонцовъ подъ Пултускомъ. Они бѣжали при первомъ ударѣ Шведовъ. Карлъ XII-й осадилъ Торунъ. Недостатокъ пушекъ задержалъ осаду. Только 9-го Сентября Шведы начали траншеи. Карлъ XII-й, какъ всегда и вездѣ, не думалъ беречь себя. Рядомъ съ нимъ убитъ былъ на баттареѣ генералъ его Лівенъ, едва только перешелъ на то мѣсто, гдѣ за минуту стоялъ Король. Говорили, что это нечаянное событіе еще болѣе усилило упрямую вѣру Шведскаго Короля въ предопредѣленіе. Октября 3-го Торунъ сдался. Шведы устремились къ Данцигу и обложили контрибуціею сей богатый и торговый городъ. Раздраженный упорствомъ Эльбинга, гдѣ находились большіе запасы Саксонцовъ, Карлъ XII-й поклялся истребить упорныхъ жителей его. Едва умолили они пощадить ихъ, стоя на колѣняхъ, когда Шведы приблизились 13-го Декабря.

Тяжкая контрибуція, огромный запасъ артиллерійскій и всѣ магазины взяты были побѣдителями. Карлъ XII-й остался зимовать въ Польской Пруссіи, учредивъ главную квартиру свою въ Гейдельсбергѣ.

Казалось, послѣ сего ни что не могло противиться Шведскому Королю. Войска его, обогащенныя добычею, повелѣвали Польшей. Защитники Августа всюду оставляли его сторону. Самъ Августъ бѣгалъ изъ одного города въ другой отъ Шведскихъ отрядовъ, разосланныхъ для преслѣдованія его. Всюду соединялись голоса избирателей на его низверженіе. Огинскій былъ разбитъ Левенгауптомъ въ битвѣ, гдѣ 1000 Шведовъ сражались съ 6000 Поляковъ; въ добычу Шведамъ досталось здѣсь 11 пушекъ. Два полка Русскіе, бывшіе у Огинскаго, легли на мѣстѣ. Карлъ XII-й пожаловалъ за то Левенгаупта генералъ-маіоромъ, графомъ и генералъ-губернаторомъ Курляндіи. Удобство сношеній съ Швеціею, Ливоніею и Помераніею безпрерывно

доставляло въ Польшу свѣжее войско и давало средство пересылать въ Швецію добычу.

Но прочно ли было своевластное владычество Карла XII-го? Увидимъ изъ событій. Когда, подобно удалому наѣзднику, Король Шведскій преслѣдовалъ Августа, твердою стопою сталъ великій соперникъ его на берегахъ Балтійскихъ, и силою отнялъ то, чего просилъ до войны въ залогъ мира. Въ 1702 году Царь взялъ древнее достояніе Россіи, старинный Орѣшекъ, а въ 1703 году онъ овладѣлъ всею Невою и устроилъ приморскій городъ и крѣпость тамъ, гдѣ дотолѣ невѣдома была власть Русскаго Царя.

Рѣка *Нева,* выходя изъ Ладожскаго озера, течетъ искривленною дугою на западъ, и протекая около 60 верстъ, впадаетъ въ Финскій заливъ, составляющій углубленіе Балтійскаго моря на востокъ, между берегами Ингерманландіи и Финляндіи. Широкое устье Невы, закрытое островами, свободное плаваніе по Невѣ и водное сообщеніе съ Новгородомъ

черезъ Ладожское озеро и Волховъ, сей древній путь Ганзеатической торговли въ Россію, подали Царю мысль основать городъ и учредить портъ въ устьѣ Невы, откуда свободно могъ онъ дѣйствовать на берегахъ Эстоніи, Ливоніи и Финляндіи. Зимою 1702 года все изготовилось къ сему важному предпріятію.

Недалеко отъ устья Невскаго, тамъ, гдѣ вливается въ Неву рѣчка *Охта*, еще въ 1300 году Шведы построили крѣпость *Ландскрону*. Новгородцы раззорили ее. Делагарди, укрѣпивъ за Швеціею Ингерманландію въ 1611 году, возобновилъ древнюю Ландскрону и основалъ на мѣстѣ ея городъ *Ніенъ* (то есть, *Новгородъ*). Крѣпость, защищавшая сей городъ, названа была *Ніеншанцомъ*. Въ началѣ XVIII вѣка выгодное положеніе Ніена привлекло въ него морскую торговлю, такъ, что число приходившихъ сюда кораблей простиралось ежегодно до ста. Начавшаяся въ 1700 году война съ Россіею удалила изъ Ніена не только всю торговлю, но даже и жителей; остатокъ

ихъ бѣжалъ послѣ взятія Потебурга. Предчувствовали что Царь Русскій скоро явится здѣсь, и не надѣялись защититься отъ его сильныхъ войскъ, особливо, когда охранитель Ингерманландіи Кроніортъ удалился за Неву, а Русскіе отряды безпрерывно являлись близъ Ніена. Въ разныхъ мѣстахъ оставались здѣсь только коренные жители Ніенскихъ окрестностей, бѣдные Чухонцы. Но Шведы усилили однакожь укрѣпленія Ніеншанца, ввели въ него сильный гарнизонъ, и надѣясь на помощь съ моря, не боялись Рускихъ.

Царь прожилъ въ Москвѣ до Февраля мѣсяца. Изъ Москвы ѣздилъ онъ въ Воронежъ. Съ нимъ была большая свита, и при немъ находился тогда Прусскій посланникъ Кейзерлингъ. Путь былъ на Рязань. Царь осмотрѣлъ соединеніе Дона съ Окою, начатое прежде, и заложилъ близъ Ряжска новый городъ, назвавъ его *Раненбургомъ*. Увѣдомляя о томъ Меншикова, Царь извѣщалъ, что на четырехъ углахъ новаго города онъ и спутники

его пили при заложеніи *секъ*, *рейнвейнъ*, *пиво* и *медъ*. Прусскій Посланникъ подписался подъ письмомъ Царя стихами, желая распространенія славы его въ цѣломъ свѣтѣ (Gott mache seine Ehre in der ganzen Welt bekannt).— «Отъ сердца опорожнилъ я сегодня много стакановъ» (Vom Herzen habe ich heute viel Gläser ausgetrunken) подписалъ полковникъ Репъ. Недолго пробывши въ Воронежѣ, Царь отправился въ Новгородъ, и въ концѣ Марта пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ, осмотрѣлъ окрестности Ніеншанца, посѣтилъ Олонецкую верфь, съѣздилъ въ Псковъ. Апрѣля 24-го Шереметевъ двинулся къ Ніеншанцу на лодкахъ по Невѣ, 26-го Рускіе окружили крѣпость. Войска Русскаго было до 20,000. Сопротивленіе являлось безразсудствомъ, но Ніеншанцскій коммендантъ не сдавался. Началось бомбардированіе и скоро побѣдило его упорство. Мая 1-го 1703 года Рускіе вступили въ Ніеншанцъ. Коммендапту его, полковнику Аполлову, позволено было удалиться съ гарнизономъ въ Вы-

боргъ. Преображенцы первые вошли въ завоеванную крѣпость.

Пока осаждали Ніеншанцъ, Царь проплылъ подъ пушками сей крѣпости по Невѣ, осмотрѣлъ устье рѣки и острова, и воротился къ Ніеншанцу, когда онъ уже покорился. Велѣно было готовить лодки, ибо разнесся слухъ, что къ устью Невы приближается Шведская эскадра. Дѣйствительно, Мая 2-го раздались въ устьѣ Невы Шведскіе сигналы. Тщательно скрыты были всѣ признаки того, что Ніеншанцъ уже находится во власти Рускихъ. Два Шведскія судна, *Астрель* о 14-ти, и *Геданъ*, о 10-ти пушкахъ, вошли въ Неву. Тридцать лодокъ, проплывшихъ по рукаву Невы (нынѣшней Фонтанкѣ), затаились за островкомъ (гдѣ нынѣ деревня Калинкина). Бурный вечеръ скрылъ засаду Рускихъ. Самъ Царь былъ на лодкахъ. Тихо выплылъ онъ на Неву, перерѣзалъ отступленіе Шведамъ, первый приблизился къ Шведскимъ судамъ, первый бросился на бортъ Астреля, и послѣ минутнаго,

отчаяннаго сопротивленія Шведы сдались; изъ 77 человѣкъ было убито и потоплено 58. Съ пальбою повелъ Царь взятыя суда къ Ніеншанцу.

Общій голосъ генераловъ и офицеровъ рѣшилъ, что *бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ*, и помощники его, поручики *Меншиковъ* и *Головкинъ*, достойны награды орденомъ св. Андрея. Царь возложилъ его на себя, на Меншикова и Головкина. «Хотя и недостойны, но пожалованы мы отъ фельдмаршала (Шереметева) и адмирала (Головина) кавалерами ордена св. Андрея,» писалъ Царь Апраксину. «Поздравляю васъ неслыханною доньшѣ викторіею, и истинно могу сказать, что въ битвѣ нашей съ Шведскими кораблями насъ не болѣе восьми лодокъ было.» Царь ознаменовалъ свою морскую побѣду медалью, съ надписью: *Небываемое бываетъ*!

Онъ пробылъ въ Ніеншанцѣ все лѣто и осень. Занятія его были разнообразны, но главное составляло достопамятное *заложеніе*

новаго города на устьѣ Невы. Сначала Царь хотѣлъ было распространить Ніеншанцъ, и переименовалъ его *Шлотбургомъ*, но вскорѣ намѣреніе его измѣнилось. Осматривая берега Невскіе, покрытые дремучимъ лѣсомъ и болотами, дикіе, мало заселенные, онъ рѣшилъ произвесть устроеніе города и крѣпости ближе къ Невскому устью, и положилъ воздвигнуть городъ обширный, привлечь въ него торговлю, учредить въ немъ большую верфь, крѣпко оградить его съ моря. Положеніе мѣста прельстило Царя тѣмъ еще болѣе, что онъ могъ построить городъ въ родѣ памятнаго ему, любимаго имъ Амстердама. Къ самому приморью находился здѣсь обширный островъ *Гирвисари*, то есть Лосиный (нынѣ *Васильевскій*); въ право отъ него другой, *Койвисари*, то есть *Березовый* (нынѣ *Петербургская Сторона*), раздѣлявшійся протокомъ отъ острова *Корписари* (нынѣ *Аптекарскаго*). Лѣвый берегъ (нынѣшнюю *Адмиралтейскую* Сторону) прорѣзывали двѣ рѣчки (нынѣ *Мойка* и *Фон-*

танка). Прибавить къ такому обилію водъ искуственные каналы и осушить ими мѣстоположеніе. На островахъ, далѣе въ заливѣ Финскомъ лежащихъ, устроить морскія пристанища, а на Невскихъ островахъ располажить *Русскій Амстердамъ*—такова была мысль Царя, и все мгновенно обдумалъ и рѣшилъ онъ: *16-го Мая 1703 года*, въ Троицынъ день, положено было имъ основаніе, Петербурга.

Невозможно предполагать, чтобы *въ 1703 году*, Царь уже думалъ о перенесеніи столицы и резиденціи своей на берега Невы. Вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ только устроить здѣсь обширный торговый городъ и военный портъ, которые дали бы ему средства взять Балтійское море въ обладаніе, сблизиться съ Европою и угрожать Швеціи. Нарва не представляла ему надлежащихъ удобствъ, а обладать Ригою онъ не могъ надѣяться, хотя еще при началѣ войны говорилъ: «Пусть Августъ беретъ Ригу – ей не уйдти отъ насъ!» Но закладывая городъ во имя свое, онъ хотѣлъ

однакожь воздвигнуть его обширный и могущій — *прорубить окно въ Европу*, какъ говоритъ остроумный Альгаротти. Оцѣнимъ ли величіе духа того, кто обдумалъ и утвердилъ сіе предпріятіе, когда вся Европа дивилась его противнику, когда отъ власти Шведовъ не были еще очищены окрестности Петербурга, не говоря уже о совершенной побѣдѣ надъ горделивымъ врагомъ? Но Петръ былъ *провидѣцъ*, ибо геній его, возвышаясь надъ другими людьми, провидѣлъ будущее.

Намъ драгоцѣнны даже малыя подробности основанія нынѣшней великолѣпной столицы Русскаго царства.

Точкою начала ея постановилъ Царь небольшой островокъ *Енисари*, на главномъ протокѣ Невы, тамъ, гдѣ раздвигается она на два рукава, *Неву* и *Невку*, обтекая островъ Койвисари (*Березовый*, или *Петербургскую Сторону*). Енисари отдѣлялся отъ Койвисари небольшимъ протокомъ, и Царь назначилъ построить на немъ и на берегу Койвисари крѣ-

пость. Заграждая Неву, она могла защищать городъ который предполагали расположить на Койвисари. Обтекая Енисари, Нева еще дѣлится на два рукава, *Большую* и *Малую Неву*, такъ, что Койвисари и Гирвисари (*Лосиный*, или *Васильевскій островъ*) составляютъ съ Енисари три мыса вмѣстѣ — *Стрѣлку*. Здѣсь предположено было устроить охранительныя баттареи.

Строеніе Петербурга началось закладкою на Енисари крѣпости, во имя *св. апостоловъ Петра и Павла*, о шести бастіонахъ; первый былъ начатъ находящійся въ лѣво отъ Петровскихъ воротъ и обращенный лѣвымъ фасомъ къ Петербургской сторонѣ. Каждый бастіонъ отданъ былъ подъ надзоръ особеннаго надзирателя: одинъ сооружалъ самъ *Царь*, другіе *Меншиковъ*, *Головинъ*, *Нарышкинъ*, *Трубецкой* и *Зотовъ*. Половина бывшаго тогда въ Петербургѣ войска, плѣнные Шведы, нѣсколько тысячь крестьянъ, присланныхъ изъ Новгорода и Олонца, и окрестныхъ Чухонцовъ,

всего до 40,000 человѣкъ, работали неусыпно все лѣто и всю осень, рубили лѣсъ, носили землю, строили домы. Къ осени земляные валы крѣпости были окончены и на Лосиномъ островѣ были устроены охранныя баттареи; на нихъ и на крѣпостныхъ валахъ Петро-Павловскихъ поставили до 300 пушекъ. Въ крѣпости сооружена была небольшая церковь, деревянная, во имя св. апостоловъ Петра и Павла, и протянуты четыре линіи домиковъ, покрытыхъ землею и досками, для коменданта и офицеровъ, съ арсеналомъ, магазинами, Лютеранскою кирхою и аптекою. На царскомъ бастіонѣ развѣвался флагъ съ изображеніемъ орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Балтійское, Азовское, Бѣлое и Каспійское). На островѣ Койвисари, внѣ крѣпости, на берегу, построенъ былъ *домикъ* для пребыванія Царя — онъ хранится донынѣ, сей драгоцѣнный Домикъ, на благоговѣніе потомству. Кто изъ насъ не видалъ его? Кто не преклонялъ въ стѣнахъ его колѣнъ? Двѣ небольшія

комнаты, раздѣленныя сѣнями, съ кухнею, составляли жилище Царя. Домикъ внутри былъ обитъ холстиною и выбѣленъ, а снаружи раскрашенъ въ Голландскомъ вкусѣ кирпичиками; на крышѣ его была для украшенія поставлена деревянная мортира; по угламъ видны были деревянныя, крашеныя, пылающія бомбы. (Благоговѣніе народное къ чудотворной иконѣ, поставленной Царемъ въ Домикѣ и бывавшей съ нимъ въ походахъ его, преобратило нынѣ одну изъ комнатъ Домика въ часовню, куда во множествѣ собираются благочестивые люди молиться, тамъ, гдѣ великій Царь мыслилъ и молился о благѣ Русскаго царства). Подлѣ домика выстроили обширный домъ Меншикову. Здѣсь Царь давалъ пиры, принималъ пословъ и держалъ совѣты. Тысячи балагановъ, хижинъ и землянокъ — покрывали Петербургскую Сторону, и — *вотъ что былъ великолѣпный Петербургъ въ первый годъ существованія его.*

Шведы встревожились, слыша о заложеніи

новой крѣпости въ устьѣ Невы, но эскадра ихъ, плавая все лѣто по Финскому заливу, не смѣла ничего предпринять. Въ Іюлѣ Кроніорту, ушедшему въ Выборгъ, велѣно было идти и раззорить Петербургъ. Онъ собралъ 12,000 войска, дошелъ до рѣчки Сестры по Финляндскому берегу, и не смѣлъ пуститься далѣе, зная, что сильное войско и самъ Царь при немъ охраняютъ новый городъ. Царь не захотѣлъ оставить въ окрестностяхъ Петербурга столь опаснаго сосѣда; самъ повелъ противъ него 6000 гвардіи и драгуновъ, оттѣснилъ Шведовъ съ урономъ и заставилъ удалиться послѣ небольшой битвы. Въ Октябрѣ поѣхалъ онъ осматривать строеніе судовъ въ Олонцѣ и Ладейномъ Полѣ, заложилъ тамъ 6 фрегатовъ и 9 шнявъ, и воротился на фрегатѣ Штандартъ, *первомъ Русскомъ военномъ кораблѣ*, явившемся на волнахъ Балтійскихъ. Шведская эскадра удалилась въ концѣ осени. Царь отправился тогда осмотрѣть окрестные берега Финскаго залива, не смотря

на то, что море уже замерзало около берегов. Самъ онъ промѣрялъ фарватеръ Невы и Финскаго залива, и обрадовался, когда увидѣлъ возможность на островѣ Котлинѣ (по-Фински *Ретусари*), отстоящемъ въ 30 верстахъ отъ Петербурга и въ 7-ми верстахъ отъ ближайшаго берега Ингерманландіи, устроить сильную крѣпость. Зимою велѣно было по льду возить туда лѣсъ, и крѣпость выстроить непремѣнно къ веснѣ, учредивъ сторожевую баттарею въ морѣ при самомъ началѣ фарватера. Возвратясь въ Петербургъ, Царь распустилъ войско на зимнія квартиры, оставя только четыре полка, назначивъ коммендантомъ крѣпости полковника Рена, а губернаторомъ Петербургскимъ любимца своего Меншикова. Сей любимецъ Царя все еще былъ тогда поручикомъ гвардіи, хотя имѣлъ уже Андреевскій орденъ. Взятый Лефортомъ изъ-за лотка съ пирогами и поступившій въ царскіе деньщики и Потѣшные, Меншиковъ всюду былъ до сего времени неразлучнымъ спутни-

*

комъ Петра Великаго, въ Архангельскѣ, подъ Азовомъ, въ путешествіи по Европѣ, на Сардамской верфи, по возвращеніи въ Москву, въ походѣ подъ Нарву, въ приступѣ къ Шлиссельбургу. Никто лучше его не понималъ воли Царя, никто лучше его не умѣлъ исполнять его велѣній. Умъ и храбрость, при дарованіяхъ полководца и министра, неутомимость, страсть къ наукѣ, отличали Меншикова. Когда благодарилъ онъ Царя за пожалованіе его въ Шлиссельбургскіе коммендацты — «Ты не мнѣ, но себѣ обязанъ почестью» — отвѣчалъ ему Царь. — «Знай, мой другъ, что еслибы я нашелъ кого достойнѣе, то его, а не тебя произвелъ бы въ коммендацты.» Царь осыпалъ въ то же время любимца своего богатствами, и вскорѣ Меншиковъ вполнѣ заступилъ у него мѣсто Лефорта, дотолѣ ни кѣмъ не занятое, былъ его министромъ, полководцомъ и другомъ. Императоръ Леопольдъ прислалъ Меншикову дипломъ на графское достоинство. Черезъ пять лѣтъ Меншиковъ былъ уже князь

и фельдмаршалъ. По драгоцѣннѣе всѣхъ наградъ были дружба и довѣренность Царя. Петръ писалъ къ нему въ письмахъ: «Сердце мое,» называлъ его *Алексашей* и удостоивалъ безграничной довѣренности. Прибавимъ, что Меншиковъ былъ ровесникъ Петру, прекрасный собою, крѣпкій, неутомимый, сильный, и веселаго, увлекательнаго характера.

Когда Царь закладывалъ и охранялъ свою будущую столицу, военныя дѣйствія не прекращались въ Эстляндіи. Шереметевъ, идя въ Августѣ съ береговъ Невы, овладѣлъ вновь крѣпостями Копорьемъ и Ямбургомъ. Вторая изъ нихъ важна была, какъ защита Петербурга. Царь велѣлъ укрѣпить ее. Шереметевъ перешелъ рѣку Нарову, и съ 10,000 конницы и полкомъ пѣхоты двинулся на Шлиппенбаха. Но Шведскій генералъ уже не смѣлъ сражаться съ нимъ, ушелъ въ Ревель, не препятствовалъ Рускимъ вновь опустошать Эстляндію, гдѣ только Нарва, Дерптъ, Перновъ и Ревель не испытали еще губительнаго меча Рус-

каго. «Остаются только цѣлы у непріятеля Ревель, Перновъ и Рига, кромѣ Дерпта и Нарвы», писалъ Шереметевъ Царю, «а все остальное опустошено, и не знаю чѣмъ могутъ прокормиться зимою непріятели.» На зиму Шереметевъ сталъ во Псковѣ, Апраксинъ былъ въ Ямбургѣ, Рѣпнинъ находился въ Копорьи.

Но самъ неутомимо дѣйствуя на сѣверѣ, Царь не упускалъ дѣятельнаго надзора за событіями въ Польшѣ. Паткуль, ревностный защитникъ правъ Лифляндіи, уже находился тогда въ царской службѣ, съ чиномъ генералъ-маіора, и былъ при королѣ Августѣ. Какъ будто не зная, что только упрямый отказъ Карла XII-го на всѣ предложенія мира сохранялъ Россіи дружбу Августа, Царь заключилъ съ нимъ черезъ Паткуля новый договоръ, обѣщая прибыть самъ въ Польшу, прислать сильное войско и дать денегъ. Еще прежде того утвердилъ онъ отдѣльный договоръ съ Огинскимъ, обѣщая ему денегъ и войска. И не одними обѣщаніями ограничивался Царь. Онъ не могъ

еще самъ явиться въ Польшу, но отправилъ деньги. Мы видѣли выше, что Русское войско было у Огинскаго. По разбитіи его, 15,000 казаковъ, съ полковникомъ Миклашевскимъ, посланы были къ пану Халецкому, осадившему Быховъ, городъ, принадлежавшій Сапегѣ. Ихъ подкрѣпилъ князь Шаховской войскомъ изъ Смоленска, и Быховъ сдался союзникамъ 8-го Октября; запасы и богатства Сапеги были расхищены. Между тѣмъ Мазепа, соединенно съ Синявскимъ, воевалъ въ Подоліи. Тамъ, пользуясь смятеніемъ Польши, возстали казаки. Палей и Самусь, давніе враги Мазепы, подняли знамя бунта противъ Августа, укрѣпились въ Немировѣ и Бѣлой Церкви и сдались только послѣ упорной битвы. Мазепа измѣною захватилъ своевольнаго Палея и Царь велѣлъ сослать его въ Сибирь. Въ отдаленномъ Енисейскѣ страдалъ храбрый наѣздникъ болѣе трехъ лѣтъ. Поляки жестоко мстили за возмущеніе казаковъ свирѣпою казнью. Царь убѣдилъ Августа не оже-

сточать казаковъ, и поручился имъ въ прощеніи, обнародованномъ отъ имени Августа.

Октября 24-го отправился Царь изъ Петербурга, и 11-го Ноября 1703 года, торжественнымъ вступленіемъ въ Москву съ войсками и трофеями, праздновано было *возвращеніе Россіи Ингерманландіи (древней Ижорской земли)* и присоединеніе вновь древнихъ Новгородскихъ областей, послѣ почти столѣтняго обладанія надъ ними Шведовъ. Шереметевъ, Рѣпнинъ и Брюсъ ѣхали въ парадныхъ саняхъ. За ними шелъ пѣшкомъ съ своею ротою, *капитанъ Петръ Алексѣевичъ*. Въ рядахъ Преображенскихъ солдатъ, за великимъ родителемъ своимъ, одѣтый въ солдатскій мундиръ, шелъ царевичъ Алексѣй. Побѣдителей встрѣчали пушечною пальбою, колокольнымъ звономъ и музыкою. Трои торжественныя ворота были устроены въ разныхъ мѣстахъ. На однихъ изъ сихъ воротъ видна была карта Ингерманландіи, съ надписью: «Не чужую «землю пріяли, не чужое захватили, но па-

«слѣдіе отцовъ нашихъ, неправедно предержанное врагомъ». Пиры и фейерверки въ Преображенскомъ заключили праздникъ, гдѣ среди гостей находились послы Французскій, Датскій, Польскій, Голландскій, Прусскій, повѣренные Молдавскій и Волошскій, и оставшійся въ Москвѣ резидентъ Шведскій Книперъ-Кронъ. Его задержали въ Россіи, когда всѣ Руские, бывшіе въ Швеціи, и посланникъ царскій, князь Хилковъ, по объявленіи войны были не только тамъ задержаны, но даже заключены въ темницы. Книперъ-Кронъ жилъ въ Москвѣ и пользовался совершенною свободою, даже благосклонностью Царя. Увидѣвъ его на пирѣ въ Преображенскомъ, Царь сказалъ ему: «Теперь я готовъ мириться съ вашимъ Королемъ — *свое* я взялъ. Но если онъ хочетъ еще продолжать войну, я готовъ воевать, надѣясь на помощь Божію, ибо дѣло мое правое.»

Пиры и веселье не останавливали попеченій и заботъ Царя. Готовясь на слѣдующій годъ шагнуть далѣе побѣдительною стопою,

строя Петербургъ и защищая его, воздвигая крѣпость на Финскомъ заливѣ, сдвигая войска въ Польшу и громя Эстляндію, Царь обращалъ непрерывное вниманіе на кораблестроеніе въ Воронежѣ. Ноября 24-го поѣхалъ онъ туда и воротился въ Москву уже 17-го Декабря.

Всѣ событія войны Царь ознаменовывалъ медалями. Медаль на взятіе Ніеншанца изображала сію крѣпость, съ надписью: *Уступила сильному*! Медаль на заложеніе Петербурга украшалась изображеніями Минервы и Меркурія съ надписью: *Они основали сіи крѣпкія стѣны. — Финляндія*! *трезубецъ въ рукѣ моей*! говорила надпись медали на основаніе Балтійскаго флота, при другой надписи: «Нынѣ плаваніе наше по Балтійскому морю обезопасено.»

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОЙНА ВЪ ПОЛЬШѢ. ВЗЯТІЕ ДЕРПТА И НАРВЫ. НИЗВЕРЖЕНІЕ АВГУСТА. РУСКІЕ ВЪ ЛИТВѢ.

1704 — 1705 г.

И Нарва пала, и орелъ
Крыломъ своимъ могучимъ
Брега Балтійскіе одѣлъ,
И будто громъ сквозь тучи,
Предрекъ грядущихъ счастье дней,
Паденье Шведской славы,
И средь Эстоніи полей
Великій день Полтавы!
...

Ни успѣхи Русскаго Царя на берегахъ Балтійскихъ, ни раззореніе Эстоніи, ни опасность Финляндіи, ни заложеніе Петербурга, не могли разсѣять упрямой увѣренности Карла XII-го въ его непобѣдимое могущество, безсиліе Царя противиться его воинскому счастію, и упорнаго стремленія преслѣдовать и уничтожить короля Августа.

Мы оставили Шведскаго Короля на зимнихъ квартирахъ послѣ взятія Торуна. Положеніе его казалось блестящимъ и грознымъ, но опытный взоръ и тогда могъ бы проникнуть въ безнадежность основаній силы и могущества его. Правда, Августъ предавался бѣгству при

каждомъ приближеніи Шведовъ; голоса болѣе и болѣе соединялись противъ него по волѣ Карла XII-го, и хищенія обогащали Шведовъ, но съ другой стороны трехъ-лѣтняя, кровопролитная война и необходимость охранять въ одно время Лифляндію, Эстляндію, Финляндію, Померанію и самую Швецію войскомъ уже значительно истощили народонаселеніе Швеціи, а положеніе Августа совсемъ не было такъ отчаянно, какъ оно казалось съ перваго взгляда. Не говоря о томъ, что опасность пробудила въ немъ дремавшія прежде силы душевныя, и Августъ не уступалъ своему противнику, не щадя пособій, извлекаемыхъ изъ своей Саксоніи, нанимая, собирая отвсюду войско, самые Поляки, болѣе и болѣе оскорбляемые высокомѣріемъ Карла XII-го, и раззоряемые налогами, поборами и постоями, только страшась меча Шведовъ повиновались имъ. Августъ не щадилъ ни подарковъ, ни обѣщаній, и однихъ увлекала къ нему щедрость его, другихъ ненависть партій. Не хотѣли

Августа, но не могли согласиться выбрать на мѣсто его кого либо другаго. Повѣрятъ ли, что Августъ успѣлъ тогда удержать многихъ, возобновивъ старинный Польскій орденъ *Бѣлаго Орла* и награждая имъ своихъ приверженцовъ? Таково бѣдное тщеславіе человѣческое. Карлъ XII-й, казалось, могъ бы видѣть, что едва уходилъ онъ изъ какого либо мѣста, всѣ переходили снова къ Августу, или являлся самъ Августъ и уничтожалъ начатое Королемъ Шведскимъ. Примасъ хитрилъ и колебался, и даже Сапега, утомленный многолѣтнею борьбою, раззоренный, стѣсненный врагами и друзьями, уставалъ духомъ и тѣломъ. Только гордость удерживала еще его и не дозволяла ему смириться. — Что еслибы среди такого положенія дѣлъ, Карлъ XII-й, безпрерывно, при первой ошибкѣ бросавшійся въ огонь и не щадившій себя, погибъ отъ пули или сабли непріятельской? Положеніе Шведскаго войска въ Польшѣ, и самой Швеціи, могло сдѣлаться гибельнымъ.

Весь 1704-й годъ проведенъ былъ Карломъ XII-мъ въ безполезной и утомительной борьбѣ съ Августомъ, или лучше сказать, въ преслѣдованіи Августа по всей Польшѣ и стараніи уничтожать силы его. Посылая къ союзнику своему войско и деньги, Царь подтверждалъ ему одно—не вступать въ открытую битву, ибо отвага и воинскія дарованія Карла XII-го и его полководцовъ, храбрость и привычка къ битвамъ солдатъ Шведскихъ, и страхъ, внушаемый при одномъ имени Шведовъ, особливо нестройнымъ дружинамъ Польскимъ, всегда угрожали вѣрнымъ пораженіемъ. Стараясь управиться съ Шведами на берегахъ Балтійскаго моря, Царь обѣщалъ немедленно явиться самъ въ Польшу съ войскомъ многочисленнымъ, едва только обезопаситъ себя на сѣверѣ. Доказательства, что онъ хотѣлъ исполнить обѣщаніе, состояли въ присылкѣ войскъ, уже успѣвшихъ оказать немалыя услуги королю Августу. Надлежало только продлить еще время нерѣшительности, томить не-

терпѣливаго, пылкаго Карла XII-го, вести съ нимъ малую войну и не давать ему покоя и отдыха.

Уже въ то время, когда Шведы осаждали Торунъ, 15,000 войска Саксонскаго приходили на помощь къ осажденнымъ, не посмѣли отважиться на битву, но безопасно отступили къ Кракову и Львову (Лембергу). Зимою Карлъ XII-й соединилъ свои прежнія войска съ новыми, пришедшими изъ Швеціи, и имѣлъ подъ ружьемъ 35,000 человѣкъ (20,000 пѣхоты, 10,000 конницы, 5,000 драгуновъ). Немедленно, упорнѣе прежняго началъ онъ преслѣдовать Августа, думая, что силъ Шведскихъ будетъ достаточно съ нимъ управиться. Новый 1704 годъ начался событіемъ важнымъ. Января 14-го Примасъ собралъ сеймъ въ Варшавѣ — хотѣли только разсуждать о положеніи дѣлъ — кончили объявленіемъ *междоцарствія*. Увлеченный ненавистью къ Августу, привязанностью къ дѣтямъ Собіескаго и опасеніемъ Шведскаго оружія, Примасъ явно сбро-

силъ личину, и объявилъ (6-го Февраля) короля Августа *врагомъ Польши* и *неспособнымъ управлять государствомъ.* Шведскій генералъ Горнъ, коммендантъ Варшавы, нагло управлялъ дѣлами сейма. Надлежало приступить къ избранію короля. Карлъ XII-й назначилъ королемъ Іакова Собіескаго. Всѣ согласились на его выборъ. Рейншильдъ, лучшій изъ генераловъ Шведскихъ, посланъ былъ вытѣснить Августа изъ Польши. Къ досадѣ Карла XII-го, вовсе неожиданныя послѣдствія произошли отъ рѣшенія сейма Варшавскаго.

До тѣхъ поръ, враждуя взаимно, партіи таились, но когда надлежало объявить мнѣніе свое явно, многіе оробѣли, другіе потребовали разныхъ выгодъ, иные оскорблялись выборомъ слабаго, безсильнаго Іакова, сына короля, несчастную память коего проклинала Польша. Споры о выборѣ Іакова рѣшены были вскорѣ неожиданнымъ поступкомъ Августа. Мы говорили, что Іаковъ Собіескій удалился

послѣ избранія Августа во владѣнія Императора, подарившаго ему небольшое помѣстье въ Силезіи. Тамъ жилъ въ уединеніи сынъ Собіескаго, не вмѣшиваясь въ политическіе дѣла и раздоры Польши. Когда узнали о волѣ Шведскаго Короля и согласіи сейма избрать его, Августъ послалъ отрядъ Саксонскихъ гусаровъ. Они тайно пробрались въ Силезію, подстерегли Іакова, когда онъ выѣхалъ на охоту съ братомъ своимъ Константиномъ, захватили обоихъ принцовъ и увезли ихъ въ Саксонію. Младшій братъ, принцъ Александръ успѣлъ убѣжать и явился въ Варшаву, съ жалобою на нарушеніе народныхъ правъ и насиліе Августа. Императоръ протестовалъ противъ поступка Саксонскаго Курфирста. Начались споры. За неимѣніемъ кандидата на лицо, избрать его было нельзя, а между тѣмъ, объявя междоцарствіе, выборомъ мѣшкать не могли. Карлъ XII-й не затруднялся долго. Онъ предложилъ корону Польскую Александру Собіескому. Юный принцъ сей благоразумно от-

клонилъ предложеніе, говоря, что не смѣетъ принять Польскаго престола, опасаясь нарушить тѣмъ права старшаго брата. Замѣшательство въ выборѣ сдѣлалось послѣ сего величайшее. Партія знатнаго Поляка, князя Любомирскаго одолѣвала другихъ. Но Карлъ XII-й не терпѣлъ сего знаменитаго вельможи и не согласился на выборъ его.

Пока спорили въ Варшавѣ и не знали кому достанется Польская корона, дѣйствія Рейншильда оказывались безуспѣшными. Быстрымъ движеніемъ Шведскихъ войскъ едва было не захватилъ онъ Августа, въ деревнѣ Солецъ, но Августъ спасся, ускакалъ поспѣшно, ловкими распоряженіями своихъ войскъ обманулъ Рейншильда, въ началѣ Мая остановился въ Сандомирѣ и разбилъ посланные на него Шведскіе отряды. Имѣя не болѣе 6,000 человѣкъ войска, Рейншильдъ не смѣлъ начать наступательныхъ дѣйствій. Августъ собралъ въ Сандомирѣ сеймъ. Немногіе явились туда, но одного слова: *сеймъ*, довольно было усилить раздоры и замѣ-

шательство, особливо, когда сеймъ Сандомирскій объявилъ сеймъ Варшавскій беззаконнымъ, всѣхъ участниковъ его врагами отечества, а Примаса лишеннымъ его сана и достоинства. Голосъ Папы подкрѣпилъ всѣ сіи опредѣленія. Налагая проклятіе на сообщниковъ *короля-еретика*, Папа лишилъ Примаса кардинальскаго достоинства и требовалъ его и другихъ Польскихъ епископовъ въ Римъ къ суду своему.

Несчастный честолюбецъ, Примасъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что отвергая выборъ Любомирскаго, Карлъ XII-й, оскорбленный буллою Папы, велѣлъ изгнать изъ собраній сейма все католическое духовенство, дерзавшее противиться его волѣ, занялъ Шведскимъ войскомъ и позволилъ грабить всѣ духовныя имѣнія въ Польшѣ. Нѣсколько времени думалъ Король Шведскій: не взять ли ему самому Польскую корону, какъ совѣтовалъ Пиперъ, хитрый дипломатъ и жаркій противникъ католицизма? Но вскорѣ вы-

боръ Карла XII-го былъ рѣшенъ, и вовсе неожиданно.

Въ числѣ депутатовъ на Варшавскомъ сеймѣ былъ *Станиславъ*, потомокъ знаменитаго рода *Лещинскихъ*, воевода Познанскій. Юный лѣтами (онъ родился въ 1682 году), Станиславъ пользовался общимъ уваженіемъ, былъ одаренъ умомъ обширнымъ и страстью къ наукѣ и ученію. Женатый по любви на красавицѣ Опалинской, отецъ двухъ милыхъ дочерей малютокъ, Станиславъ думалъ посвятить занятіямъ науками и семейному счастію жизнь свою. Судьба, назначившая его игралищемъ своимъ, увлекла кроткаго, благоразумнаго Станислава. Бѣдствія отечества заставили его принять участіе въ тогдашнихъ дѣлахъ. Онъ явился на сеймъ, и тщетно желавши примирить буйныя страсти земляковъ, хотѣлъ умолять Карла XII-го о пощадѣ несчастной Польши. Изумленный благоразумною кротостью, умными рѣчами и благороднымъ видомъ Станислава, Карлъ XII-й выслушалъ его

съ удовольствіемъ. «Вотъ человѣкъ достойный моей дружбы,» сказалъ Карлъ XII-й, смотря на уходившаго отъ него Станислава. Немедленно постарался онъ узнать всѣ подробности о Станиславѣ, былъ восхищенъ разсказами объ немъ и предложилъ ему Польскую корону. Станиславъ отрекся. Отказъ его еще болѣе восхитилъ Карла XII-го, и какъ говорили тогда, подражая Александру Македонскому, избравшему въ Тирскіе цари мудреца Абдолонима, онъ потребовалъ непремѣнно избранія Станислава и — никого болѣе. Долго еще отвергалъ юный мудрецъ тяжкое опредѣленіе возсѣсть на тронъ подъ покровительствомъ врага отчизны, колеблемый мятежами и раздорами, принять бразды правленія, когда у него вовсе не было средствъ управить и умирить Польшу. Станиславъ надѣялся еще, что сеймъ не согласится и отвергнетъ избраніе его. Любомирскій спѣшилъ въ Варшаву съ войскомъ, надѣясь подкрѣпить голоса въ свою пользу. Грозная воля Карла XII-го уничтожила всѣ препятствія.

Примасъ хотѣлъ объясниться съ Карломъ XII-мъ. Онъ встрѣтилъ Примаса угрюмымъ вопросомъ: «Почему нѣкоторые изъ членовъ сейма не хотятъ избрать Станислава?» — «Государь!» отвѣчалъ Примасъ, смѣшавшись — «я не знаю, но главное возраженіе, что онъ очень молодъ.» — «Кто смѣетъ сказать, что онъ молодъ?» вскричалъ вспыльчиво Карлъ XII-й — «онъ ровесникъ мнѣ!» Не говоря ни слова болѣе, повернулся онъ къ Примасу спиною и ушелъ изъ комнаты. Примасъ отказался послѣ сего присутствовать на сеймѣ. Карлъ XII-й самъ пріѣхалъ въ Варшаву, велѣлъ собираться избирателямъ на обыкновенномъ мѣстѣ выборовъ близъ Варшавы и окружилъ ихъ Шведскимъ войскомъ. Епископу Познанскому велѣно было заступить мѣсто Примаса. Приведенные въ отчаяніе насиліемъ, избиратели по неволѣ провозгласили Станислава, хотя клики ненависти прорывались среди принужденныхъ восклицаній радости. Карлъ XII-й торжествовалъ. Станислава умолили принять престолъ. Онъ

согласился, и на вѣки простился съ своею мирною жизнью, семейнымъ счастіемъ, душевнымъ спокойствіемъ. Тяжкая, горькая судьба готовилась ему—показать собою примѣръ превратности человѣческаго счастія. Король Шведскій встрѣтилъ его съ великими почестями, какъ брата и короля, клялся, что отнынѣ раздѣлитъ съ нимъ участь свою, будетъ ему неизмѣннымъ другомъ. Онъ сдержалъ слово свое до конца жизни, но уже самое начало царствованія Станислава показало, чего надобно было ожидать ему въ послѣдствіи.

Карлъ XII-й хотѣлъ утвердить оружіемъ избраніе Станислава, и немедленно выступилъ самъ противъ Августа, бывшаго въ Сандомирѣ. Августъ ждалъ подкрѣпленія изъ Саксоніи. Къ нему велъ Саксонское войско генералъ Шуленбургъ. Изъ Россіи шелъ корпусъ, состоявшій изъ 12,000 Русскихъ и 5,000 казаковъ, собранный въ Кіевѣ, подъ начальствомъ князя Д. М. Голицына. Быстрота движеній Короля Шведскаго принудила Августа оставить

Сандомиръ, не дождавшись ни Шуленбурга, ни Голицына. Іюля 26-го Шведы заняли Сандомиръ, но Августъ успѣлъ соединиться съ Рускими въ Ярославлѣ на Волыни. Шведы преслѣдовали его, заняли и сей городъ, но здѣсь потеряли они слѣды Августа. Шуленбургъ явился въ Польшѣ съ Саксонскимъ войскомъ. Августа 12-го онъ смялъ и оттѣснилъ отрядъ Шведовъ, предводимый генераломъ Мейерфельдомъ, и обложилъ Познань, угрожая Варшавѣ. Въ то же время искуснымъ фланговымъ маршеми король Августъ обманулъ Карла XII-го. Пока Шведскій Король посылалъ отряды искать его въ Галиціи и на Волыни, Августъ быстро повернулъ по теченію Вислы и пошелъ прямо на Варшаву, откуда могъ соединиться съ Шуленбургомъ и Огинскимъ, получившимъ въ пособіе 6,000 человѣкъ Русскаго войска изъ Смоленска и снова воевавшимъ въ Литвѣ. Царь также легко могъ сблизиться съ Августомъ въ Лифляндіи.

Все исполнилось по предположенію короля

Августа. Съ приближеніемъ его къ Варшавѣ страхъ распространился въ Польской столицѣ, гдѣ только 2.000 Шведовъ и 6,000 Поляковъ составляли весь гарнизонъ. Пока спорили еще тамъ что надобно дѣлать, Августъ былъ уже близко и разбивалъ Шведскіе отряды въ окрестностяхъ Варшавскихъ. Карлъ XII-й не могъ успѣть на выручку, находясь съ войскомъ въ глубинѣ Галиціи. Оставалось предать Варшаву въ руки оскорбленнаго Августа. Станиславъ едва успѣлъ отослать мать свою, супругу и дочерей, подъ прикрытіемъ Шведовъ, въ Познань, откуда Шуленбургъ спѣшилъ тогда соединиться съ Августомъ въ Варшавѣ. Бѣгство семейства Станиславова было столь поспѣшно, что въ какой-то деревнѣ забыта была кормилица съ младшею дочерью Станислава — будущею королевою Французскою, тогда еще дитятею одного года. Самъ Станиславъ, съ небольшимъ отрядомъ, бѣжалъ въ Люблинъ, чрезъ шесть недѣлъ послѣ избранія своего на престолъ Польскій. Бывшіе на сеймѣ разбѣ-

жались, кто куда успѣлъ и могъ. Августъ занялъ Варшаву и явился неумолимъ: домы Примаса (бѣжавшаго въ Данцигъ), Епископа Познанскаго (укрывшагося въ Варшавской цитадели, гдѣ затворился Горнъ съ Шведами) и другихъ знатнѣйшихъ людей, враговъ Августа, были разграблены. На Варшаву, недавно заплатившую огромную контрибуцію Шведамъ, наложена была снова контрибуція. Августъ осадилъ цитадель, и послѣ двухъдневной, упорной осады принудилъ Горна сдаться, торжествуя свою первую побѣду надъ Шведами. Епископъ Познанскій, осужденный Папою, былъ приведенъ солдатами къ Августу и отосланъ въ Саксонію, гдѣ умеръ въ тюрьмѣ. Тогда же въ Данцигѣ умеръ непримиримый врагъ Августа Примасъ. Терзаясь раскаяніемъ, онъ писалъ къ Августу на смертномъ одрѣ своемъ, умоляя его о прощеніи. Казалось, Августъ рѣшительно побѣдилъ своего соперника. Онъ отправилъ Шуленбурга осаждать Познань. Имѣя 40,000 войска, Августъ не стра-

шился, услышавъ о походѣ изъ Волыни Короля Шведскаго. Паткуль, посолъ и генералъ Русскаго Царя, отправился вмѣсто Шуленбурга осаждать Познань, гдѣ небольшой Шведскій гарнизонъ охранялъ семейство Станислава. Октября 4-го началась осада. Надѣялись, что Познань долго не выдержитъ.

И когда такъ мгновенно низпровергнуто было въ Варшавѣ все, что создали сила и воля Шведскаго Короля, напрасно умолялъ его Станиславъ спѣшить на помощь. Карлъ XII-й послалъ къ нему Рейншильда, и отправился наказать непокорство жителей Лемберга, главнаго города Галиціи, отказавшихся платить контрибуцію и непризнававшихъ Станислава. Задержанный трудностью похода, онъ бросилъ на дорогѣ обозъ и пушки, и въ концѣ Августа явился у Лемберга только съ 1,800 Шведскихъ драгуновъ. При отказѣ сдать городъ, Шведы бросились на городскія стѣны. Неожиданность появленія ихъ, отважность приступа и безпорядокъ въ начальствѣ осажден-

ными сдѣлали то, что Лембергъ, защищаемый крѣпкими стѣнами, 200 пушекъ и 10,000 Польскаго войска, взятъ былъ послѣ слабаго защищенія. Удачное, хотя и безразсудное дѣло Карла XII-го напоминало Копенгагенъ и Нарву. Онъ былъ въ восторгѣ, не столько радуясь тому, что могъ захватить богатую добычу и большіе запасы непріятельскіе, сколько тому, что рѣшилъ побѣду личною храбростью, съ горстью Шведовъ. Нѣсколько дней промедлилъ еще Король Шведскій, ожидая прихода сильнаго корпуса казаковъ, шедшихъ съ Мазепою, и надѣясь разбить его, но слыша, что Мазепа воротился въ Малороссію, уже 13-го Сентября, по дурнымъ, испорченнымъ, едва проходимымъ дорогамъ выступилъ онъ изъ Лемберга, и только 20-го Сентября могъ соединиться въ Замостьѣ съ Рейншильдомъ и Станиславомъ, безполезно потерявъ цѣлое лѣто.

Когда Карлъ XII-й губилъ время въ безпрерывныхъ походахъ, низложеніи Августа и утвержденіи на Польскомъ престолѣ Стани-

слава, Царь успѣлъ вполнѣ воспользоваться оставленіемъ безъ защиты Балтійскихъ областей и совершилъ блистательныя военныя дѣла въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Зимнимъ путемъ отправился онъ изъ Москвы и пріѣхалъ въ Олонецъ, гдѣ открылись тогда желѣзныя руды и устроены были заводы. Марта 19-го былъ онъ уже въ Петербургѣ, и съ удовольствіемъ видѣлъ устроеніе морской крѣпости близъ острова Котлина, оконченной зимою; матеріялы возили туда по льду. Царь наименовалъ новую крѣпость *Кроншлотомъ* (Вѣнецъ-крѣпость), велѣлъ спѣшить окончаніемъ начатыхъ строеній въ Петербургѣ, присутствовалъ при освященіи въ Петербургской крѣпости Петропавловскаго собора, и былъ порадованъ приходомъ иностранныхъ торговыхъ кораблей въ свой новый городъ. Пять сотъ червонцовъ подарено было шкиперу Голландцу, который первый прибылъ въ Петербургъ. Царь купилъ у него весь привезенный имъ грузъ, позволилъ ему нагру-

зить судно лѣсомъ безъ всякой платы, и объявилъ, что 300 червонцовъ награды дано будетъ второму, послѣ него прибывшему, и 150 червонцовъ третьему шкиперу. Дорогихъ гостей угостили роскошно и самъ Царь пировалъ съ ними. «Не правда ли,» спрашивалъ онъ Голландца, «что здѣсь ближе и удобнѣе будетъ вамъ торговать, нежели въ Архангельскѣ?» — Да,» смѣясь отвѣчалъ ему Голландецъ — «здѣсь все хорошо и недостаетъ только одного.» «Чего же?» спросилъ безпокойно Царь. «Такихъ аладьевъ, какіе пекутъ въ Архангельскѣ.» — На другой день Царь подчивалъ его горячими Архангельскими аладьями въ своемъ Домикѣ. Восхищенные моряки повезли въ Голландію вѣсть о новомъ городѣ Русскомъ, и чудесахъ, какія надѣлалъ старый знакомецъ ихъ *Питеръ басъ* Сардамскій. Желая обезопасить Петербургъ, Царь хотѣлъ лѣтомъ идти въ Финляндію, взять Выборгъ и Кексгольмъ, но соображая, что надобно еще очистить Эстляндію, слыша о дѣлахъ Швед-

скаго Короля въ Польшѣ, и опасаясь, что Шведы могутъ наконецъ оставить Польшу и двинуться къ Ригѣ и Петербургу, онъ рѣшился на дѣло болѣе важное — взятіе *Дерпта* и *Нарвы*.

Сначала Царь поручилъ было Шереметеву начать сіе предпріятіе, не допуская притомъ вспоможенія Дерпту и Нарвѣ отъ Левенгаупта изъ Риги и отъ Шлиппенбаха изъ Ревеля. Но царскій фельдмаршалъ потерялся въ распоряженіяхъ дѣломъ, хотя Царь посылалъ ему подробныя наставленія и подтверждалъ: «Не смѣй переиначивать, толковать, и даже писать ко мнѣ объ новыхъ поясненіяхъ, но исполняй, а не то будешь отвѣчать строго и я уже въ томъ не виноватъ буду». Только неусыпная дѣятельность и умъ Царя все и повсюду животворили. Въ одно время ему надобно было и созидать полки свои, и снабжать ихъ оружіемъ и водить въ битву. «Чѣмъ будемъ мы чесать голову, когда у гребня зубы выломаны,» писалъ онъ, торопя приходъ

войскъ въ Петербургъ изъ Москвы. Недостатокъ въ дѣловыхъ и опытныхъ людяхъ былъ у него чрезвычайный. Шереметевъ доносилъ ему однажды: не прикажетъ ли онъ передать полкъ князя Никиты Мещерскаго полковнику Вердену, ибо Мещерскій *человѣкъ добрый, да не его дѣло, а Вердена на то станетъ.* «Не нужно, ибо оба они ничего не смыслятъ,» отвѣчалъ Царь. «Какъ смѣете вы подчивать меня вашимъ Московскимъ *тотчасомъ?*» писалъ Царь при неисправной высылкѣ снарядовъ артиллерійскихъ. «Развѣ забыли вы, что расплатитесь за то головами? Лекарствъ также мы еще не получаемъ. Берегитесь, чтобы я не былъ принужденъ васъ самихъ за то полечить по своему!» И все являлось, двигалось по слову Царя, и кипѣло жизнью, тамъ, гдѣ онъ самъ являлся и лично дѣйствовалъ.

Быстро пошли къ Нарвѣ полки, прежде назначенные въ Финляндію. Здѣсь, въ устьѣ Наровы, при впаденіи ея въ море, еще съ весны сталъ Апраксинъ и преградилъ прибли-

женіе помощи и подвозъ припасовъ въ Нарву съ моря. Мая 20-го Царь отправился изъ Петербурга и 30-го Нарва была обложена.

Между тѣмъ Шереметевъ, съ 20,000-ми войска, выступилъ изъ Пскова, и 5-го Іюня окружилъ Дерптъ, также отрѣзанный отъ подвозовъ и помощи съ Чудскаго озера. Шведская флотилія, состоявшая изъ 8-ми яхтъ и 5-ти бригантинъ, зимовала въ устьѣ Эмбаха, подъ начальствомъ командора Лешера. Мая 4-го генералъ маіоръ Верденъ переплылъ изъ Пскова черезъ озеро въ лодкахъ, напалъ на нее и захватилъ всѣ Шведскія суда. Видя невозможность противиться Рускимъ, Лешеръ не хотѣлъ пережить своего пораженія, взорвалъ бригантину, на которой находился, и погибъ не сдаваясь. На флотиліи взято было 81 пушки.

Нарву защищалъ прежній коммендантъ, старикъ Горнъ, видѣвшій пораженіе Рускихъ въ 1700 году. У него было до 5,000 человѣкъ гарнизона, и болѣе 400 пушекъ охраняли

Нарву, гордую крѣпкими стѣнами. Горнъ видѣлъ, какъ измѣнились въ пять лѣтъ всѣ отношенія въ войнѣ Рускихъ съ Шведами, но не думалъ сдаваться. Онъ ждалъ помощи отъ Шлиппенбаха, подкрѣпленнаго прибытіемъ войскъ изъ Швеціи. Царь вскорѣ лишилъ его сей надежды. Отрядъ, отправленный на Ревельскую дорогу, занялъ ее при Вайварахъ, и когда приблизился Шлиппенбахъ, Рускіе храбро устремились на него, обошли его, и только отчаяннымъ боемъ и поспѣшнымъ уходомъ спасся Шлиппенбахъ, ужаснувши жителей Ревеля появленіемъ преслѣдовавшихъ его Русскихъ отрядовъ. Ожиданіе помощи Нарвѣ отъ Шлиппенбаха внушило Царю мысль устроить военную хитрость. Переодѣтый въ Шведскіе мундиры, Русскій полкъ явился на Ревельской дорогѣ и подалъ въ Нарву условленный сигналъ, о коемъ узнали изъ перехваченнаго письма Горна. Противъ мнимыхъ Шведовъ притворно устремились Рускіе. Началась пальба. Горнъ выслалъ подкрѣпленіе

изъ города; его отрѣзали и Шведы едва спаслись бѣгствомъ въ Нарву, потерявъ до 200 человѣкъ. Кто-то изъ бывшихъ при Царѣ Русскихъ поэтовъ прославилъ удачную хитрость *эпиграммою*. Вотъ она, примѣръ Русскихъ ямбическихъ стиховъ за 25 лѣтъ до Ломоносова:

Римъ хвалится, что бралъ въ игрѣ дѣвицъ Сабиныхъ:
Безсильный бяше полъ, не храбро дѣло бысть.
Здѣсь Рускіе игрой мужей имаютъ львиныхъ:
Столь хищна поймать, то большая корысть.

Ночью на 11-е Іюня начаты траншеи подъ Нарвою, не смотря на жестокую пальбу изъ города. Вылазку осажденныхъ отбили. Работы пошли дѣятельно. Царь рѣшился между тѣмъ ѣхать самъ въ Дерптъ, видя, что Шереметевъ не умѣетъ распорядиться осадою. Начальство надъ войскомъ подъ Нарвою принялъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильвій, принятой Царемъ въ Русскую службу еще въ 1702 г. Онъ отлично служилъ прежде въ войскахъ

Императора, и въ Австрійской службѣ получилъ свой чинъ.

Шереметевъ съ 10-го Іюня открылъ подъ Дерптомъ траншеи и 13-го началъ бомбардированіе. Коммендантъ, полковникъ Скитте, съ 3,000-ми, защищался храбро, ходилъ на вылазки, отбивалъ осаждающихъ. Царь прибылъ подъ Дерптъ и писалъ оттуда Меншикову: «Дѣло здѣсь нашелъ я плохо и принужденъ былъ передѣлать баттареи. Все было никуда негодно. Только людей напрасно мучили. Ссылаются другъ на друга. Инженеръ здѣсь хорошъ, но смиренъ—его загоняли. Безъ всякаго толку бросили въ городъ 2,000 бомбъ, когда стѣны ждутъ только приказа, куда имъ велятъ упасть. Наши господа берегли себя и ходили около Дерпта такою же далекою орбитою, какъ Сатурнъ около солнца, но я сдвину ихъ Сатурновскую дальность въ Меркуріеву близость и надѣюсь черезъ недѣлю все дѣло кончить.» Дерптъ удержался однакожь до 12-го Іюля, хотя еще

9-го числа сдѣланъ былъ пушками проломъ въ стѣнѣ. Вечеромъ 12-го Рускіе пошли на приступъ; осажденные дрались всю ночь; разъяренные Русскіе воины напали наконецъ такъ упорно, что едва могли ихъ остановить, когда Шведы уже трубили сдачу. Гарнизону позволено было выйдти, съ оставленіемъ при офицерахъ шпагъ, и съ доставленіемъ ихъ въ Ригу, Ревель и Выборгъ. Скитте принужденъ былъ ѣхать съ Царемъ къ Нарвѣ, дабы личнымъ увѣдомленіемъ о паденіи Дерпта убѣдить Горна въ безполезности сопротивленія. Въ Дерптѣ найдено было 84 пушки, 18 мортиръ, 6 гаубицъ. Вся осадная артиллерія Русская состояла изъ 46-ти орудій. Жители Дерпта, какъ стариннаго Русскаго города, приведены были къ присягѣ Царю, и Царь увѣдомлялъ о взятіи Дерпта, какъ «о полученіи съ Божіею помощью *славнаго отечественнаго града.*» Основанный Рускими, подъ именемъ Юрьева, въ XI вѣкѣ, онъ завоеванъ былъ Ливонскими рыцарями въ XIII-мъ столѣтіи, пере-

ходилъ къ Шведамъ, Полякамъ, Рускимъ, и окончательно уступленъ былъ Швеціи по Кардисскому миру.

Оставя гарнизонъ въ Дерптѣ, Царь двинулъ Шереметева къ Нарвѣ. Число осаждающихъ войскъ составило здѣсь до 45,000 человѣкъ, съ артиллеріею изъ 66 пушекъ и 30 мортиръ. Горнъ видѣлъ безнадежность защиты, но все еще упорствовалъ, не хотѣлъ даже видѣть Скитте, посланнаго къ нему въ Нарву. Іюля 1-го бомбами взорвали пороховой магазинъ въ крѣпости; только ночью еще могли выходить осажденные, разрушая Русскія осадныя работы. Августа 6-го бастіонъ, называвшійся *Гоноръ* (*честь*), обрушился. Открылся широкій проломъ. Горнъ старался задѣлывать его, думалъ еще не отвлечетъ ли вниманія Царя нападеніе Шведовъ на Петербургъ. Шведскій вице-адмиралъ Де-Пру дѣйствительно напалъ тогда на островъ Котлинъ и завладѣлъ тамъ двумя ретраншаментами, когда генералъ Майдель, смѣнившій Кроніор-

та, выступилъ изъ Выборга и дошелъ до береговъ Невы. Но противные вѣтры воспрепятствовали флоту подать ему помощь по Невѣ. Брюсъ, тогдашній коммендантъ Петербургскій, закрылъ баттареями Невскіе берега и окружилъ Шведовъ казацкими отрядами. Кроншлотъ храбро отбивалъ всѣ нападенія Де-Пру. Слыша, что Меншиковъ поспѣшно идетъ отъ Нарвы къ Петербургу, Майдель спѣшилъ отступить. Флотъ Шведскій также удалился отъ Кроншлота. Всѣ надежды Горна разрушились. Августа 7-го Царь послалъ въ Нарву окончательное требованіе сдачи, и получивъ отвѣтъ оскорбительный, назначилъ 9-е Августа днемъ приступа. Утромъ вся Русская армія сдвинулась къ городу, и въ 2 часа по полудни колонны гвардейскихъ полковъ, предводимыя генераломъ Чамберсомъ, пошли въ проломъ на разрушенный бастіонъ Гоноръ; двѣ другія колонны подкрѣпляли ихъ. Горнъ дрался отчаянно, взорвалъ мину, но только раздражилъ осаждавшихъ. Преобра-

женцы первые ворвались въ городъ и ничто не могло удержать побѣдителей. Горнъ ушелъ въ старую цитадель. Руские вышибли ворота цитадели. Грабежъ, опустошеніе и отчаянная драка начались въ улицахъ. Самъ Царь бросился въ городъ, останавливая раззореніе и избіеніе несчастныхъ жителей. Видя неукротимое неистовство солдатъ своихъ, не внимавшихъ его приказу, онъ заколол даже нѣсколькихъ непослушныхъ хищниковъ. Едва могли утишить смятеніе и безпорядокъ. Съ окровавленною шпагою въ рукѣ Царь вошелъ въ Нарвскую ратушу, куда укрылись трепещущіе бургомистры съ своими семействами, и гдѣ находился тогда коммендантъ Горнъ. Бросивъ шпагу свою на столъ, Царь гнѣвно вскричалъ: «Не вашею, но Русскою кровью обагрена шпага моя! Спасая васъ, я не щадилъ моихъ подданныхъ!»— «Бездѣльникъ!»— воскликнулъ онъ, обращаясь къ Горну — «зачѣмъ погубилъ ты упрямствомъ своимъ столько невинныхъ? Ты зналъ, что спасенія не бу-

детъ, если солдаты ворвутся въ городъ!» Горнъ хотѣлъ оправдываться. «Молчи!» загремѣлъ Царь, ударилъ его и велѣлъ арестовать. Одна изъ Лютеранскихъ церквей немедленно обращена была въ православную церковь, и Царь благодарилъ въ ней Бога за побѣду. Жителей привели къ присягѣ Русскому Царю. Иванъ-Городъ сдался чрезъ недѣлю. Щадя жизнь храбрыхъ защитниковъ его, Царь позволилъ имъ отправиться въ Ревель, но безъ оружія. Въ Нарвѣ найдено 52 мѣдныхъ и 340 чугунныхъ пушекъ, 29 мортиръ и 2 гаубицы; въ Иванъ-Городѣ 40 пушекъ, 7 мортиръ и 14 гаубицъ. Большіе запасы были въ обѣихъ крѣпостяхъ (80,000 ядеръ, 4,000 зарядовъ картечь, 40,000 гранатъ, 12,000 ружей, 12,000 пудовъ пороху). Изъ гарнизона Нарвскаго осталось только 1800 человѣкъ. Во все время осады выстрѣлено было въ обѣ крѣпости 12,500 ядеръ и брошено до 6,000 бомбъ, а пороху истрачено до 10,000 пудовъ.

Если Россію и Царя ея радовало то, что

правильною осадою и мужественнымъ приступомъ взята была одна изъ главныхъ и сильныхъ крѣпостей Шведскихъ, радость умножала еще болѣе мысль, что сія крѣпость была Нарва — *Нарва*, свидѣтель позора Русскихъ, и тотъ самый коммендантъ, который тогда защищалъ ее, гордый, неукротимый, старый воинъ, былъ свидѣтелемъ паденія Нарвы и плѣнникомъ Русскимъ. Царь на вѣки установилъ праздновать взятіе Шлиссельбурга и Нарвы, и наша Церковь славитъ донынѣ достопамятные дни *Августа 9-е* и *Октября 11-е*. Награждая храбраго Чамберса, впереди всѣхъ воиновъ вступившаго въ Нарву, онъ снялъ съ себя орденъ Андреевскій и надѣлъ на него. Едва завоевана была Нарва, какъ явился туда Датскій купеческій корабль. Ободряя торговлю и стараясь пріучить иностранныхъ моряковъ посѣщать его новыя Балтійскія гавани, Царь роскошно угостилъ шкипера и наградилъ 300-ми червонцовъ. Онъ ходилъ по улицамъ Нарвскимъ съ хоромъ пѣв-

чихъ своихъ послѣ молебствія, и самъ пѣлъ съ ними громогласно: *Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему*!

Завоеваніемъ Дерпта и Нарвы прочно утверждена была власть Царя на берегахъ Балтійскаго моря. Оставались еще у непріятеля Рига и Ревель, откуда уже не смѣли выступать Шведы. Надлежало еще оградить Петербургъ съ сѣвера взятіемъ Выборга и Кексгольма. Помышляя о завоеваніи сихъ послѣднихъ опоръ непріятеля, Царь прекратилъ раззореніе Ливоніи и Эстоніи. Жителямъ позволено было возвращаться въ раззоренные и опустѣлые города и селенія. Всюду начали оживать прежняя торговля и гражданская дѣятельность. Русскіе гарнизоны охраняли Эстляндскіе города. Отрядъ Баура доходилъ до Ревеля и принудилъ Шлиппенбаха запереться въ самомъ городѣ. Уже время было Царю обратиться къ непосредственной борьбѣ съ самимъ Карломъ XII-мъ, и казалось, обстоятельства благопріятствовали его дальновиднымъ соо-

браженіямъ. Августъ созналъ выгоды системы медленія въ военныхъ дѣйствіяхъ, предположенной Царемъ. Лично на помощь Августу Царь не могъ идти осенью 1704 года, и просилъ его продолжать дѣйствовать съ прежнею осторожностью, не тревожась частыми неудачами. «Отнюдь не спѣшите оканчивать генеральною битвою,» писалъ онъ, «ибо такая битва есть дѣло весьма опасное, и въ одно мгновеніе можно все потерять. Готовьте войско и вредите часто, а весною, обезопася себя въ Лифляндіи, мы поспѣшимъ къ вамъ на помощь.» Но еще осенью Царь послалъ войско въ Польшу, ибо Огинскій успѣлъ уже проиграть, сражаясь противъ храбраго Левенгаупта, охранявшаго Курляндію. Соединясь послѣ сего съ Сапегою, Левенгауптъ оттѣснилъ Вишневецкаго въ Ковно, пошелъ на Биржу, принужденъ былъ отступить при сближеніи Русскихъ подкрѣпившихъ Вишневецкаго, но слыша, что Вишневецкій осадилъ Зельбургъ на Двинѣ, вновь наступилъ на него и подъ Якоб-

штадтомъ далъ ему битву 25-го Іюля. При первыхъ выстрѣлахъ Польское войско бѣжало; 5,000 Рускихъ бились упорно до самой ночи и успѣли уйдти, потерявъ однакожь до 3000 человѣкъ. Огинскій явился послѣ сего къ Царю подъ Нарву и вновь требовалъ пособія. Царь видѣлъ необходимость подкрѣпить дѣйствія Огинскаго въ Литвѣ и отправилъ туда Рѣпнина съ 12-ю полками. Пользуясь побѣдою подъ Якобштадтомъ, Левенгауптъ овладѣлъ Биржею. Но когда Рѣпнинъ соединилъ остатки бывшихъ на Двинѣ Русскихъ войскъ и сблизился съ Вишневецкимъ, Левенгауптъ, не смѣя сражаться съ нимъ, отступилъ въ Курляндію. Руские заняли Полоцкъ и Вильну, уничтожили собранный Сапегою корпусъ, и очистили всю Литву, прежде нежели стали на зимнія квартиры.

Обезопасивъ себя отъ непріятеля со всѣхъ сторонъ, Царь отправился лично обозрѣть всѣ главнѣйшія мѣста, гдѣ потребно было усилить въ то время дѣятельность. Августа 19-го

былъ онъ въ Дерптѣ, посѣтилъ Псковъ и Новгородъ; изъ Ладоги переправился по Ладожскому озеру въ Ладейное Поле, вывелъ оттуда 16 кораблей въ Петербургъ; заложилъ въ Петербургѣ Адмиралтейство, на лѣвомъ берегу Невы, противъ Петро-Павловской крѣпости; распорядился защитою Петербурга и Кроншлота, и поручилъ ее Брюсу и вице-адмиралу Крюйсу. Онъ предвидѣлъ, что ему самому долго нельзя будетъ прiѣхать въ Петербургъ. Меншиковъ и Шереметевъ должны были также отлучиться отсюда, ибо Царь располагалъ начать весною дѣятельную войну въ Литвѣ и Курляндiи. Ноября 12-го Царь прибылъ въ Нарву, занимался новыми укрѣпленiями города и въ началѣ Декабря отправился въ Москву. Дорогою осмотрѣлъ онъ устройство канала, предположеннаго въ Вышнемъ Волочкѣ, и Декабря 14-го вступилъ въ Москву съ трiумфомъ. Горнъ и плѣнные Шведы ведены были въ торжествѣ. Народъ съ удивленiемъ и радостью указывалъ на стараго

Нарвскаго коммендапта, печально шедшаго передъ рядами храбрыхъ товарищей его, защитниковъ Нарвы. Огильвій ѣхалъ въ великолѣпной колесницѣ. Царь смиренно шелъ передъ своею Преображенскою ротою. Святки и новый годъ проведены были въ увеселеніяхъ. Царь славилъ Христа, ѣздя по домамъ *съ веселою компаніею* по своему обыкновенію, жегъ фейерверки, угощалъ въ своемъ дворцѣ. Февраля 17-го выѣхалъ онъ въ Воронежъ, прожилъ тамъ до весны, а на обратномъ пути посѣтилъ Липецкъ, гдѣ учредилъ тогда желѣзные заводы. Въ началѣ Мая изъ Москвы (куда возвратился въ Апрѣлѣ) Царь хотѣлъ отправиться въ Польшу, но жестокая лихорадка задержала его. Присутствіе Царя на мѣстѣ военныхъ дѣйствій было необходимо. Генералы его не умѣли сладить съ Поляками и распорядиться войскомъ, а король Августъ успѣлъ уже тогда утратить всѣ пріобрѣтенныя противъ Шведовъ выгоды, даже принужденъ былъ оставить Польшу и уѣхать въ Саксонію. Отъ

сильной армiи Августа едва уцѣлѣли бѣдные, разстроенные отряды. Карлъ XII-й снова торжествовалъ, хотя Августъ не давалъ ни одной общей и рѣшительной битвы.

Не одаренный талантами полководца, казалось, Августъ, какъ равно и генералы его, теряли вовсе разсудокъ при личномъ появленiи своего грознаго противника. Выигрывая тамъ, гдѣ не было Короля Шведскаго, Августъ всюду уступалъ, гдѣ являлся Карлъ XII-й, и только тѣмъ можно пояснить мгновенный переворотъ въ дѣлахъ Польши съ половины Сентября 1704 года.

Мы видѣли, что сильное войско Августа заслоняло Варшаву, когда Паткуль осаждалъ Познань. Карлъ XII-й и Станиславъ были въ Замостьѣ на пути изъ Волыни къ Варшавѣ. Смѣло уповая на свое счастье, какъ раздраженный левъ ринулся отсюда Карлъ XII-й, надѣясь наградить всѣ безразсудства свои и всѣ удачи противника быстрымъ успѣхомъ. Онъ не ошибся въ надеждѣ.

Карлъ XII-й соединился съ Рейншильдомъ въ Замостьѣ 20-го Сентября. Замостье принадлежало князю Замойскому, не принимавшему дотолѣ никакого участія въ дѣлахъ, и неприступавшему ни къ сторонѣ Августа, ни къ сторонѣ Станислава. Король Шведскій потребовалъ отвѣта рѣшительнаго. Замойскій невольно принялъ сторону Станислава, заплатилъ за свое прежнее медленіе 50,000 ефимковъ контрибуціи и принялъ въ Замостье Шведскій гарнизонъ. Поспѣшно пошелъ отсюда Карлъ XII-й прямо на Варшаву. Рейншильдъ составлялъ его лѣвое крыло. Шведы продолжали походъ безпрерывно до 10-го Октября, разбивая легкіе отряды Саксонцовъ, и когда подошли они къ Прагѣ, укрѣпленному зарѣчному предмѣстью Варшавскому, 10-го Октября, то увидѣли, что Августъ оставилъ Прагу и сосредоточилъ войска свои въ самой Варшавѣ. Онъ не осмѣлился останавливать и тревожить Карла XII на походѣ, и думалъ, что успѣетъ защитить переправу черезъ Вислу

*

по крайней мѣрѣ, затруднитъ ее и дастъ между тѣмъ время Паткулю взять Познань, доведенный осадою до послѣдней крайности. Тогда думалъ онъ отступить, согласно плану условленному съ Царемъ, дождаться Русскихъ войскъ и поставить такимъ образомъ Шведское войско между двухъ огней. Планъ былъ превосходный, но Карлъ XII-й перехитрилъ Августа. Онъ показалъ видъ, что готовится переходить Вислу подъ самою Варшавою, занялъ Августа пустою перестрѣлкою, и 16-го выступилъ къ Карчеву, гдѣ мгновенно навели мостъ (въ 24-хъ верстахъ выше Варшавы). Шведы пушками сбили отрядъ Саксонцовъ, тамъ бывшій, и Карлъ XII-й самъ первый началъ переправу. Мостъ разорвало быстрымъ теченіемъ рѣки. Король Шведскій, бывшій уже на лѣвомъ берегу Вислы, подвергался величайшей опасности, но Саксонцы такъ оробѣли, что не смѣли напасть на сотню Шведовъ, успѣвшихъ перейдти съ своимъ Королемъ, и побѣжали, когда онъ смѣло на-

палъ на нихъ. Августъ поступилъ еще хуже: услышавъ о переходѣ Шведовъ, онъ безъ боя оставилъ Варшаву и началъ поспѣшно отступать. Шведы заняли Польскую столицу. Испуганный Августъ послалъ Паткулю приказъ немедленно оставить осаду Познани, когда тотъ уже готовился идти на приступъ. Всѣ дѣйствія Августа и Паткуля послѣ сего совершенно перемѣшались. Августъ поспѣшно шелъ къ Калишу. Паткуль пошелъ туда же, но окольными дорогами, и раздѣлилъ корпусъ свой, боясь встрѣчи съ Шведами. Карлъ XII-й шелъ изъ Варшавы на Краковъ, но узнавъ что Августъ отступаетъ на Познань, круто повернулъ вправо. Онъ забиралъ на пути плѣнныхъ, пушки, обозы, бросаемые Августомъ. Раздѣливъ свое войско, и предоставивъ генералу Шуленбургу отступленіе въ виду непріятеля съ главнымъ корпусомъ, самъ Августъ поспѣшилъ въ Краковъ, гдѣ началъ сборъ новаго войска. Шуленбургъ былъ *искусный на отступленія генералъ*

(какъ говаривалъ безсмертный Суворовъ о Моро), и дѣйствительно, онъ успѣлъ обмануть Карла XII-го, бился съ нимъ отдѣльно, отступалъ и принудилъ наконецъ Короля Шведскаго съ усмѣшкою сказать: «Онъ побѣдилъ меня.» Но побѣда отступленіемъ была хуже проигранной битвы. Остатки Рускихъ и Саксонцовъ, потерявшіе въ бѣгствѣ почти всю артиллерію, обозы, и утратившіе людей болѣе, нежели въ какомъ нибудь кровопролитномъ сраженіи, разстроенные и обезсиленные едва успѣли перейдти за Одеръ. Изъ корпуса Рускихъ 3,500 человѣкъ оставлены были ихъ союзниками и сдѣлались жертвою ярости Шведовъ. Не смотря на малочисленность, Рускіе дрались отчаянно; часть ихъ погибла въ битвѣ, остальные сгорѣли въ зажженномъ Шведами селеніи и потонули въ Одерѣ — Шведы *не брали въ плѣнъ.* Утомленный походомъ, ибо въ одну недѣлю перешелъ онъ съ войскомъ своимъ до 250 верстъ, Карлъ XII-й сталъ на зимнихъ квартирахъ по границамъ

Силезіи. Станиславъ спѣшилъ въ Познань видѣться съ семействомъ своимъ, за участь коего трепеталъ, ибо оно едва не досталось въ плѣнъ раздраженному непріятелю. Познань уже готова была сдаться, не имѣя силъ защититься отъ приступа, коимъ промедлилъ Паткуль до самаго полученія приказа Августа отступить. Разсерженный трусливостью Августа, Паткуль отказался отъ команды войскъ, и съ тѣхъ поръ началась несчастная ссора его съ Августомъ, въ послѣдствіи погубившая Паткуля.

Такъ въ *два мѣсяца* исчезла 50,000-я армія Короля Польскаго, почти безъ битвы. Разсѣянные остатки собирались безпорядочными толпами въ Краковѣ, Силезіи и Саксоніи, куда поспѣшилъ уѣхать Августъ. Вся Польша по Бугъ и Нѣманъ, и вся Курляндія, были очищены отъ непріятеля и находились въ рукахъ Шведовъ, хотя и не были подъ властью Станислава. Съ умноженіемъ успѣховъ Карла XII-го усиливались приверженцы Станисла-

ва, но видя съ другой стороны приближеніе сильныхъ войскъ Царя и занятіе Литвы Рускими, тѣмъ сильнѣйшею междоусобною ненавистью волновались сообщники Августа. Всюду, гдѣ не было Шведовъ, начинались возмущенія противъ Станислава и собирались противъ него вооруженные отряды. Такое же возстаніе противъ Августа начиналось вездѣ, гдѣ были Шведы. Только свирѣпою казнью могъ отвратить Карлъ XII-й распространеніе Папской буллы, изданной противъ Станислава. А чего между тѣмъ стоили ему его блестящіе, но безполезные воинскіе успѣхи!

Еще не оправившись отъ болѣзни, Царь уже прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ находилась тогда главная квартира Шереметева (12-го Іюня). Дѣла противъ Шведскаго Короля Царь началъ изданіемъ манифеста, коимъ призывалъ Поляковъ соединиться подъ знамена ихъ законнаго Короля, называя беззаконнымъ своеволіемъ немногихъ бунтовщиковъ выборъ Станислава. Указывая на притѣсненія, грабежи

Шведовъ, междоусобія, происшедшія отъ ихъ насилія, Царь говорилъ, что защищая святыя права законности престола, ничего не требуетъ онъ отъ Польши, кромѣ содержанія Русскихъ войскъ и соединенія съ ними, угрожая жестокимъ мщеніемъ дерзающему противиться. «Кто одобритъ дѣло, мерзкое предъ лицомъ Божіимъ, противное всѣмъ человѣческимъ законамъ?» говорилъ Царь. «Можно ли допустить, не только малому числу, но и всѣмъ подданнымъ, безъ всякой причины, по соизволенію только непріятеля, свергать вольно и законно избраннаго Государя? Пусть каждый разсудитъ,» заключалъ Царь, «какого облегченія, какого мира можно ожидать Польшѣ, когда избраніе Станислава, въ нарушеніе всѣхъ правъ и вольностей Польши, совершилось подъ саблею Шведовъ и ведетъ только къ умноженію военнаго пламени и народнаго бѣдствія.»

Надлежало подкрѣпить слова усиленнымъ дѣйствіемъ оружія. Планъ войны, предположенный Царемъ, состоялъ въ томъ, чтобы

возбуждая повсюду возстанія Поляковъ, избѣгать открытыхъ битвъ съ Шведами, истреблять ихъ частями, устремляясь на нихъ со всѣхъ сторонъ, и возбуждая къ союзу другихъ Государей, которые могли бы диверсіями въ Германіи, Голштиніи и самой Швеціи, удалить непріятеля изъ Польши. По такому плану убѣждалъ онъ поступать Августа и самъ не медля приступилъ къ дѣлу. Пока войско, стоявшее въ Литвѣ подъ начальствомъ Огильвія, угрожало Варшавѣ, Августъ долженъ былъ нападать со стороны Саксоніи и Силезіи, Мазепа съ казаками идти въ Волынь и Галицію, Шереметевъ отрѣзать отъ Риги Левенгаупта и отнять Курляндію. Но планъ Царя трудно было исполнить, еслибы даже страхъ оружія Шведскаго и не останавливалъ другихъ, при разногласіи мнѣній и отдѣльности мѣстъ военныхъ дѣйствій. Поляки думали только о взаимномъ грабежѣ имѣній, разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ непріятеля, переходили съ одной стороны на дру-

гую. Два Примаса были въ одно время объявлены въ Польшѣ, архіепископъ Лембергскій, *Дзялинскій*, утвержденный Станиславомъ, и епископъ Куявскій, *Шембекъ*, утвержденный Августомъ. Оба они взаимно проклинали другъ друга. Августъ не могъ собрать ни денегъ, ни войска въ Саксоніи, откуда, считая съ начала войны съ Шведами, вывезено было въ Польшу болѣе 800 пушекъ, болѣе двадцати милльоновъ рублей серебромъ денегъ, и — все погибло безвозвратно, не считая 40,000 Саксонцовъ и наемныхъ войскъ, высланныхъ во все время въ Польшу, изъ коихъ оставались немногія тысячи.

Шереметевъ выступилъ изъ Полоцка въ Курляндію по царскому повелѣнію. Левенгауптъ ждалъ его съ 8000-ми Шведовъ у Митавы, намѣреваясь сражаться, или въ случаѣ превозмогающаго числа непріятелей, отступить къ Ригѣ. Царь двинулся къ Вильнѣ съ остальнымъ войскомъ. Передовые отряды Рускіе быстро пронеслись до Митавы, захватили

въ расплохъ столицу Курляндіи, но оставили ее, услышавъ о приближеніи Левенгаупта, спѣшившаго на битву съ ними. Послѣ удаленія Рускихъ онъ перешелъ обратно въ крѣпкую позицію свою при Гемауертгофѣ. Шереметевъ, съ 2500 пѣхоты, 7000 драгуновъ и 2000 Поляковъ, сблизился туда 15-го Іюля. Левенгауптъ не далъ ему построиться, сбилъ его быстрымъ нападеніемъ, отнялъ у него 13 пушекъ и заставилъ въ безпорядкѣ отступить до Биржи. Карлъ XII-й пожаловалъ храбраго Левенгаупта генералъ-лейтенантомъ и губернаторомъ Рижскимъ. «Не печалься о своемъ несчастіи,» писалъ Шереметеву Царь— «всегдашнее счастіе много людей погубило.»— Онъ самъ хотѣлъ загладить неудачу и Августа 6-го соединился съ Шереметевымъ въ Биржѣ. Левенгауптъ не смѣлъ послѣ сего дожидаться Рускихъ, и какъ ни спѣшилъ Царь, надѣясь отрѣзать Левенгаупта, Шведы успѣли ретироваться въ Ригу. «Самъ чортъ вразумилъ его!» сказалъ Царь съ досадою,

слыша, что Левенгауптъ умѣлъ уйдти. Царь вступилъ въ Курляндію и велѣлъ взять Митаву. Чрезъ двѣ недѣли осады Митава сдалась (2-го Сентября). Городъ найденъ былъ разграбленнымъ Шведами. Они не пощадили даже герцогскихъ гробницъ. Царь велѣлъ взять свидѣтельство въ томъ, что святотатство учинено было не Рускими; 348 орудій досталось Рускимъ. Баускъ сдался 14-го Сентября, безъ боя. Царь лично осмотрѣлъ укрѣпленія Риги, видѣлъ невозможность заняться осадою сей знаменитой крѣпости, очистилъ Курляндію отъ Шведовъ, прикрылъ войскомъ теченіе Двины, и сдвинулся къ Гродно и Тикочину, городу за Нѣманомъ, находясь такимъ образомъ въ готовности идти на Варшаву и отступать въ Литву.

При наступленіи весны Карлъ XII-й велѣлъ генералу Стромбергу вытѣснить войска Августа, остававшіяся въ Польшѣ и занимавшія Краковъ, въ числѣ 5000. Пайкуль, начальствовавшій ими, уступилъ Краковъ безъ боя, пе-

решелъ къ Люблину, потомъ къ Бресту, стараясь прикрыться Русскою арміею. Шведскій генералъ Ииротъ преслѣдовалъ его, успѣлъ выманить на битву, и 3500 Шведовъ разбили 7000 Поляковъ и Саксонцовъ (22-го Іюля). Несчастный Пайкуль попался въ плѣнъ и былъ увезенъ въ Швецію. Карлъ XII-й предалъ его военному суду, обвиняя, какъ уроженца Лифляндскаго, въ измѣнѣ. Пайкуль думалъ спастись, открывши Шведскому правительству тайну дѣлать золото посредствомъ философскаго камня, узнанную будто бы имъ въ бытность его въ Греціи. Карлъ XII-й не уважилъ представленія о томъ и Пайкуль былъ казненъ. «Не удивляюсь, что Шведскій Король не дорожитъ философскимъ камнемъ,» сказалъ Августъ, услышавъ о казни Пайкуля — «онъ нашелъ тайну добывать золото въ Польшѣ и безъ философскаго камня.» Шведы бездѣйствовали послѣ сего въ Польшѣ до конца Іюля. Оградивъ границы Силезіи корпусомъ Рейншильда, Карлъ XII-й придвинулся съ вой-

скомъ своимъ къ Варшавѣ, гдѣ съ 1-го Іюля созванъ былъ сеймъ для коронованія Станислава. Силы Шведовъ увеличилъ 10,000-й корпусъ Потоцкаго, собранный на Волыни. Карлъ XII-й велѣлъ ему прикрыть правый берегъ Вислы, а самъ расположился лагеремъ въ Блонѣ, наблюдая Русское войско, стоявшее въ Литвѣ, и движенія Августа изъ Саксоніи. Все лѣто прошло въ ожиданіи союзниками того что начнетъ Карлъ XII-й, но Шведскій Король занимался только коронованіемъ Станислава. Оно совершилось великолѣпно 24-го Сентября. Къ Тикочину сошлись остатки Пайкулева корпуса и отряды Вишневецкаго. Царь осмотрѣлъ ихъ, отправился въ Гродно, оставилъ тамъ Меншикова, и приказалъ ему только тревожить непріятеля, поощряя мѣлкую войну въ Польской Пруссіи, гдѣ Саксонцы захватили тогда Маріенбургъ. Карлъ XII-й велѣлъ Потоцкому очистить Польскую Пруссію. Удаленіе Потоцкаго съ береговъ Вислы открыло Меншикову возможность дѣй-

ствовать на Варшаву. Отважные наѣздники, Русскіе полковники Горбовъ и Шенбургъ, и Полякъ Синицкій, пробрались изъ Тикочина къ самой Варшавѣ, 13-го Октября, захватили тамъ Шведскіе караулы, ворвались въ Прагу, гдѣ ихъ вовсе не ожидали, изрубили гвардейскій батальонъ Станислава, взяли 3 пушки, 6 знаменъ, 375 плѣнныхъ, и распространили такой страхъ въ Польской столицѣ, что Станиславъ уже собирался бѣжать. Карлъ XII-й, встревоженный извѣстіемъ, что Рускіе подошли къ Варшавѣ, двинулся со всею своею арміею. На другомъ переходѣ узналъ онъ о ложной тревогѣ и возвратился въ свой Блонскій лагерь.

Царь былъ тогда въ Тикочинѣ и къ нему явился неожиданный гость — король Августъ. Царь звалъ его, желая переговорить и условиться съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Скрытно, подъ видомъ простаго офицера, пробрался Августъ, подвергаясь величайшей опасности быть узнаннымъ и захваченнымъ отъ

непріятеля. Вся Польша по Вислу перешла тогда къ Станиславу. Царь опасался бездѣйствія Карла XII-го, показывавшаго, что онъ готовитъ силы на какое нибудь новое, смѣлое и отважное предпріятіе. Необходимыя дѣла отзывали Царя въ Москву. Онъ все приготовилъ къ отпору непріятеля и подробно изъяснилъ Августу планъ свой, оставляя ему въ полное распоряженіе свои войска. Кромѣ отрядовъ въ Тикочинѣ съ Меншиковымъ, и войскъ, расположенныхъ въ Курляндіи, 30,000 Рускихъ находилось въ Гроднѣ съ Огильвіемъ. Мазепа, съ 40,000 казаковъ, прошелъ черезъ Волынь, отнялъ у Шведовъ Замостье и стоялъ на правомъ берегу Вислы. Августъ разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности и клятвахъ дружбы и союза, извѣщая Царя, что 10,000 Саксонцовъ и 6000 Рускихъ, остатокъ бывшаго корпуса Паткулева, готовы были вступить въ Польшу. Такимъ образомъ около 100,000 войска снова находилось въ распоряженіяхъ короля Августа. Царь хо-

тѣлъ весною приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, отрѣзать Карлу XII-му сообщеніе съ Балтійскимъ моремъ, начать войну въ Финляндіи, и даже въ Швеціи, обѣщалъ незамедлить возвратомъ въ Польшу и отправился въ Москву 7-го Декабря. Не смотря на жестокій холодъ, Карлъ XII-й постоянно оставался въ своемъ Блонскомъ лагерѣ.

Шведы дѣлали вновь покушенія на Петербургъ лѣтомъ 1705 г. Меншиковъ посланъ былъ изъ Польши отразить ихъ, но воротился съ дороги, извѣщая, что покушеніе непріятеля оказалось безуспѣшно. Майдель являлся изъ Выборга, былъ отбитъ Брюсомъ, обратился къ Шлиссельбургу, и удалился, встрѣтивъ здѣсь сопротивленіе упорное. Флотъ Шведскій подходилъ къ Котлину, гдѣ ждалъ его вице-адмиралъ Крюйсъ. Шведы высадили войско на островъ, были храбро встрѣчены полковникомъ Толбухинымъ, удалились съ потерею 500 человѣкъ, но возобновили нападеніе и подверглись большой опасности при

безвѣтріи, когда неосторожно подошли подъ выстрѣлы прибрежныхъ баттарей. Имя *Толбухина* сохранилось съ тѣхъ поръ на одномъ изъ Кронштадтскихъ укрѣпленій. Шведскій флотъ удалился въ половинѣ Августа. Царь радовался, что милое дитя его, *Балтійскій флотъ* могъ уже защитить новый городъ его, не боясь сражаться съ старымъ Шведскимъ флотомъ.

Царя мало потревожило возмущеніе Башкировъ, спокойно кочевавшихъ послѣ усмиренія ихъ въ 1670 году, при царѣ Алексіи. Притѣсненія и взятки Уфимскаго воеводы возмутили Башкировъ. Вооруженныя толпы ихъ грабили Русскія селенія, подступали къ Уфѣ, Бирску, Мензелинску, являлись даже близъ Казани. Царь послалъ на нихъ войско съ княземъ Хованскимъ. Но несравненно опаснѣе было возмущеніе Стрѣльцовъ въ Астрахани. Закоренѣлые злодѣи думали, что настало время отмстить за казнь товарищей въ Москвѣ; что Царь занятъ войною и ему некогда

объ нихъ думать; что ихъ подкрѣпятъ староверы, и 30-го Іюля 1705 года они возмутились, убили воеводу Астраханскаго, овладѣли Астраханью. Бунтъ разлился по Волгѣ. Царь немедленно отправилъ Шереметева въ Астрахань, думалъ даже самъ ѣхать туда изъ Москвы, получая преувеличенныя извѣстія объ упорствѣ и свирѣпости злодѣевъ. Но ему предстояло дѣло гораздо важнѣе. Едва только удалился онъ съ мѣста военныхъ дѣйствій, тамъ снова все измѣнилось. Карлъ XII-й мгновенно и неожиданно вышелъ изъ своего бездѣйствія. Смѣлыми предпріятіями низпровергъ онъ дальновидные планы Царя. Августъ, недостойный союзникъ великаго, показалъ вполнѣ свое малодушіе и вѣроломство. Все уступило воинскимъ дарованіямъ Короля Шведскаго. Геній его явился въ новомъ блескѣ въ обильныхъ событіями 1706 и 1707-мъ годахъ, и показалъ въ немъ полководца смѣлаго и отважнаго. Никогда прежде не достигалъ Карлъ XII-й столь

блестящей степени славы. Онъ напомнилъ Европѣ Густава Адольфа.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

КАРЛЪ XII-Й ВЪ ПОЛЬШѢ И САКСОНІИ. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПОЛЬШѢ.

1706—1707 гг.

... Не ему вести войну
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, горячъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ—
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ!
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога!

Пушкинъ.

Когда Царь, удалясь въ Москву, усмирялъ бунтъ Астраханскихъ Стрѣльцовъ, готовилъ новыя войска и высылалъ ихъ въ Литву и Смоленскъ, а союзникъ его ускорялъ движеніе Саксонскаго корпуса, стоявшаго за Одеромъ подъ начальствомъ Шуленбурга, стараясь сблизить дѣйствія его съ дѣйствіями Рускихъ отъ Нѣмана и Вислы, Карлъ XII-й, неподвижно пробывшій въ лагерѣ подъ Блономъ съ Августа мѣсяца, внезапно двинулся въ походъ 28-го Декабря 1700 года, среди жестокихъ морозовъ. Двадцать тысячь Шведовъ, кромѣ Польскихъ отрядовъ Потоцкаго и Сапеги, составляли войско его. Не знали,

недоумѣвали куда онъ направится, но вскорѣ направленіе черезъ Бугъ показало намѣреніе его напасть на Русское войско, занимавшее Гродно, откуда отдѣленія Рускихъ простирались къ Тикочину и Пултуску за Нѣманъ. Рухлый ледъ на Бугѣ покрывали соломою и нѣсколько ночей заливали водою, дабы можно было перейдти по льду безопаснѣе. Января 4-го 1706 г. Шведы были за Бугомъ. 13-го они находились уже въ 5-ти верстахъ отъ Гродно и отрѣзали сообщенія Русскихъ войскъ съ Вильною. Огильвій хотѣлъ воспрепятствовать переправѣ Шведовъ черезъ Нѣманъ. Самъ Карлъ XII-й повелъ въ битву свое войско. Помня приказъ Царя не вступать въ открытыя сраженія, Огильвій уклонился и заперся въ Гродно; 15-го Шведы приблизились къ Гродно, и видя упорство Рускихъ не выходить въ бой, Карлъ XII-й, не имѣя съ собою сильной артиллеріи, былъ въ недоумѣніи что ему дѣлать, когда осмотрѣлъ сильныя укрѣпленія Гродно и сообразилъ трудность взя-

тія приступомъ города при многочисленности охраннаго войска. Онъ рѣшился запереть Русскихъ въ Гродно, прервать подвозы, и тѣмъ принудить Огильвія оставить Гродно, гдѣ стѣсненіе 30,000 войска производило и безъ того недостатки и болѣзни. Тогда Карлъ XII-й надѣялся принудить Русскаго полководца къ бою и разбить его. Января 17-го Шведское войско отступило на 10-ть верстъ отъ Гродно. Огильвій думалъ, что успѣетъ достать припасы фуражировкою, но Шведы и Поляки вездѣ стерегли, встрѣчали и били Русскихъ фуражировъ. Положеніе Русскихъ войскъ сдѣлалось гибельнымъ, особливо при упадкѣ духа въ войскѣ и несогласіи начальниковъ. Меншиковъ ссорился съ Огильвіемъ и наконецъ уѣхалъ отъ него. Король Августъ прежде всѣхъ потерялъ бодрость. Отчаяваясь въ успѣхѣ, онъ рѣшился предать Рускихъ судьбѣ ихъ, и говоря Огильвію, что спѣшитъ отвлечь Шведовъ, двинувши изъ-за Одера Саксонское войско и занявши Варшаву, подъ симъ благо-

виднымъ предлогомъ ушелъ изъ Гродно съ малымъ отрядомъ. Января 25-го занялъ онъ Варшаву, безъ всякаго сопротивленія, и велѣлъ двинуться въ Польшу Шуленбургу, препоручая Синицкому очистить пути сообщеній съ Гродно отъ войскъ Потоцкаго. Распоряженія его, безотчетно сдѣланныя, ни къ чему не послужили. Карлъ XII-й и Станиславъ не заботились о взятіи столицы Польской. Письма Синицкаго къ Августу были перехвачены. Нападеніе Синицкаго предупредили и разбили его отрядъ, а Февраля 2-го побѣда Рейншильда надъ Шуленбургомъ лишила Августа послѣдней надежды на спасеніе. Рейншильдъ, оставленный Карломъ XII защищать Силезскую границу, узналъ о переходѣ Шуленберга, съ 18,000 Саксонцовъ и Рускихъ, черезъ Одеръ, и поспѣшилъ на встрѣчу ему. Шуленбургъ уклонился, надѣясь обойдти Шведовъ и соединиться съ Августомъ, шедшимъ въ тылъ Рейншильда съ 10,000-ми Рускихъ и Поляковъ. Рейншильдъ успѣлъ обмануть сво-

нхъ обоихъ противниковъ притворнымъ отступленіемъ. Зная, что у Шведовъ вовсе не было пушекъ, Шуленбургъ пошелъ на нихъ съ своими 18,000-ми и 36 пушками, надѣясь на вѣрную побѣду, и догналъ ихъ у Фрауштадта. У Рейншильда не было и 12,000, но самъ онъ смѣло началъ битву, и Саксонская конница первая дрогнула при мужественномъ ударѣ Шведской пѣхоты въ штыки. Пѣхота Шуленбурга смѣшалась и дѣло было мгновенно рѣшено; одни бѣжали, другіе сдавались. Шведы убили до 7,000 непріятелей, взяли въ плѣнъ гораздо болѣе, захватили всѣ пушки, знамена, обозъ — едва спасся самъ Шуленбургъ и собралъ тысячи двѣ бѣглецовъ уже за Одеромъ. Августъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ, слышалъ пальбу, но не рѣшился идти на помощь. Узнавъ о разбитіи Шуленбурга, онъ бѣжалъ въ Краковъ. Положеніе Рускихъ въ Гродно сдѣлалось послѣ того безнадежнымъ и отчаяннымъ.

При первомъ извѣстіи о походѣ Карла XII-го,

Царь бросилъ всѣ дѣла свои въ Москвѣ, отправился въ Литву, скакалъ день и ночь, и 25-го Января былъ уже въ Дубровнѣ. Здѣсь встрѣтилъ его Меншиковъ. Путь въ Гродно былъ отрѣзанъ Шведами. Лучшее войско Русское и сильная артиллерія были съ Огильвіемъ. «О, зѣло я печаленъ, что не могъ къ вамъ пробраться, и только Богъ видитъ въ какое сомнѣніе и какую скорбь повергаетъ меня неизвѣстность вашего положенія,» писалъ Царь Огильвію. Но онъ не унывалъ. Поспѣшно началъ онъ сдвигать войска. Шведы уже заняли Вильну, угрожая отрѣзать Русскій корпусъ, занимавшій Курляндію и поставленный между двухъ огней, ибо Левенгауптъ угрожалъ ему изъ Риги. Въ началѣ Февраля Царь собралъ уже въ Оршѣ около 10,000 войска, угрожалъ нападеніемъ на Карла XII-го и сближался къ Двинѣ, когда Мазепа съ казаками поспѣшно шелъ отъ Кіева къ Пинску.» Фундаментъ всему — *поспѣшать и поспѣшать*,» писалъ къ нему Царь. Отвлекая

такимъ образомъ съ двухъ сторонъ вниманіе Короля Шведскаго отъ Гродно, Царь не думалъ сражаться, но хотѣлъ только дать средство Огильвію оставить Гродно, строго приказывая ему пользоваться первымъ случаемъ перейдти за Нѣманъ, затруднить Шведамъ переходъ, и сколько можно поспѣшнѣе отступать и идти черезъ Пинскъ и Брестъ на Волынь. Огильвій спорилъ, утверждалъ, что гораздо лучше дождаться Августа съ его войсками, и что Гродно превосходное мѣсто *развить военныя дѣйствія*. Августъ жаловался, что Царь велитъ Рускимъ отступать. Царь старался вразумить Августа, что сперва надобно спасти войско, а потомъ думать о побѣдахъ. «Гродно мѣсто очень хорошее,» писалъ онъ, «да только для ангеловъ, которымъ хлѣба не надобно, а не для людей, которые привыкли каждый день ѣсть и безъ того жить не могутъ.» Августъ говорилъ, что Царю нечего опасаться похода Шведовъ въ Россію, пока Польша еще не побѣждена.

«Но если однакожь Шведы вздумают идти на Москву, «отвѣчалъ Царь,» то заставятъ насъ плясать по неволѣ, и я не ручаюсь, что къ нимъ, можетъ быть, пристанутъ и другіе музыканты.» «На Саксонцовъ надѣяться нечего,» писалъ онъ Огильвію. «Если они и придутъ, такъ опять убѣгутъ и насъ оставятъ. Спасайте войско мое. Бросьте пушки, бросьте все — сохраните мнѣ только людей, а паче всего не оставляйте больныхъ, и вывозите ихъ хоть на быкахъ, но только отнюдь не отдавайте непріятелю.» Самъ онъ находился въ Минскѣ, въ средоточіи всѣхъ дѣйствій, распоряжаясь въ одно время выходомъ войска изъ Гродно, выводомъ Русскаго корпуса изъ Курляндіи, сближеніемъ новыхъ войскъ отъ Смоленска, Пскова, Кіева, и казаковъ изъ Малороссіи, готовя мосты Огильвію черезъ Днѣпръ въ Оршѣ, Могилевѣ, Быховѣ, и думая о томъ, что предприметъ Карлъ XII-й, когда увидитъ спасенное отъ него войско Русское. Не рѣшится ли онъ послѣ того идти прямо въ Россію, а

если пойдетъ, гдѣ надобно ожидать его? Царь ждалъ его всюду. Планъ войны при вторженіи Шведовъ въ Россію былъ у него давно готовъ. Онъ провелъ военную линію отъ Пскова до Смоленска, Могилева и Кіева. Полагая Днѣпръ линіею опоры для Рускихъ, Царь приготовлялъ сильное войско, которое могло бы заступать мѣсто Шведовъ въ Литвѣ и Польшѣ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Днѣпру, дало средства королю Августу собраться съ силами, и прервало сообщенія Шведовъ съ Лифляндіею и Балтійскимъ моремъ, когда между тѣмъ еще болѣе сильнѣйшее войско должно было занять всю оборонительную линію, уступать Шведамъ, увлекать ихъ, пользоваться каждымъ случаемъ вредить имъ, опустошать всѣ мѣста, коими пойдутъ они, и не вступая въ битвы рѣшительныя, истреблять непріятеля постепенно и частями.

Превосходство сего плана, совершенно сходнаго съ тѣмъ, коимъ черезъ столѣтіе потомъ спасена была Россія, отъ Наполеона, показы-

ваетъ обширность геніяльныхъ военныхъ способностей Царя. Всюду дѣйствовали и работали для исполненія сего плана, поточному распоряженію его, тысячи рукъ, когда онъ занимался спасеніемъ войска, бывшаго въ Гродно. Отъ Пскова до Кіева, а въ другую сторону отъ Смоленска до Брянска, по Русской границѣ дѣлали засѣки, насыпали валы, рыли рвы, воздвигали люнеты и насыпи. Смоленскъ укрѣпляли. Въ Кіевѣ возобновляли старинныя укрѣпленія.

Огильвій убѣдился въ вѣрности предположеній Царя, узнавши о разбитіи Шуленбурга и бѣгствѣ Августа. Онъ успѣшно исполнилъ послѣ сего мысль Царя. Карлъ XII-й, угрожая Русскому войску, самъ находился въ положеніи весьма тягостномъ, терпѣлъ отъ холода, нуждался въ продовольствіи, угрожаемый Царемъ, и какъ всегда бывало, начавши дѣятельно, онъ не имѣлъ терпѣнія кончить свои распоряженія. Онъ не посмѣлъ (въ первый разъ въ жизни) напасть на Грод-

но зимою, немедленно по переходѣ за Нѣманъ, удалился потомъ отъ главной цѣли предпріятія, и опасаясь движенія Рускихъ отъ Полоцка и Минска, былъ въ томительномъ бездѣйствіи. Такъ прошла вся зима. Ранняя весна растворила непроходимыя грязи и болота. Опасаясь только соединенія Рускихъ, находившихся въ Гродно, съ Царемъ, Карлъ XII-й не догадался о планѣ отступленія, Царемъ предписаннаго, думалъ о томъ, какъ отрѣзать Огильвія отъ Минска, и потому строилъ мостъ на Нѣманѣ въ Орлѣ, занялъ Несвижъ, готовился стать здѣсь съ своею арміею, когда Огильвій, 30-го Марта, едва взломало ледъ на Нѣманѣ, перешелъ поспѣшно на лѣвый берегъ сей рѣки, 6-го Апрѣля былъ уже въ Бѣльскѣ, а 10-го въ Брестѣ. Рускіе также удачно успѣли уйдти изъ Курляндіи, подорвавши укрѣпленія Митавы и Бауска. Они спутали притомъ всѣ соображенія Карла XII-го движеніемъ своимъ на Минскъ. Узнавши ошибку, Карлъ XII-й бро-

сился за Огильвіемъ, былъ остановленъ льдомъ на Нѣманѣ, ударилъ въ перерѣзъ пути по недоступнымъ болотамъ на Пинскъ, но когда утопая въ тамошнихъ непроходимыхъ лѣсахъ, занимая крѣпостцы Забиржъ, Ляховичи, Несвижъ, затрудненный при переправѣ черезъ Яселду, гдѣ думалъ сражаться съ цѣлою арміею Рускихъ, послѣ невѣроятныхъ трудовъ онъ прошелъ къ Пинску Мая 1-го, Огильвій, принявъ путь гораздо лѣвѣе, на Ковель, 19-го Апрѣля достигъ сего города. Король Шведскій убѣдился въ невозможности догнать его и рѣшился дать отдыхъ своему войску, изнуренному зимнимъ переходомъ, стоянкою во время зимы и поспѣшнымъ походомъ отъ Гродно до Пинска. Казалось, Карлъ XII-й былъ тогда въ раздумьи что должно начать. Онъ оставался въ Пинскѣ до 23-го Мая, и потомъ медленно выступилъ на Волынь, гдѣ остановился между Дубномъ и Луцкомъ. Шведы и Поляки грабили и раззоряли здѣсь помѣстья пановъ, державшихся

стороны Августа, когда тѣмъ же платили Свинарскій, Смигельскій, Поцей и Вишневецкій за Вислою сообщникамъ Станислава. Всѣ прежнія частныя обиды были тогда отплачиваемы взаимно, подъ видомъ мщенія за королей Августа и Станислава. Потоцкій, Сапега и Рейншильдъ тщетно старались истребить отчаянныхъ Польскихъ партизановъ. Огильвій изъ Ковеля безопасно прошелъ на Кіевъ. Всѣ оставляемыя Шведами мѣста были немедленно занимаемы Рускими, и всѣ плоды смѣлаго и труднаго зимняго похода Шведовъ были потеряны безъ всякой пользы.

Царь оставилъ мѣста военныхъ дѣйствій, едва только Огильвій двинулся изъ Гродно. Онъ спѣшилъ осмотрѣть укрѣпленія Смоленска и Пскова, проѣхалъ въ Нарву и посѣтилъ Петербургъ, гдѣ не былъ съ Декабря 1704 года. Восхищенный быстро возникавшимъ, новымъ городомъ своимъ, сильною крѣпостью его, обширною верфью, укрѣпленіями на Котлинѣ островѣ, онъ писалъ

Меншикову: «Я живу здѣсь, какъ въ раю, ибо все въ здѣшнемъ *парадизѣ* нашелъ я исправно, и одно только мучитъ меня, что у васъ дѣлается. Но человѣческія средства, кажется, всѣ придуманы и взяты — будемъ надѣяться на милость Божію.» Царь заложилъ тогда каменныя стѣны Петербугской крѣпости, вмѣсто земляныхъ валовъ, и испыталъ наслажденіе въ первый разъ прогуляться по морю съ своимъ корабельнымъ флотомъ. Нѣсколько Шведскихъ крейсеровъ, наблюдавшихъ Котлинъ, поспѣшно удалились при появленіи Русскаго флота.

Но Царю некогда было долго оставаться въ своемъ *парадизѣ*. Грозною тучею стоялъ на Волыни Карлъ XII-й. Царь ожидалъ, что онъ двинется теперь въ предѣлы Россіи. Полководцы царскіе опять спорили, ссорились между собою, и не понимали предписаній, данныхъ имъ. Упрямый Огильвій измѣнилъ по своему планъ Царя, и безъ всякой надобности перешелъ изъ Кіева къ Гомелю. Царь ос-

тавилъ Петербургъ 1-го Іюня, доѣхалъ до Гдова, отправился отсюда по Чудскому озеру во Псковъ, осмотрѣлъ войско въ Оршѣ и Могилевѣ, проѣхалъ въ Гомель, откуда Огильвій отправилъ уже войска по его приказу обратно въ Кіевъ. Іюля 8-го древній Кіевъ въ первый разъ увидѣлъ Русскаго Царя въ стѣнахъ своихъ. Благоговѣйно посѣтивъ святыню Кіева, соборы, церкви, Печерскую обитель, Царь увидѣлъ невыгодное положеніе Кіевской крѣпости, и велѣлъ по собственноручному плану перенесть ее къ Печерскому монастырю. Неутомимыми трудами Царя все уже было приготовлено начать войну наступательную, если Карлъ XII-й будетъ еще медлить, и обороняться, если онъ начнетъ наступать; планы были глубоко обдуманы и рѣшены, средства готовы: 100,000 Русскаго войска и казаковъ прикрывали предѣлы Россіи и занимали протяженіе земель отъ Курляндіи и Двины къ Смоленску, переходя за Нѣманъ и протягиваясь до Кіева и Житомира.

Въ Петербургѣ готовилась экспедиція въ Финляндію. Упрямый характеръ Огильвія заставилъ Царя уволить изъ Русской службы сего опытнаго, но своенравнаго генерала. Препоручая потомъ приглашать въ Русскую службу иностранныхъ генераловъ, онъ говаривалъ: «Смотрите только, чтобы они на Огильвія не походили.» Шереметевъ прибылъ въ Кіевъ и получилъ главное начальство надъ войсками. Бунтъ Астраханскій былъ укрощенъ рѣшительными дѣйствіями Шереметева и милосердіемъ Царя. Шереметевъ осадилъ Астрахань, разбилъ бунтовщиковъ, обѣщалъ имъ помилованіе, и они покорились, выдали Носова, главнаго злодѣя и зачинщика бунта, и до 300 его сообщниковъ. Около ста бунтовщиковъ изъ сего числа были казнены по военному суду. Довольный распоряженіями Шереметева — «Богъ заплатитъ вамъ за труды и мы не забудемъ ихъ,» писалъ къ нему Царь. «Вижу Божій промыслъ въ усмиреніи закоренѣлыхъ двадцати-пяти лѣтними злодѣйства-

ми преступниковъ, и приписываю все только единной волѣ всеблагаго промысла, милующей насъ среди нынѣшнихъ тяжкихъ трудовъ,» говорилъ Царь, извѣщая Апраксина объ усмиреніи бунта. Шереметевъ получилъ титулъ графа—новое достоинство, введенное Царемъ, вмѣсто прежнихъ.

Августъ имѣлъ время опомниться, собрать 15,000 изъ остатковъ своего войска и приблизиться къ Вислѣ. Но онъ не смѣлъ напасть на Шведскаго генерала Мейерфельда, стоявшаго съ 9,000-ми Шведовъ въ Брестѣ, и потянулся чрезъ Тикочинъ, сближаясь съ Русскими, ибо Царь, оставляя главное войско близъ Кіева, отрядилъ Меншикова, съ 20,000 человѣкъ, наблюдать движенія Шведскаго Короля, а генерала Вердена съ 8,000-ми въ Полоцкъ удерживать Левенгаупта.

Въ началѣ Іюля главное Шведское войско двинулось съ мѣста. Сначала не угадывали цѣли его внезапнаго движенія, но вскорѣ Царь убѣдился, что Карлъ XII-й идетъ за Вислу. Онъ

быстро проникъ намѣреніе своего противника и не ошибся: Король Шведскій отлагалъ на время походъ въ Россію. Онъ хотѣлъ прежде принудить короля Августа рѣшительно отказаться отъ правъ его на Польшу, дать средства отдохнуть Шведамъ въ обильной, не раззоренной землѣ, и — онъ не смѣлъ уже тогда *презирать Царя* — приготовить силы къ нападенію на Россію. Іюля 6-го Карлъ XII-й выступилъ въ походъ. Въ началѣ Августа соединился онъ съ Рейншильдомъ; 20-го Августа сталъ на границахъ Силезіи, съ 25,000-ми Шведовъ перешелъ за Одеръ, и 25-го Августа Августа вошелъ въ Саксонію. Онъ не оставлялъ Польши безъ защиты во власть Царя и его союзника; генералъ Мардефельдъ остался въ Польшѣ, и кромѣ сильнаго гарнизона въ Познани, Шведскіе отряды соединились съ войсками Потоцкаго и Сапеги за Вислою.

Едва только двинулся Карлъ XII-й, Царь распорядилъ дѣйствіями сообразно новымъ обстоятельствамъ войны. Меншиковъ долженъ

былъ слѣдовать за Шведскою арміею, ведя впереди конницу, и отдаляя отъ нея пѣхоту, дабы, если походъ Шведовъ былъ только средствомъ ослабить бдительность Рускихъ, немедленно можно было отступить и примкнуть къ главному Русскому войску. Но если Карлъ XII-й дѣйствительно пойдетъ въ Саксонію, Меншиковъ долженъ былъ стремительно занимать Польшу, и уничтожать въ ней охранное войско Шведское, стараясь истреблять приверженцовъ Станислава.

Въ Августѣ мѣсяцѣ умеръ въ Глуховѣ вѣрный слуга царскій, *Ѳед. Алекс. Головинъ.* Царь возвелъ въ достоинство *великаго адмирала* друга своего, Ѳед. Матв. Апраксина, и располагая главное устройство морскихъ силъ въ Петербургѣ, устремляя вниманіе уже не на Черное, но на Балтійское море, вызвалъ Апраксина изъ Воронежа въ Петербургъ, куда и самъ поспѣшилъ пріѣхать изъ Кіева, Августа 20-го. Предъ отъѣздомъ изъ арміи Царю поднесли чинъ полковника. *Бомбардирскій*

капитанъ Петръ Алексѣевичъ былъ достоинъ такого повышенія за службу свою въ теченіе *десяти* послѣднихъ лѣтъ. «Милость не по заслугамъ,» писалъ Царь Князю Кесарю, «и я причитаю ее только щедротъ Вашего Величія, обѣщая и впредь служить усердно.»

Казалось, судьба хотѣла тогда обольстить Карла XII-го самыми увлекательными посулами славы и величія. Вступивъ въ Саксонію, онъ выдвинулся на позорище Европейской политики. Побѣдитель Даніи и Россіи, властитель Польши, низвергнувшій съ престола одного, возведшій на престолъ другаго короля, онъ ужаснулъ Августа своимъ походомъ, и могъ сдѣлаться рѣшителемъ важныхъ Европейскихъ вопросовъ, какъ увидимъ далѣе. Ни кто въ Европѣ не постигалъ тогда величія и сущности дѣлъ и предпріятій Царя, и блестящей, но неосновательной и непрочной славы Короля Шведскаго. И безъ того уже нѣсколько лѣтъ искавшій всѣми средствами мира съ Королемъ Шведскимъ, Августъ

спѣшилъ теперь купить у него миръ всякими пожертвованіями. Уже давно утратилъ онъ передъ могущимъ соперникомъ свое мужество, уже давно Карлъ XII-й сорвалъ съ него корону — оставалось отнять у него честь, заставить его быть жалкимъ орудіемъ прихотей своенравнаго побѣдителя, вѣроломнымъ нарушителемъ обязанностей къ союзнику и всѣхъ народныхъ правъ. Все, чего потребовалъ Карлъ XII-й, Августъ не поколебался уступить ему за спасеніе Саксоніи.

Видя Короля Шведскаго, устремившагося за Одеръ, Августъ протестовалъ противъ нарушенія неприкосновенности родовыхъ земель его, какъ *курфирстъ* и *членъ имперіи*, и требовалъ заступленія и помощи Императора и имперскаго сейма. Никто не являлся къ нему на помощь. Карлъ XII-й не думалъ уважать безсильные протесты, и въ лагерь Шведскаго Короля пріѣхалъ министръ Августа умолять о пощадѣ, съ полномочіемъ заключить миръ на условіяхъ, какія угодно будетъ

побѣдителю предписать. Саксонія была беззащитна, ибо ее охраняли только остатки Шуленбургова корпуса, отъ коихъ поспѣшно отдѣлились остатки Рускихъ, боясь предательства. Шуленбургъ не смѣлъ сражаться съ Шведами, уходилъ и сдавалъ безъ боя города и крѣпости, особливо, когда Карлъ XII-й объявилъ, что всякое сопротивленіе будетъ наказано раззореніемъ земли, и напротивъ имѣніе и жизнь каждаго Саксонца будутъ уважены, если войско и жители не окажутъ сопротивленія и снабдятъ Шведовъ припасами. Онъ не хотѣлъ еще говорить о мирѣ, не хотѣлъ даже видѣть посла Августова. Надлежало повиноваться. Сентября 4-го Шведы перешли Эльбу; 8-го заняли Лейпцигъ, и Карлъ XII-й сталъ лагеремъ въ Альтранштадтѣ близъ Люцена. Шуленбургъ отступилъ къ Рейну. Рускіе, отдѣлясь отъ него, перешли во владѣнія Императора. Шведы обложили Дрезденъ, откуда поспѣшно бѣжало семейство Августа. Тогда, вполнѣ обладая

Саксоніею, Карлъ XII-й обложилъ ее контрибуціями. Саксонія должна была взносить ежемѣсячно по 625,000 талеровъ, во все время пребыванія въ ней Шведовъ, и сверхъ того давать каждому Шведскому солдату ежедневно по 2 фунта хлѣба, по 2 фунта мяса, по 2 кружки пива, по 25 коп. деньгами, не считая квартиры и сѣна и овса лошадямъ. Карлъ XII-й рѣшился послѣ сего говорить о мирѣ. Онъ согласился принять Имгофа и Фингштейна, министровъ Августа. Оба предстали съ раболѣпнымъ изъявленіемъ покорности. «Вы хотите мира?» угрюмо спросилъ ихъ Карлъ XII-й, и не дождавшись отвѣта, прибавилъ: «Я сей часъ напишу вамъ отвѣтъ.» Онъ ушелъ въ кабинетъ свой. Черезъ полчаса Пиперъ вынесъ бумагу, на коей было рукою Короля написано:

Соглашаюсь мириться на слѣдующихъ условіяхъ, изъ которыхъ ничего не уступлю и не перемѣню:

1. Король Августъ отказывается отъ Польской короны, признаетъ Королемъ Польскимъ Станислава,

и обѣщаетъ никогда не помышлять о престолѣ Польскомъ, даже и по кончинѣ Станислава.

2. Отрекается отъ всякихъ союзовъ, особенно съ Царемъ Московскимъ.

3. Съ почестью возвращаетъ мнѣ принцовъ Собіескихъ и всѣхъ плѣнныхъ.

4. Выдаетъ всѣхъ бѣглецовъ, перешедшихъ въ его службу, и особливо Паткуля, обязываясь прекратить всякое преслѣдованіе противъ перешедшихъ въ Шведскую службу своихъ подданныхъ.

Министры Августа замѣтили, что условія тяжелы. «Мой Государь никогда не перемѣняетъ своего рѣшенія,» хладнокровно отвѣчалъ имъ Пиперъ. Спорить не смѣли. Спѣшили заключить перемиріе, надѣясь убѣдить послѣ того побѣдителя на какія нибудь уступки.

Положеніе Августа было въ то время самое странное. Умоляя Карла XII-го о мирѣ, трепеща за участь Саксоніи, между тѣмъ по неволѣ долженъ былъ онъ воевать противъ Шведовъ, ибо, исполняя предписанія Царя, Меншиковъ быстро занималъ Польшу по

мѣрѣ выступленія изъ нея Шведовъ. Царь подозрѣвалъ измѣну Августа. Онъ уже не вѣрилъ храбрости его послѣ Гродненскаго побѣга, испыталъ и вѣроломство его, особливо, когда Августъ, еще въ Декабрѣ 1705 года, арестовалъ Паткуля, не уважая его званія царскаго посла. Царь требовалъ объясненій. Августъ увѣрялъ, что Паткуль измѣнникъ, хочетъ поссорить его съ Царемъ и сносится съ непріятелями. Царь не вѣрилъ обвиненію, но Августъ обѣщалъ доказать слова свои и заключилъ Паткуля въ Кенигштейнской крѣпости. Вся вина несчастнаго Паткуля состояла въ томъ, что онъ проникъ тайныя искательства Августа о мирѣ съ Шведами, обличалъ безразсудство военныхъ распоряженій Августа и Шуленбурга, и хотѣлъ передать Царю доказательства небрежнаго обхожденія и невнимательности Августа къ находившимся у него Русскимъ войскамъ. Рускіе сражались за Августа и гибли, худо содержимые, но между тѣмъ выставляемые впе-

редъ во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ. Меншиковъ получилъ строгія предписанія не упускать изъ вида поступковъ Августа. Несчастный Августъ сдѣлался плѣнникомъ Русскаго полководца, не смѣя ни въ чемъ ему противорѣчить, а тѣмъ болѣе открыть свои тайные переговоры о мирѣ съ Шведами. По требованію Меншикова Августъ соединился съ нимъ въ Люблинѣ, 16-го Сентября, и долженъ былъ идти на Мардефельда, не имѣя возможности даже предостеречь Шведскаго генерала отъ нападенія Рускихъ, хотя и покушался на такое вѣроломство неоднократно. Октября 2-го Рускіе напали на Потоцкаго; 13-ти тысячный корпусъ его разбѣжался при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ. Неосторожный Мардефельдъ осмѣлился идти на встрѣчу Рускимъ. Потоцкій ручался ему за легкую побѣду. Предостерегательныя письма Августа не доходили до Мардефельда; увѣдомленіямъ изъ Саксоніи о началѣ переговоровъ и мирѣ

онъ не вѣрилъ, и когда получилъ повелѣніе Карла XII-го не сражаться противъ Августа, было уже поздно. Меншиковъ быстро аттаковалъ его подъ Калишемъ, 12-го Октября. Тщетно Августъ медлилъ, хитрилъ, даже старался измѣною вырвать побѣду у Рускихъ и спасти Шведовъ. Рускіе показали, что они уже не таковы, каковы были подъ Нарвою. Совершенное истребленіе корпуса Шведскаго, не смотря на храбрую защиту Мардефельда, ознаменовало Калишскую битву. Пушки, знамена, обозъ, самъ Мардефельдъ, 2,500 плѣнныхъ и болѣе 4000 убитыхъ Шведовъ, доказывали полное торжество Рускихъ. Потоцкій сдался безъ боя съ нѣсколькими тысячами Поляковъ. Вся Польша была послѣ того во власти Августа, кромѣ Познани, гдѣ еще оставался Шведскій гарнизонъ. Меншиковъ проникъ вѣроломство Августа, но какъ будто въ насмѣшку ему, увлекъ его съ собою въ Варшаву, принудивъ принимать поздравленія и пѣть молебны о побѣдѣ, когда Августъ

*

трепеталъ слѣдствій своего опаснаго торжества: еще 10-го Октября подписалъ онъ постыдный миръ, соглашаясь на всѣ условія Карла XII-го. Что могъ подумать о Калишской битвѣ и чего не могъ сдѣлать раздражительный, гордый Король Шведскій, услышавъ о гибели своихъ войскъ? Спасая Саксонію, Августъ не постыдился, увѣряя въ дружбѣ Царя, даже требуя отъ него въ пособіе денегъ, писать покорное, просительное письмо Карлу XII-му, гдѣ объяснялъ ему необходимость сражаться, въ какую онъ былъ поставленъ насиліемъ Рускихъ, и умолялъ простить невольную Калишскую побѣду. Онъ выпросилъ себѣ у Меншикова плѣнныхъ Шведовъ, обѣщая обмѣнять ихъ, но отпустилъ безъ всякаго выкупа, и едва только успѣлъ найдти случай отдѣлить остатки Саксонцовъ, отводя зимнія квартиры Меншикову, какъ поспѣшно перевелъ ихъ въ Краковъ, вырвался изъ Варшавы и ускакалъ въ Саксонію. Мѣшкать болѣе было невозможно. Карлъ XII-й

не хотѣлъ вѣрить словамъ Августа, и чтобы отнять всѣ поводы къ притворству, объявилъ о мирѣ съ нимъ, угрожая, что если еще продолжатся сомнительныя, двойныя отношенія Августа, онъ уничтожитъ миръ и начнетъ въ Саксоніи военныя дѣйствія. Августъ смиренно явился въ лагерь къ грозному рѣшителю судьбы его. Карлъ XII-й насладился наконецъ удовольствіемъ видѣть Августа лишеннымъ короны, добровольно отрекающимся отъ нея и униженно умоляющимъ о пощадѣ. Первое свиданіе Карла XII-го и Августа было въ Гутерсдорфѣ. Съ изумленіемъ смотрѣлъ Августъ на своего побѣдителя, неуклонно суроваго, одѣтаго въ синій мундиръ изъ толстаго сукна, съ мѣдными пуговицами, съ длинною шпагою, въ огромныхъ ботфортахъ. «Я не скидаю ихъ уже шесть лѣтъ,» сказалъ ему Карлъ XII-й, указывая на свои ботфорты, «а эта шпага была на мнѣ подъ Нарвою.» Августъ два раза принужденъ былъ участвовать въ солдатскомъ обѣдѣ Карла

XII-го, льстилъ ему, унижался передъ нимъ. Казалось, побѣдитель нарочно хотѣлъ уничтожить побѣжденнаго суровою ласкою, оставаясь притомъ неумолимымъ. Августъ долженъ былъ отослать Станиславу всѣ коронныя Польскія драгоцѣнности и архивы, даже написать къ нему письмо называя его *Королемъ Польскимъ*. «Исполняя желаніе Е. В. Короля Шведскаго», писалъ Августъ Станиславу, «приношу В. В. поздравленіе со вступленіемъ на Польскій престолъ, желая, чтобы подданные ваши были вамъ вѣрнѣе, нежели были мнѣ. Неблагодарностью заплатили они за всѣ мои попеченія объ ихъ благѣ, и споспѣшествовали моему несчастію, болѣе, нежели всѣ другія обстоятельства. Да не приведетъ васъ никогда провидѣніе испытать подобныя бѣдствія.»

Ни какія пожертвованія Августа не могли однакожь удалить Карла XII-го изъ Саксоніи. Онъ расположился тамъ на зимнія квартиры, и съ наступленіемъ весны началъ до-

полнять и формировать свои войска, не говоря о выходѣ изъ владѣній Августа, не смѣвшаго напомнить о томъ, и принужденнаго унижаться, терпѣть и молчать.

И что могъ онъ тогда предпринять? Шесть лѣтъ тяжкаго опыта заставили его вѣрить непобѣдимости Карла XII-го, столько разъ разрушавшаго всѣ усилія его и планы Царя, столько разъ въ одну недѣлю уничтожавшаго соображенія цѣлаго года. И что могъ теперь сдѣлать Царь? Августъ вѣрилъ несомнѣнной и близкой погибели своего бывшаго союзника, вѣрилъ, когда Карлъ XII-й съ злобнымъ презрѣніемъ отзывался о Царѣ и хотѣлъ предписать ему уничижительныя условія въ Москвѣ, какъ предписывалъ ихъ другимъ въ Копенгагенѣ, Варшавѣ и Дрезденѣ. И не одинъ Августъ, но всѣ Европейскіе Государи преклонились тогда передъ Карломъ XII-мъ.

Война, начавшаяся на западѣ Европы, въ одно время съ сѣверною войною, страшно свирѣпствовала на Рейнѣ, во Фландріи, Италіи

и Испаніи. Дѣло шло объ Испанскомъ наслѣдствѣ. Слабоумный король Испанскій, Карлъ II-й, умирая (въ 1700 году) передалъ престолъ внуку Людовика XIV-го. Желаніе Короля Французскаго исполнилось. «Сынъ мой! Пиренеи уже не отдѣляютъ Испаніи отъ Франціи!» говорилъ онъ, посылая Филиппа V-го въ Мадритъ. Но императоръ Леопольдъ, у коего хитрая политика Франціи успѣла исторгнуть добычу столь богатую, возсталъ за права на Испанскій престолъ своего брата, эрцъ-герцога Карла. Людовикъ XIV-й, думая, что у него достанетъ силъ бороться съ Императоромъ, горделиво оскорбилъ въ то же время Анну, королеву Англійскую, вдову Вильгельма III-го, признавъ права на престолъ Англіи изгнаннаго племянника ея, Стуарта, и обѣщая ему помощь. Голландія и Англія подкрѣпили Императора. Имперскіе чины не смѣли нарушить своихъ обязательствъ и дали Императору свои войска. Саксонія посылала участокъ войскъ на Рейнъ въ то время, когда

король Августъ сражался за свою Польскую корону. Союзъ усилился присоединеніемъ къ нему Португаліи, Пруссіи, въ 1702 году, возведенной съ 1701 года на степень королевства, и Савоіи, въ 1703 году. Людовикъ XIV-й, уже приближавшійся къ могилѣ, могъ еще надѣяться побѣдъ, когда Венгрія тревожила Императора, являя поборникомъ правъ своихъ, вмѣсто несчастнаго Текелли, мужественнаго Рагоція. Политика ратпенсіоннарія Нидерландскаго Геницція, управлявшаго Голландіею послѣ смерти Вильгельма, и явленіе двухъ великихъ полководцовъ, *принца Евгенія Савойскаго*, предводительствовавшаго императорскими войсками, и *Герцога Марлборуга*, полководца Англійскихъ войскъ, рѣшили судьбу союза. Ни усилія, ни храбрость не спасли Франціи. Когда эрцъ-герцогъ Карлъ изгонялъ изъ Мадрита короля Филиппа съ помощью Англичанъ, битвы Кремонская и Луццарская въ Италіи (1702 года) передали союзникамъ Италію, а Гохштедская (1704 года)

Баварію, единственную союзницу Франціи. Смерть императора Леопольда (въ 1705 году) не разрушила союза. Іосифъ, преемникъ его, еще более усилилъ военныя действія: 1706-й годъ былъ временемъ решительнаго уничиженія Франціи. Битва Рамильская (23-го Мая) отдала границы Франціи во власть союзниковъ со стороны Нидерландовъ; битва Туринская (7-го Сентября) упрочила власть ихъ въ Италіи, когда въ то же время завоеваны были союзниками Неаполь и Гибралтаръ, и дважды осаждаемъ былъ Тулонъ. Людовикъ XIV-й смирился, но тщетно просилъ онъ мира. Казалось, съ нимъ хотели расплатиться за все прежніе успехи его и за первенство въ Европе въ теченіе сорока летъ.

Въ такое-то решительное время, когда Испанія, Италія, Франція, Германія и отдаленныя части света оглашались громами битвъ и кликами войны, явился въ Саксоніи Карлъ XII-й, Северный Александръ, съ своимъ непобедимымъ войскомъ. Европейская политика

была встревожена. Не хотѣли вѣрить, чтобы желаніе безплоднаго мщенія Августу привело Карла XII-го въ Германію. Думали, что подобно Густаву Адольфу, онъ пришелъ рѣшить участіемъ своимъ судьбу войны за Испанское наслѣдство. Союзъ его съ тою или другою стороною могъ дать рѣшительный перевѣсъ, могъ спасти или погубить Людовика XIV-го. Заключивъ миръ съ Россіею, Карлъ XII-й могъ бы даже увлечь съ собою Царя, и на берегахъ Рейна могли явиться Рускіе подъ его начальствомъ. Готовый на борьбу послѣднюю, Царь охотно согласился бы на миръ — можетъ быть, потребовалъ бы себѣ только небольшаго участка земель на Балтійскомъ приморьи, снова уступая Шведамъ Нарву и Дерптъ и утверждая Станислава на Польскомъ престолѣ. Но Карлъ XII-й не измѣнилъ себѣ. Непримиримый въ ненависти, упрямый въ предпріятіи единожды начатомъ, онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ съ Царемъ, а тѣмъ болѣе о какой либо уступкѣ Царю: унизить и уничтожить его,

какъ унизилъ и уничтожилъ онъ Августа, хотѣлъ Карлъ XII-й; въ дикую Московію, въ Москву хотѣлъ онъ идти и отказался отъ всякаго участія въ дѣлахъ западной Европы.

Но ни Франція, ни союзники долго не хотѣли вѣрить такому странному рѣшенію, не вѣрили, чтобы юный, честолюбивый герой Шведскій промѣнялъ славу дѣятеля въ политикѣ Европейской на походъ въ глубину лѣсовъ и снѣговъ Московіи. Остановка Карла XII-го въ Саксоніи удостовѣряла ихъ въ томъ, и послы Голландіи, Англіи, Испаніи, Людовика XIV-го, императора Іосифа, всѣхъ другихъ государей Европейскихъ, явились въ его Альтранштадтскій лагерь. Карлъ XII-й былъ неизмѣняемъ — являлся передъ великолѣпными Европейскими дипломатами въ своей грубой воинской простотѣ, отвѣчалъ отрывисто на хитрыя рѣчи, отрекался отъ всякихъ переговоровъ, былъ равно гордъ со всѣми. Дипломаты толпились въ передней Пипера, ласкали, дарили корыстолюбиваго министра,

и удалялись не разрѣшивъ загадки. Самъ Марлборугъ, имя коего славилось тогда во всей Европѣ, полководецъ, который «бралъ всѣ города, какіе осаждалъ, и выигрывалъ всѣ битвы, въ коихъ участвовалъ,» какъ говорили объ немъ тогда, рѣшился пріѣхать къ Карлу XII-му. Казалось, суровый Карлъ могъ бы порадоваться пріѣзду героя и найдти съ нимъ предметъ разговора, но онъ такъ же холодно и грубо встрѣтилъ его, какъ и всѣхъ другихъ. Марлборугъ заговорилъ по Французски. Карлъ XII-й, хорошо зная сей языкъ, отвѣчалъ ему по Шведски и велъ разговоръ черезъ переводчика. Столь же искусный дипломатъ, сколько и храбрый воинъ, Марлборугъ не оскорбился грубымъ пріемомъ, остался въ Шведскомъ лагерѣ, успѣлъ замѣтить нелюбовь Короля Шведскаго къ Людовику XIV-му, видѣлъ на столѣ Шведскаго Короля карту Россіи, и щедрыми подарками вывѣдалъ наконецъ отъ Пипера, что Карлъ XII-й рѣшительно не вступитъ въ союзъ съ Франціею. Убѣж-

денные въ томъ, союзники успокоились, но тѣмъ не менѣе всѣ льстили Королю Шведскому — признали Станислава Королемъ Польскимъ по его требованію, увѣряли его къ дружбѣ, унижались передъ нимъ. Посолъ Шведскій, находившійся въ Вѣнѣ, далъ пощечину графу Забору, знатному Венгерцу, когда тотъ отказался пить здоровье Карла XII-го, и имѣлъ дерзость требовать послѣ сего наказанія оскорбителю его Короля. Карлъ XII-й подкрѣпилъ нелѣпое требованіе. Императоръ прислалъ Забора въ Альтранштадтъ извиняться. Карлъ XII-й былъ не доволенъ, велѣлъ арестовать Забора, посадить въ крѣпость и Императоръ не спорилъ. Король Шведскій сдѣлался дерзновеннѣе, потребовалъ отъ Императора выдачи Рускихъ, перешедшихъ въ его владѣнія изъ Саксоніи. Только доказательствами, что бѣглецы давно уже препровождены въ Россію, могли успокоить Карла XII-го. Новое требованіе—свободы вѣроисповѣданію Протестантовъ въ Силезіи

чрезвычайно затруднило Императора. Папа протестовалъ, но Императоръ медлилъ рѣшеніемъ. Карлъ XII-й повторилъ требованіе и все было исполнено по его волѣ. Императорскій посолъ извинялся, что причиною медленности былъ споръ Папы. «Напомните вашему Папѣ, что предки Шведовъ бывали въ Римѣ, и что потомки ихъ еще не выродились послѣ того!» отвѣчалъ вспыльчиво Карлъ XII-й. «Онъ забываетъ, что долженъ еще разсчесться со мною за наслѣдство королевы Христины, которымъ завладѣлъ.» Когда Папскій нунцій упрекалъ Императора въ уступкѣ королю-еретику — «Хорошо, что онъ не потребовалъ у меня самого перемѣны Католической вѣры на Лютеранскую, — право, я не зналъ бы тогда, что ему отвѣчать!» сказалъ Императоръ нунцію съ досадою.

Приводимъ сіи подробности, желая показать на какой степени величія стоялъ тогда соперникъ Царя. Гордость его была выше всякой мѣры. Когда спросили его мнѣнія о

Марлборугъ — «Да, онъ дерется изрядно,» отвѣчалъ хладнокровно Карлъ XII-й. — «Но каковъ показался онъ В. В. ?» — «Слишкомъ чопорно одѣтъ и много болтаетъ,» съ презрѣніемъ сказалъ Карлъ. Есть достовѣрныя извѣстія, что въ тайныхъ бесѣдахъ съ Рейншильдомъ Карлъ XII-й открылъ ему свои отдаленныя намѣренія, состоявшія въ томъ, что послѣ низложенія Царя Московскаго хотѣлъ онъ идти въ Царьградъ и изгнать Оттомановъ изъ Европы, освободить Гробъ Христовъ, уничтожить потомъ могущество Людовика XIV-го и возвратить Англійскій престолъ Стуартамъ. Онъ посылалъ Шведскихъ инженеровъ въ Турцію, приказывая имъ тайно осматривать дороги и крѣпости. Въ Саксоніи велѣлъ онъ подать себѣ маршруты во всѣ Европейскія столицы. Какъ будто желая напомнить, что пора прекратить рыцарское кочеванье на чужбинѣ, Пиперъ поставилъ въ росписи прежде всего: *Дорога изъ Дрездена въ Стокгольмъ.* Карлъ XII-й улыбнулся. «Вотъ дорога по

которой мы еще не скоро пойдемъ,» сказалъ онъ. Вѣримъ романическимъ мечтамъ Карла XII-го: мы видѣли его дѣла — увидимъ ихъ далѣе, увидимъ, какъ изъ паладина Роланда сдѣлался онъ наконецъ донъ Кихотомъ и погибъ жертвою своей безразсудной отваги. Осматривая Люценское поле въ Саксоніи, гдѣ палъ Густавъ Адольфъ — «Великій человѣкъ!» воскликнулъ онъ — «я стараюсь идти по слѣдамъ твоимъ, и неужели не приведетъ меня Богъ умереть такою же, какъ твоя, славною смертью!» — Во все время бытности своей въ Саксоніи Карлъ XII-й постоянно жилъ въ лагерѣ, не принималъ никакого участія въ праздникахъ Саксонскаго Двора, одного изъ роскошнѣйшихъ въ Европѣ, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ, ни съ кѣмъ не дружился. Всегда вставая въ четыре часа утра, онъ самъ училъ солдатъ каждый день, прогуливался верхомъ, сидѣлъ за военными картами и планами, оканчивалъ обѣдъ свой въ четверть часа, никогда не пилъ вина, и утромъ и вече-

ромъ молился въ лагерѣ наряду съ солдатами. Строжайшій порядокъ и дисциплина наблюдались въ Шведскомъ войскѣ. Кромѣ положенной порціи, фуража и платы деньгами, никто не смѣлъ ничего болѣе требовать отъ жителей. Одинъ изъ Шведовъ насильно отнялъ у своего хозяина поселянина индѣйку. Поселянинъ пожаловался Карлу XII-му. — «Какъ ты смѣлъ грабить хозяина твоего?» грозно спросилъ Карлъ XII-й у виноватаго. »Помилуйте, В. В., велика ли важность, что я взялъ у него индѣйку, когда вы взяли у короля его цѣлое королевство и онъ не жалуется!» отвѣчалъ солдатъ. – «Любезный другъ! я вѣдь не себѣ взялъ, а отдалъ другому,» сказалъ ласково Король, далъ поселянину червонецъ, и простивъ на тотъ разъ солдата за ловкій отвѣтъ, сказалъ однакожь, что впредь за подобный поступокъ онъ велитъ его разстрѣлять.

Но злобный и мстительный нравъ Карла XII-го проявился въ поступкѣ его съ несчаст-

нымъ Паткулемъ, дѣлѣ, потемняющемъ всѣ добрыя свойства Короля Шведскаго и неизгладимо постыдномъ для памяти Августа. Мы видѣли, что въ числѣ непремѣнныхъ условій мира его съ Карломъ XII-мъ была выдача Паткуля. Забывая и честь государя и права народныя, Августъ выдалъ Паткуля, 26-го Марта 1707 года. Карлъ XII-й велѣлъ заковать его въ кандалы, томилъ въ тюрьмѣ полгода, и 30-го Сентября Паткуль, обвиняемый въ измѣнѣ противъ законнаго государя и въ службѣ врагамъ его, былъ осужденъ на мучительную казнь. Когда, читая приговоръ, произнесли слова: «измѣнникъ отечества» — «Нѣтъ!» сказалъ Паткуль—«смерть моя доказательство, какъ вѣрно служилъ я ему!» Паткуля колесовали, рубили на части, ломали ему руки и ноги. Обезображенные члены его выставлены были на столбахъ по большимъ дорогамъ — дѣло достойное Тамерлана, а не Европейскаго государя XVIII-го столѣтія, кичившагося славою героя великодушнаго!

Пока совершались всѣ описанныя нами события, Царь неусыпно пользовался временемъ. Дѣятельно продолжали у него защиту Рускихъ предѣловъ, и когда Меншиковъ заставлялъ короля Августа невольно торжествовать побѣду въ Польшѣ, Царь хотѣлъ оградить Петербургъ завоеваніемъ Выборга. Октября 4-го, Брюсъ съ 20,000 войска, и самъ Царь, отправились изъ Петербурга. Октября 12-го обложили Выборгъ. Майдель не сдавался. Позднее время года не позволило обложить городъ съ моря флотомъ и подвозить припасы на корабляхъ, когда грязи помѣшали привозу изъ Петербурга осадной артиллеріи. Царь принужденъ былъ отложить свое предпріятіе. Шведы не смѣли препятствовать отступленію Рускихъ, начавшемуся 26-го Октября. «Досадно на тѣхъ, кто по сосѣдству здѣсь жили, а дѣла приготовить надлежащимъ образомъ не умѣли, и даже положенія мѣста хорошо не узнали,» писалъ Царь Меншикову. «Истинно ни на кого положиться не можно.

Все самъ дѣлаю!» Царь прожилъ въ Петербургѣ до 10-го Декабря и отправился черезъ Нарву и Псковъ въ Москву. Въ Нарвѣ получилъ онъ извѣстіе объ Альтранштадтскомъ мирѣ, и принужденъ былъ отложить свою поѣздку въ древнюю столицу.

Сколько обрадовало Царя извѣстіе Меншикова о Калишской побѣдѣ, столько огорчила вѣсть о вѣроломствѣ короля Августа, и оскорбленіи, нанесенномъ Россіи въ лицѣ Паткуля. Нельзя было сомнѣваться болѣе, что Карлъ XII-й устремится теперь на борьбу съ Царемъ, и Царь спѣшилъ еще разъ лично повѣрить и скорѣе окончить всѣ приготовленія, ничего и нигдѣ не оставляя счастью и случаю. Можно было полагать, что Польша безпрекословно подчинится Станиславу послѣ собственнаго отреченія Августа, и даже соединитъ силы свои съ Шведами. Самые ревностные защитники короля Августа начали отставать отъ него, ибо заступленіе за него не

имѣло уже никакой цѣли и не прикрывалось ни какимъ предлогомъ.

Но Царь хорошо зналъ состояніе Польши, характеръ Поляковъ, ослѣпленіе партій, и надѣялся извлечь еще большую пользу въ предстоявшей ему тяжкой борьбѣ съ Карломъ XII-мъ. Онъ поспѣшилъ прежде всего въ Польшу. Корпуса Меншикова и Шереметева стояли тамъ въ Жолкіевѣ и въ Острогѣ на Волыни. Въ Могилевѣ и въ Полоцкѣ были генералы Аллартъ (размѣненный въ 1704 году на Шведскаго генерала Горна), Верденъ и Чамберсъ. Они держали въ страхѣ Левенгаупта. Разбивши осенью 1706 года отрядъ Вишневецкаго въ Курляндіи и преслѣдуя его, онъ едва не былъ отхваченъ Рускими отъ Риги. Царь посѣтилъ Смоленскъ и Кіевъ, осмотрѣлъ войска въ Жолкіевѣ и 27-го Декабря прибылъ въ Острогъ.

Здѣсь начались его дальновидныя политическія дѣйствія. Держа мечъ въ рукахъ, обольщая щедрыми подарками, захвативъ Станис-

лавова Примаса въ плѣнъ, побуждая къ дѣйствію другаго Примаса, Шембека, подкрѣпляя пирами разгулье и посулами честолюбіе Польскихъ пановъ, Царь успѣлъ возстановить новую сильную партію. Онъ предложилъ не признавать Станислава и объявить междоцарствіе, ибо хотя король Августъ отрекся отъ престола, но Польша безъ оскорбленія правъ своихъ неможетъ признать королемъ немногими, своевольно и насильно избраннаго по Шведскому принужденію Станислава. Дѣйствія Царя были такъ успѣшны, что Примасъ собралъ наконецъ сеймъ въ Лембергѣ, гдѣ положено было въ Маѣ собраться въ Люблинѣ, объявить междоцарствіе и приступить къ избранію новаго короля. Оставалось назначить кандидатовъ. Царь обратилъ вниманіе на знаменитаго принца Евгенія Савойскаго, завелъ переговоры съ сыномъ Собіескаго, принцомъ Іаковомъ, и съ княземъ Рагоціемъ, предлагавшимъ Царю возвести на Венгерскій престолъ царевича Алексѣя. Венгрія возмущалась тогда

противъ Императора и Рагоцій предводилъ возмущеніемъ. Страхъ оружія Шведскаго и непрочность власти въ Польшѣ отвлекли Евгенія и Іакова: одинъ предпочелъ Польской коронѣ честь императорскаго полководца, другой скромную тишину уединенія, а Поляки не согласились избрать Рагоція. За то являлись изъ числа Польскихъ пановъ многіе охотники на званіе короля. Царь переговаривалъ съ ними. Сеймъ открылся въ Люблинѣ 3-го Іюня и представлялъ странную смѣсь хвастовства и робости, дерзости и трусости. Царь присутствовалъ на сеймѣ, и если избиратели боялись Карла XII-го, опасеніе царскаго оружія причиняло имъ не менѣе тревоги. Наказаніе Вишневецкаго и Синицкаго показало, какъ строго преслѣдуетъ Царь своихъ противниковъ. Узнавъ, что Синицкій и Вишневецкій присоединились къ Станиславу, Царь объявилъ обоихъ измѣнниками отечества и велѣлъ захватить ихъ. Синяцкій заперся въ Быховѣ. Царскія войска осадили его, принудили

сдаться, и онъ съ 3000-ми плѣнныхъ Поляковъ былъ отосланъ въ Россію. Меншиковъ посылалъ между тѣмъ отряды по всей Польшѣ раззорять помѣстья Станиславовыхъ друзей, и стараясь затруднить будущій походъ Шведовъ, портилъ дороги, уничтожалъ укрѣпленія, забиралъ и жегъ запасы. Въ Люблинъ пришли остатки Русскаго корпуса, посланнаго въ 1704-мъ году для соединенія съ королемъ Августомъ, и перешедшіе, какъ мы упоминали, изъ Саксоніи въ земли Императора—отъ 12,000 осталось не болѣе 1300 человѣкъ. Царь оставилъ наконецъ безтолковый Люблинскій сеймъ, и 11-го Іюля прибылъ въ Варшаву, распоряжалъ здѣсь, какъ самовластный повелитель Польши. Станиславъ былъ тогда съ Карломъ XII-мъ въ Саксоніи, и не смѣлъ подумать о возвращеніи въ Польшу безъ защиты Шведовъ.

Говоря объ избраніи короля и собирая сеймъ избирателей, Царь не хотѣлъ однакожь дѣйствительно поставить новаго соперника Ав-

густу и Станиславу, ибо ему трудно было бы поддержать такое избраніе: ему надобно было только не давать покоя Станиславу, тревожить междоусобіями Польшу, заставляя ее забыть о вмѣшательствѣ въ чужія дѣла. Августъ уже сносился тайно съ Царемъ, извинялся необходимостью въ происшедшемъ, снова просилъ пособія, обѣщалъ союзъ и помощь, едва освободится отъ власти Карла XII-го. Царь не отвергалъ его. Еще болѣе: готовясь стать на крѣпкое ратоборство съ Карломъ XII-мъ и не страшась впаденія Шведовъ въ Россію, онъ хотѣлъ мира съ Шведскимъ Королемъ и предлагалъ посредничество о мирѣ Англіи, Голландіи, Франціи и Пруссіи. Для достиженія сей цѣли, возставляя на Шведовъ Императора и Папу, онъ стращалъ одного дружбою съ Рагоціемъ, другому льстилъ надеждою на соборъ о соединеніи церквей Восточной и Западной. Такъ всѣ возможныя мѣры политики употреблялъ Царь. Карлъ XII-й упорно отвергъ еще разъ

предложенія о мирѣ и повторялъ одно, что будетъ мириться съ Царемъ въ Москвѣ. Въ горделивыхъ мечтахъ своихъ онъ говорилъ что хочетъ рѣшительно уничтожить Россію, раздѣлить ее на нѣсколько княжествъ, и такъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что даже обѣщалъ любимцу своему Спарру губернаторство въ Москвѣ. Пора было исполнить ему обѣщанія, столь давно данныя, и Король Шведскій не хотѣлъ уже болѣе медлить: онъ двинулся изъ Альтранштадта 21-го Августа 1707 года. На походѣ вздумалось ему еще разъ изумить чѣмъ нибудь Августа передъ отъѣздомъ изъ Саксоніи. Онъ придумалъ къ тому странное средство: когда Шведы уже переправились черезъ Эльбу, Карлъ XII-й, проѣзжая мимо Дрездена, захотѣлъ проститься съ Августомъ. Взявъ съ собою пять Шведскихъ офицеровъ, онъ поскакалъ прямо въ Саксонскую столицу, сказалъ на городской заставѣ, что онъ Шведскій драбантъ, посланный къ Курфирсту, и велѣлъ вести себя прямо въ королев-

скій дворецъ. Августъ былъ нездоровъ и едва успѣлъ сбросить свой шлафрокъ, когда Карлъ XII-й, стуча длинною шпагою, вошелъ въ его спальню. «Я пріѣхалъ съ вами проститься,» сказалъ онъ, спокойно сѣлъ, разговаривалъ съ Августомъ, завтракалъ у него, отправился вмѣстѣ съ нимъ осматривать Дрезденскія укрѣпленія, и прежде нежели Августъ успѣлъ опомниться, пожалъ ему руку въ послѣдній разъ и ускакалъ въ свой лагерь. Здѣсь всѣ тревожились объ участи Короля, не зная куда онъ дѣвался, и когда узнали о странной прогулкѣ его въ Дрезденѣ, думали уже о томъ, какъ приступить къ поспѣшной осадѣ Дрездена, если король Августъ задержитъ своего нежданнаго гостя. Слушая упреки своихъ вѣрныхъ товарищей—«Неужели вы думаете, что осмѣлились бы задержать меня?» спросилъ ихъ Карлъ XII-й, улыбаясь. «Я не отдался бы живой!» прибавилъ онъ. «А что было бы тогда съ нами?» возразилъ Рейншильдъ. Слезы навернулись у него на гла-

захъ. «Да, правда,» отвѣчалъ Король немного задумавшись, «но я вѣрю въ мое счастье!» воскликнулъ онъ. — «И право, любопытно и забавно было смотрѣть, какія длинныя лица были у Августа и его придворныхъ, и какъ они не знали что со мною дѣлать!» Сентября 7-го Шведская армія переправилась черезъ Одеръ; 10-го вступила въ Польскіе предѣлы; 17-го, переправясь черезъ рѣку Варту, Карлъ XII-й остановился между Познанью и Слупцомъ.

Здѣсь начался *второй періодъ войны* Русскаго Царя съ могущимъ и непримиримымъ соперникомъ, періодъ личной борьбы двухъ полководцовъ великихъ, любопытный во всѣхъ отношеніяхъ, примѣръ того, что можетъ геній, и какъ ничтожна слѣпая вѣра въ счастье передъ мудростью, ничего не довѣряющею обстоятельствамъ и слѣпой удачѣ.

Едва услышалъ Царь о походѣ Короля Шведскаго, все привелъ онъ въ движеніе. Громады Русскихъ силъ восколебались отъ

предѣловъ Ингерманландіи до Волыни, отъ Варшавы до Москвы и Кіева. Всюду загремѣлъ Русскій барабанъ. Разсыпавъ отряды до самой Силезской границы, Царь передвинулъ пѣхоту Меншикова за Вислу, а Шереметевъ перешелъ въ Минскъ. Генералъ Бауръ сталъ у Друи, сближая сообщенія съ корпусомъ Апраксина въ Петербургѣ, а генералъ Шведенъ былъ съ Себежѣ, сообщаясь отсюда съ Меншиковымъ и Шереметевымъ. Видя, что Карлъ XII-й остановился, Царь почелъ кампанію сего года оконченною. Изъ Волыни отправился онъ въ Меречъ, гдѣ видѣлся и условился въ дѣйствіяхъ съ княземъ Меншиковымъ. Сей любимецъ Петра былъ уже тогда осыпанъ великими наградами, и бывши первымъ помощникомъ царскимъ, имѣлъ чины генералъ-поручика, дѣйствительнаго тайнаго-совѣтника, подполковника Преображенскаго полка, званія князя Римской имперіи, князя Ижорскаго, генералъ-губернатора Ингерманландіи, Русскій орденъ св. Андрея и

Польскій орденъ Бѣлаго орла. Октября 21-го Царь прибылъ въ Петербургъ, проѣхавши туда черезъ Новгородъ, Ладогу и Шлиссельбургъ.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ тогдашнюю бытность въ Петербургѣ Царя было бракосочетаніе его съ бѣдною сиротою, о коей упоминали мы описывая взятіе Маріенбурга. Гликъ уже не возвратился въ Эстляндію; онъ жилъ въ Москвѣ, милостиво принятый Царемъ, посвятивъ себя ученымъ трудамъ и учрежденію Нѣмецкой школы. Воспитанница его, Скавронская находилась нѣсколько времени въ домѣ Шереметева, а потомъ жила въ домѣ Меншикова. Здѣсь увидѣлъ ее Царь и плѣнился ея необыкновенною красотою. Скавронская приняла православную вѣру, была наименована *Екатериною*, и по имени воспріемника, царевича Алексѣя, *Алексѣевною*. Необыкновенный умъ и любовь ея скоро увлекли Царя, такъ, что онъ отдалъ руку свою той, которая за нѣсколько лѣтъ

прежде бѣдною, безпріютною плѣнницею вывезена была въ Москву изъ развалинъ роднаго города. Бракъ Царя съ Екатериною Алексѣевною совершился тайно въ концѣ Октября 1707 года. Только коммендантъ Петербургскій Брюсъ былъ свидѣтелемъ сего священнаго обряда, совершившагося, какъ полагаютъ, въ деревянной церкви св. Екатерины близъ Калинкина моста. Октября 26-го родилась у Царя дочь, названная *Екатериною.* Онъ проводилъ тогда время въ Петербургѣ необыкновенно весело. Тогда-то написалъ онъ Меншикову, что въ день его ангела «еще *въ первый разъ послѣ смерти Лефорта* веселились искренно.» — «Откормите моего Даниловича,» писалъ Царь женѣ Меншикова, «и смотрите, чтобы онъ не такой сухопарый былъ, какъ при послѣднемъ свиданіи моемъ съ нимъ.» Приведемъ еще здѣсь шуточное письмо Царя, писанное послѣ прогулки его по морю къ весельчаку Головину, прозванному *басомъ,* потому, что посланный учиться кораблестрое-

нію, онъ выучился играть на *басъ* и отдѣлался отъ Царя шуткою. «Сватъ люли, будь здоровъ!» писалъ ему Царь. «Жаль, что тебя съ нами не было, а вѣтеръ былъ сильный и славно бы пропѣть *люли*! Ты пишешь, что замерзли корабли, и врешь: замерзла вода, да и та не вся. А здѣсь всѣ тебѣ кланяются, и особливо Шаховской — посылаетъ тебѣ въ подарокъ превеликую.... Когда прієду въ Москву, непремѣнно куплю сватьѣ поняву полосатую.» — Веселись и отдыхай, человѣкъ великій — наступаетъ тяжкое время!

Декабря 1-го Царь отправился въ Москву. Сильный пожаръ опустошилъ тогда древнюю столицу. Пособія Царя щедро разданы были погорѣвшимъ. И здѣсь весело праздновали святки, какъ будто во все не думая, что Калъ XII-й уже стоитъ мрачною, чреватою громами и молніями тучею на предѣлахъ Россіи. Зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ врага своего Царь. Карлъ XII-й надѣялся застать противника своего въ расплохъ, оста-

новившись, и потомъ неожиданно и быстро двинувшись отъ Познани въ жестокіе зимніе холода. Онъ думалъ обмануть тѣмъ бдительность Царя, и поставить его въ такое же затрудненіе, въ какое привелъ уже его однажды, зимою 1705 года. Но тамъ были противъ него *Огильвій* и *Августъ*, а теперь ждали его *Меншиковъ* и самъ *Царь*. По первому извѣстію о походѣ Шведовъ, онъ помчался въ среду своихъ ратныхъ товарищей. Января 6-го Царь еще *славилъ Христа* въ Москвѣ, а 7-го Января онъ былъ уже на пути въ Польшу.

Не приступая къ изложенію многочисленныхъ и великихъ событій 1708 и 1709 годовъ, мы должны обозрѣть другія дѣла Царя съ 1700-го года, въ теченіе *семи лѣтъ*, ибо увлекаясь исторіею брани, столь ярко горѣвшей во всѣ сіи годы, мы не могли исчислять ихъ, дабы не прерывать нити нашего повѣствованія. Нѣкоторыя изъ нихъ были весьма важны.

Такими можно почесть распоряженія Царя

по управленію духовными дѣлами. Патріархъ Адріанъ скончался 15-го Октября 1700 года. Ожидали назначенія преемника ему, и не удивлялись, когда среди смятеній войны и заботъ государственныхъ, Царь объявилъ, что отлагаетъ избраніе патріарха на нѣкоторое время. Дабы не оставить Церкви безъ пастыря, Царь назначилъ временно *Блюстителя патріаршаго престола*, долженствовавшаго управлять всѣми церковными дѣлами, но не имѣя ни правъ, ни власти патріарха, и раздѣляя управленіе съ другими духовными сановниками, составлявшими *Патріаршій Приказъ*. Въ званіе Блюстителя Царь назначилъ Трифиллія, митрополита Сарскаго и Подонскаго, а по кончинѣ его, въ 1702 г., ученаго и благочестиваго пастыря Стефана Яворскаго, знаменитаго краснорѣчіемъ, бывшаго префектомъ Кіевской Академіи, изъ игуменовъ возведеннаго прямо въ митрополиты Рязанскіе. Кромѣ титула Блюстителя, Царь назвалъ его *патріаршимъ администраторомъ, экзархомъ и ви-*

каріемъ, совершенно ограничивъ власть его. Устраняя такимъ образомъ толки суевѣровъ, Царь еще ни кому не открывалъ тайной мысли своей: онъ положилъ уничтожить патріарховъ въ Россіи и Адріанъ былъ *послѣднимъ* архипастыремъ Русскимъ сего высокаго сана.— Церковь Россійская славилась въ царствованіе Петра ученостью и благочестіемъ многихъ духовныхъ пастырей, каковы были Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Стефанъ Яворскій, Иннокентій Кульчицкій, Аѳанасій, архіепископъ Архангелогородскій, Питиримъ Нижегородскій, Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій, но устраняя вліяніе на умы народа пастырей суевѣрныхъ и приверженныхъ къ старинѣ, и вообще ограничивая власть и самое число духовенства, Царь въ 1701 г. опредѣлилъ число монаховъ по монастырямъ, запретилъ заводить новые монастыри, поступать въ иночество ранѣе 50-ти лѣтъ отъ роду и переходить изъ одной обители въ другую безъ разсмотрѣнія архіереевъ.

Доходы съ церковныхъ имѣній велѣно было взять отъ архіереевъ и начальниковъ обителей и вѣдать ихъ Монастырскому Приказу; въ монастыряхъ заведены были богадѣльни для инвалидовъ; инокамъ приказано заниматься полезными ремеслами, обработкою садовъ и земель и строго запрещено проводить время праздно. Академіи Кіевская и Московская были распространены, и повелѣно тщательно стараться замѣщать мѣста священниковъ людьми воспитанными въ сихъ духовныхъ училищахъ. — Въ 1704 г. Царь отмѣнилъ смертную казнь за преступленія, кромѣ государственной измѣны и убійства, и замѣнилъ ее ссылкою въ Сибирь. — Зло неопредѣленныхъ доносовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *слова и дѣла государева*, уменьшено было жестокимъ наказаніемъ доносчиковъ, если извѣтъ ихъ оказывался несправедливымъ по строгому изслѣдованію.—Замѣчателенъ указъ, коимъ опредѣлена была смертная казнь за ложную присягу въ судѣ.—Попеченіе о народномъ здоровьи

заставляло Царя вызывать въ Россію искусныхъ врачей, учредить главную аптеку въ Москвѣ, аптекарскіе сады въ Москвѣ и въ Лубнахъ въ Малороссіи, полевыя аптеки въ войскѣ, позволяя учреждать всюду вольныя аптеки людямъ опытнымъ. Въ Москвѣ построили обширную военную госпиталь на берегу Яузы. Опредѣлена была правильная выписка лекарствъ, и введено вообще систематическое управленіе врачебными пособіями учрежденіемъ Медицинской Коллегіи въ Москвѣ, которой строго велѣно преслѣдовать знахарей и обманщиковъ, занимавшихся леченіемъ въ простомъ народѣ.—Не смотря на строгія повелѣнія Царя, находились люди, готовые лучше умереть, нежели разстаться съ бородою и надѣть на себя бусурманское платье. Снисходя къ закоснѣлому упрямству невѣждъ, Царь позволилъ имъ откупать бороды и ношеніе стариннаго платья взносомъ пошлины, которая и была называема *бородовою*. Вмѣсто росписокъ въ полученіи ея выдавался мѣдный жетонъ, съ изо-

браженіемъ бороды и надписью: *Дань заплачена.* Пошлина сія была весьма значительна: дворяне вносили по 60-ти, гости и купцы отъ 30-ти до 100 рублей, и за всемъ тѣмъ охотниковъ платить бородовую пошлину находилось множество. Такъ, когда Царь велѣлъ нашивать для отличія цвѣтные козыри на платье староверамъ, многіе стали даже гордиться такимъ знакомъ различія отъ бусурмановъ и табашниковъ.—Въ 1702 г. выплавлено было первое серебро въ Перчинскѣ. Въ 1704 г. выбиты *первые рубли* въ Россіи, для избѣжанія затрудненій, происходившихъ отъ мѣлкой монеты въ народномъ обращеніи.—Царь неусыпно поощрялъ заводы и фабрики, самъ заводилъ ихъ, отдавалъ, дарилъ умнымъ и расторопнымъ хозяевамъ и не щадилъ денегъ на пособіе. «Я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ Русскаго сукна, и Богъ дастъ зѣло изрядный плодъ изъ нашего объ сукнахъ попеченія,» писалъ онъ Меншикову въ 1705 году. —Выдѣлка оружія была уже доведена до того, что вмѣсто 12-ти и

15-ти рублей, чего стоило каждое выписное изъ-за границы ружье, они обходились въ Россіи по 3 рубля. Никита Демидовъ не удовольствовался даже и тѣмъ, и въ 1702 году обязался поставлять ружья по 1 р. 80 коп. — Но мы увлеклись бы за предѣлы нашихъ очерковъ, еслибы захотѣли исчислить всѣ любопытныя подробности, какія представлялъ бытъ Россіи въ первые годы Шведской войны, когда, казалось, Царь, увлеченный заботами воинскими, едва могъ бы имѣть время и возможность думать о чемъ либо другомъ. Обо *всемъ* думалъ онъ, хотя и отлагалъ до времени важнѣйшія государственныя измѣненія, мысль коихъ зрѣла въ великой душѣ его среди бранныхъ тревогъ, какъ будто въ мирное, спокойное время.

РАЗСКАЗЪ ОДИННАТЦАТЫЙ.

ПОХОДЪ КАРЛА XII-ГО ВЪ РОССІЮ. ЛИТВА ПОДЪ ЛѢСНЫМЪ.

1708 годъ.

Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалился вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра...

Жуковскій.

Мы сказали, что 1708-мъ годомъ начался *второй періодъ* войны между Петромъ Великимъ и Карломъ XII-мъ. *Первый*, продолжаясь отъ сраженія подъ Нарвою, кончился *движеніемъ Шведскаго Короля въ Россію*. Здѣсь переломъ и измѣненіе событій, продолжавшихся послѣ того два года и заключенныхъ Полтавскою битвою. Какъ обильны были достопамятными событіями протекшіе *семь лѣтъ*! Вспомнимъ, что при началѣ, въ 1700 году, грозный Карлъ XII-й уничтожилъ подъ Нарвою, не только войско, но, казалось, даже всѣ средства борьбы съ нимъ. Не будемъ сравнивать тогдашняго состоянія двухъ

соперниковъ. Карлу XII-му оставалось только пользоваться побѣдою. Петру надлежало создать вновь все, едва только созданное дотолѣ его неусыпными трудами въ теченіе многихъ лѣтъ — собрать войско, снабдить его новою артиллеріею, сыскать и деньги, и запасы и предводителей, вмѣсто утраченныхъ имъ, учиться воевать самому, учить воевать другихъ. Не будемъ говорить о томъ, что въ то время, когда Карлъ XII-й являлъ въ себѣ только военачальника, Петръ былъ и пересоздателемъ, и законодателемъ Россіи, укротителемъ смятеній, дипломатомъ, политикомъ: здѣсь между ними нѣтъ никакого сравненія. Разсмотримъ двухъ великихъ противниковъ, только, какъ предводителей войскъ, какъ полководцовъ. И въ семъ отношеніи недоступно выше Карла XII-го является Петръ Великій! Одинъ изъ нихъ воинъ храбрый, безстрашный, умѣющій придумывать предпріятія смѣлыя, неожиданныя, но часто отважный до безразсудности и

никогда не умѣвшій окончить ни одного начатаго имъ дѣла; другой, воинъ не менѣе мужественный, съ самоотверженіемъ не менѣе своего соперника, но далеко превосходившій его, не только умѣньемъ разрушить всякое предпріятіе противника, но извлечь изъ каждаго счастливое для себя послѣдствіе и вновь запутать своего врага, неотступно и вѣрно слѣдуя къ своей цѣли. Одинъ все довѣряетъ счастью; другой ничего ему не довѣряетъ. Одинъ теряетъ плоды даже нечаянной удачи и робости, или недоразумѣнія своихъ соперниковъ; другой изъ самаго бѣдствія извлекаетъ выгоду, и самую храбрость противника обращаетъ въ свою пользу. Дѣла Карла XII-го съ 1700 года — удальство наѣздника; дѣла Петра — подвиги полководца.

Посмотрите, какъ безъ всякой пользы Карлъ XII-й проводитъ въ Эстляндіи зиму послѣ Нарвской битвы, и только на другой годъ устремляется на Августа. Петръ не теряетъ минуты времени, укрѣпляетъ предѣлы,

устроиваетъ войско и начинаетъ раззорять Шведскія земли, лишая тѣмъ непріятеля средствъ для движенія его воинскихъ силъ и готовя способы для своихъ дѣйствій. Карлъ XII-й разбиваетъ короля Августа въ 1701-мъ году, очищаетъ Ливонію и безполезно остается зимовать въ Курляндіи. Петръ оканчиваетъ устройство своего войска, начинаетъ битвы, бьетъ Шведовъ подъ Эррестферомъ, уничтожаетъ ихъ покушенія на Архангельскъ, вводитъ Русское войско въ Польшу. Карлъ XII-й устремляется въ Польшу въ 1702 году, отвергаетъ миръ, силится свергнуть Августа, поражаетъ его, и [illegible] Клишовомъ, преслѣдуетъ — опять безъ пользы, ибо Августъ укрѣпляется въ Варшавѣ, и самое малое промедленіе Карла въ Краковѣ возвращаетъ Августу силу, когда въ то же время Петръ уничтожаетъ охранныя Шведскія войска по Балтійскимъ берегамъ и начинаетъ завоеванія, беретъ Нотебургъ, останавливается тамъ, укрѣпляется прочно и уси-

ливается въ Польшѣ. Въ 1703 году Карлъ XII-й продолжаетъ безполезное преслѣдованіе Августа, снова разбиваетъ его, и опять все забываетъ, осаждая Торунъ, занимая Данцигъ, Эльбингъ, пока Петръ продолжаетъ неотступно завоеванія — беретъ Ніеншанцъ, основываетъ *Петербургъ*. Все отъ Риги до Выборга очищено имъ отъ непріятелей. Шведы держатся здѣсь только въ немногихъ городахъ, и Петръ располагаетъ планъ войны въ Польшѣ, усиливая тѣмъ затрудненіе непріятеля, и безъ того безсильнаго управиться съ Поляками. Въ 1704-мъ году Карлъ XII-й дости[illegible] наконецъ своей цѣли послѣ двухълѣтнихъ усилій: Августъ свергнутъ, Станиславъ избранъ. Но пока Шведскій Король преслѣдуетъ соперника и рыцарствуетъ въ Галиціи, дѣло Станислава едва не потеряно и Августъ опять въ Варшавѣ. Смѣлый походъ Шведовъ поправляетъ ошибку, но въ 1705 году Карлъ XII-й старается только короновать Станислава, и не думаетъ, что Петръ

въ 1704 году взялъ Дерптъ и Нарву, кончилъ дѣло въ Балтійскихъ областяхъ, двинулся въ Польшу, занялъ Курляндію, угрожаетъ Шведамъ сильною борьбою. Карлъ XII-й готовитъ ему бой рѣшительный: зимою съ 1705-го на 1706 годъ смѣлый походъ Шведовъ едва не передаетъ въ руки ихъ Русское войско. Но Карлъ XII-й не умѣетъ окончить начатаго дѣла, а Петръ спасаетъ войско свое, готовится къ упорной защитѣ, уже загладивши всѣ прежнія потери, нападая на Финляндію, уничтожая нападенія Шведовъ на Петербургъ. Карлъ XII-й опять, какъ будто забываетъ о своей потерѣ, идетъ въ 1706 г. въ Саксонію, не думаетъ пользоваться тамъ выгодами своего положенія, и между тѣмъ отвергаетъ выгодный миръ, упорно хочетъ уничтожить Петра, заставляетъ Августа отречься отъ Польши и союза съ Россіею, и — медлитъ. Польша въ рукахъ Петра. Онъ истребилъ тамъ всѣ пособія, какія Шведы могли извлечь. Скажутъ,

что Карлъ XII-й набиралъ въ Саксоніи новыя силы. Слѣдственно, онъ уже понялъ, что далъ средства непріятелю, не только изгладить пагубу прежнихъ его потерь, но несравненно усилиться, сдѣлать Польшу союзницею безполезною, даже тягостною Шведамъ? Такимъ образомъ, черезъ семь лѣтъ, послѣ подвиговъ блестящихъ и предпріятій неосновательныхъ, Король Шведскій все опять довѣряетъ *удачѣ, случаю, побѣдѣ*, уже не *вѣрной*, какъ прежде, но *сомнительной*, уже требующей всѣхъ средствъ, всѣхъ силъ Швеціи. Онъ долженъ идти черезъ разоренную Польшу и Литву, углубиться въ сѣверъ, удалиться отъ Швеціи, гдѣ забралъ онъ послѣднія силы — *послѣднія*, говоримъ, ибо мы увидимъ далѣе, что погубивъ бывшее съ нимъ въ Россіи войско, Карлъ XII-й предалъ Швецію беззащитною непріятелямъ. Побѣды и походы его стоили ему многихъ тысячь храбрыхъ воиновъ, а добыча, отнятая имъ у непріятелей, обогатила не Швецію, но сол-

датъ его, взявшихъ и погубившихъ ее на чужбинѣ.

Если послѣ всего изъясненнаго здѣсь станемъ соображать будущее, почти навѣрное сказать можно, что въ началѣ 1708 года ручательствъ за побѣду болѣе было на сторонѣ Петра Великаго, нежели Карла XII-го. Но, да не подумаетъ однакожь кто либо, что подвигъ Петру предлежалъ маловажный. Нѣтъ! Если у него было уже войско многочисленное и болѣе прежняго опытное, если раскрылись уже воинскія дарованія въ его генералахъ, можно ли было сравнить Шведское, побѣдоносное, гордое, закаленное въ бояхъ войско съ тогдашними Рускими, и кромѣ Меншикова, всѣхъ другихъ Русскихъ генераловъ съ Рейншильдомъ, Левенгауптомъ и другими Шведскими полководцами? Кромѣ того, самая числительная сила Шведской арміи была громадна. Уже не съ 10,000-ми, какъ прежде подъ Нарву, шелъ Король Шведскій, но совокупивъ всѣ средства. Дополняя сколь-

ко можно войско свое Поляками, даже Саксонцами и плѣнными Французами, онъ имѣлъ его около 120,000. Изъ сего числа генералъ Крассовъ оставался въ Польшѣ съ 10,000, Левенгауптъ былъ въ Ригѣ съ 15,000, Либекеръ въ Финляндіи съ 15,000. Въ Ревелѣ, Перновѣ и другихъ мѣстахъ соединилось 10,000; Померанію и Цвейбрикъ охраняли 10,000; въ Швеціи было готово до 20,000, а главная армія, подъ предводительствомъ самого Короля Шведскаго, состояла изъ 40,000 человѣкъ, грозившихъ *изгнать Русскую канальо изъ Европы плетьми безъ оружія.* Обогащенное добычею въ Польшѣ и Саксоніи, прежде закованное въ желѣзо, войско Шведское обогатилось золотомъ, хотя и не измѣнилось въ мужествѣ, гордясь славою столькихъ лѣтъ. Рѣдкій изъ Шведскихъ солдатъ не имѣлъ съ собою 25-ти червонцовъ. И такимъ войскомъ предводилъ *Карлъ XII-й*, военачальникъ, коего страшилась Европа, презрительно отзывавшійся о Марлборугѣ, пер-

*

вомъ полководцѣ своего времени. И сей самовластный предводитель и государь хотѣлъ истощить всѣ усилія своего генія на побѣду Россіи.

Если, какъ говорилъ Петръ, *все было имъ предуготовлено, о чемъ только могла помыслять мудрость человѣческая*, надежный на себя, могъ ли онъ предвидѣть, что измѣна и неожиданныя смятенія возмутятъ спокойствіе Россіи въ то время, когда ему надлежало управляться съ своимъ непримиримымъ врагомъ? И все надобно было ему превозмочь, и все умѣлъ превозмочь великій Царь.

Планъ впаденія Карла XII-го въ Россію былъ обдуманъ превосходно. Остановясь въ Познани, сколько для отдыха послѣ похода изъ Саксоніи, столько и для обмана непріятеля, онъ хотѣлъ повторить маневръ, употребленный имъ въ 1705 и 1706 годахъ подъ Гродно – ударить неожиданно, быстро, разбить Русскую армію, или разрѣзать ее и уничтожить отдѣльными частями. Но распоря-

женія Царя, опустошившаго Польшу до того, что на походѣ къ Познани Шведы не могли даже найдти чистой воды, и терпѣли неслыханныя затрудненія отъ разрушенія мостовъ, гатей и дорогъ, уже разстроили въ началѣ предпріятіе Карла XII-го. Съ утомленными войсками поднялся онъ однакожь въ началѣ Ноября и смѣло пошелъ въ Литву, но принужденъ былъ опять медлить на Вислѣ до 17-го Декабря, и только 29-го перешелъ за Вислу, уже въ жестокіе холода. Страсть побѣждать трудности и здѣсь увлекла Карла XII-го: онъ двинулся черезъ Мазовію, гдѣ сражался съ тамошними непокорными Станиславу жителями, и едва могъ пройдти лѣса и болота Мазовецкія къ 15-му Январю. Когда приближался онъ къ Гродно, Царь былъ уже тамъ (21-го Января 1708 года). Опустошая за собою всю страну, по коей шелъ за ними непріятель, стройно отступали Рускіе. Досадуя, что нигдѣ не находилъ непріятеля, съ легкимъ отрядомъ, изъ 800 человѣкъ,

Карлъ XII-й самъ бросился впередъ къ Гродно и едва не попался въ плѣнъ при своемъ неосторожномъ наѣздѣ. Только оплошность, или измѣна посланнаго въ Гродно бригадира Мюленфельда спасла Шведскаго Короля. Царь велѣлъ строго судить Мюленфельда и судъ приговорилъ его къ смерти, но дѣло было невознаградимо. Января 27-го Шведы заняли Гродно. Царь перешелъ въ Вильну. Карлъ XII-й показывалъ видъ, что обращается на Псковъ. Рускіе сосредоточились въ Полоцкѣ, гдѣ были у нихъ обильные магазины. Карлъ XII-й неожиданно двинулся къ Минску. Царь перешелъ въ Чашники, откуда могъ идти на Полоцкъ и отступать за рѣку Березину. Здѣсь магазины были у него заготовлены въ Копысѣ. Меншиковъ съ конницею заслонялъ Минскъ. Неутомимо, выступивъ 29-го Января изъ Гродно, шли Шведы семь дней до Лишнишки, отдыхали тамъ три дня, и 11-го Февраля достигли Сморгони. Здѣсь — въ мѣстѣ достопамятномъ тѣмъ,

что отсюда, черезъ сто лѣтъ послѣ Карла XII-го, помчался Наполеонъ обратно въ Парижъ, оставя гибнуть безъ начальства несчастные остатки своей великой арміи въ 1812 году — принужденъ былъ остановиться Карлъ XII-й, ибо походъ его отъ Альтранштадта до Сморгонь, въ продолженіе пяти мѣсяцовъ, по опустошеннымъ лѣснымъ, болотистымъ странамъ, и особливо осенью и зимою, совершенно изнурилъ его мужественное войско, когда Рускіе, сытые, хорошо одѣтые, отступали далѣе и далѣе, останавливаясь при каждой задержкѣ непріятеля, всегда готовые двинуться впередъ. Когда Карлъ XII-й былъ въ Сморгонахъ, Царь съ войскомъ находился въ Бѣшенковичахъ. Березина (столь достопамятная въ исторіи 1812 года) раздѣляла два враждебныя войска. Царь праздновалъ здѣсь, на рубежѣ славы Карла XII-го и Наполеона, рожденіе дочери своей, великой княжны *Анны Петровны*, незабвенной для Россіи прародительницы нынѣ благополучно

царствующихъ Монарховъ Русскихъ .Сближеніе обстоятельствъ замѣчательное! Видя необходимую остановку для отдыха Короля Шведскаго, Царь препоручилъ здѣсь войско Шереметеву и Меншикову, и 12-го Марта поскакалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 27 Марта, осмотрѣвши дорогою Великія Луки, Псковъ, Дерптъ и Нарву.

Такимъ образомъ первый планъ Карла XII-го былъ разрушенъ Царемъ. Онъ не засталъ Рускихъ въ расплохъ. Надлежало расположить новый планъ, и опять Карлъ XII-й придумалъ его превосходно. Цѣлью похода Шведовъ была *Москва*. Въ нее предлежали имъ три пути: одинъ черезъ Новгородъ и Тверь, другой черезъ Смоленскъ, а третій южнѣе, черезъ Сѣверскую область и Калугу, или Орелъ и Тулу. Король Шведскій избралъ послѣдній, хотя и дальнѣйшій путь. Причины предпочтенія были весьма важны. Если первый путь давалъ средства соединить силы на сѣверѣ, за то онъ велъ по лѣсистымъ

и неудобнымъ областямъ; второй заслонялся Смоленскою крѣпостью, и непріятель отступая имѣлъ всѣ удобства защищаться въ лѣсахъ и болотахъ, когда вся страна до Москвы не представляла непріятелю средствъ имѣть запасы. Третій путь велъ Шведовъ въ хлѣбородныя Русскія области, опустошеніе коихъ наносило важный вредъ самимъ Рускимъ, но главное, что всего менѣе готовъ былъ встрѣтить тамъ Шведовъ Царь, когда напротивъ Карлъ XII-й надѣялся найдти тамъ сильное подкрѣпленіе: *Мазепа*, престарѣлый гетманъ Малороссійскій, предавалъ ему судьбу свою, обѣщалъ ему возстановить противъ Царя Малороссію и продовольствовать Шведовъ припасами, извѣщая о согласіи на бунтъ Донскихъ казаковъ, Запорожцовъ, Калмыковъ, и готовности всѣхъ казаковъ Малороссійскихъ соединиться съ Шведами. Шведы могли оттуда двинуться на Москву, особливо развлекая силы непріятелей возстаніемъ южной Россіи. И въ то время, когда Русская армія

и Царь будутъ отвлечены къ югу, Либекеръ свободно могъ вступить въ Ингерманландію, соединить войска изъ Ревеля и Риги, взять Петербургъ и Новгородъ, и идти съ другой стороны къ Москвѣ. Скрывая свои обширныя намѣренія, Карлъ XII-й хотѣлъ сперва показать видъ, будто идетъ на Смоленскъ, дать тѣмъ средства соединиться съ нимъ Левенгаупту изъ Риги, быстрымъ маршемъ по удобной для походовъ землѣ перейдти въ Малороссію, открыть сообщеніе черезъ Волынь съ Польшею и поспѣшить въ Москву, или зазимовать въ обильномъ югѣ Россіи. Расположивъ такимъ образомъ военныя дѣйствія, Король Шведскій ожидалъ весны.

Царь имѣлъ удовольствіе встрѣтить въ Петербургѣ дорогихъ гостей: онъ вызвалъ въ новый городъ своихъ сестеръ, царевенъ Наталію, Марію и Θеодосію, и царицу Прасковью Θеодоровну съ тремя дочерьми ея, ѣздилъ встрѣчать ихъ въ Шлиссельбургъ и гулялъ съ ними по морю до Кроншлота. Онъ посылалъ тог-

да двѣ эскадры раззорять Финляндскіе берега, желая держать въ страхѣ Либекера. Храбрый Толбухинъ и шаутбенахтъ Боцисъ удачно исполнили препорученіе Царя, раззорили Борго, сожгли тамъ запасы лѣсовъ и напугали Шведовъ. Въ началѣ Апрѣля Царь получилъ извѣстіе о возстаніи Донскихъ казаковъ. Онъ ждалъ его, ибо искра бунта тлились тамъ уже давно, но преувеличенные слухи говорили, что весь Донъ возмутился; что посланный на Донъ, князь Юрій Долгорукій былъ убитъ, и буйныя толпы казаковъ стремятся къ Воронежу и Азову. Царь трепеталъ за свой Азовскій флотъ и Тавровскую верфь, куда переведено было кораблестроеніе изъ Воронежа. Нѣсколько времени думалъ онъ даже, не ѣхать ли ему самому на Донъ. Но Карлъ XII-й уже выступилъ въ походъ, уже успѣлъ пріобрѣсть поверхность надъ Рускими, и сокрушаясь сердцемъ, Царь спѣшилъ въ армію. Онъ жестоко простудился въ то время и мучился лихорадкою и

скорбутомъ, но ничто не могло удержать неутомимаго Царя. «Знаю, что безъ меня у васъ не обойдется,» писалъ онъ Меншикову, «но позовите меня только въ самой крайней нуждѣ. Богъ видитъ, что мочи нѣтъ, а безъ здоровья и силы служить невозможно.» Меншиковъ звалъ его, умолялъ пріѣхать, и онъ забылъ все. Исполненіе долга своего почиталъ онъ *службою*. На Донъ отправилъ онъ князя Василія Долгорукаго, и желая придать ему болѣе важности, отпустилъ съ нимъ юнаго царевича Алексѣя. Полномочіе дано было Долгорукому на казнь и милость. Нѣсколько полковъ изъ Петербурга и Кіева поспѣшно отправились на Донъ. Царь спѣшилъ въ армію, въ концѣ Іюня былъ въ Нарвѣ, и отсюда отправился къ Смоленску

Ненастная погода воспрепятсвовала Королю Шведскому начать дѣйствія ранѣе половины Мая. Ожидая, что онъ пойдетъ за Двину, Рускіе слабо прикрыли Березинскую переправу. Войско Русское растягивалось отъ

Лукомля до Пскова. Изъ Сморгонъ Станиславъ отправился въ Варшаву. До тѣхъ поръ онъ сопровождалъ Шведское войско и своего друга и покровителя; здѣсь разстался онъ съ нимъ, и разстался надолго. Въ другомъ мѣстѣ, и въ какихъ обстоятельствахъ должны были они увидѣться! Сапега остался въ Литвѣ. Карлъ XII-й, 5-го Іюня, двинулся, съ запасами на три мѣсяца, въ Городокъ, и 7-го Іюня безъ боя занялъ Минскъ. Пока отрядъ Шведовъ угрожалъ Борисову, Карлъ XII-й 9-го Іюня былъ уже въ Игуменѣ и 14-го на берегахъ Березины. Онъ переправился черезъ сію рѣку и спѣшилъ отрѣзать Рускихъ отъ Днѣпра, стараясь выиграть у нихъ время для похода на югъ. Рускіе предупредили однакожь его, быстро занимая Шкловъ и Могилевъ и охраняя Копысъ. Они стали за рѣкою Бабичемъ, укрѣпились окопами и хотѣли удержать непріятеля своею, какъ имъ казалось, недоступною позиціею. Карлъ XII-й обрадовался, что Рускіе остановились нако-

нецъ, и стремительно напалъ онъ на нихъ Іюля 2-го. Центръ Русской арміи прикрывали непроходимыя болота. Шереметевъ составлялъ правое, князь А. И. Рѣпнинъ лѣвое крыло. Карлъ XII-й увидѣлъ возможность пройдти по болотамъ, и прикрываясь сильною пушечною канонадою, самъ повелъ свои войска. Ночь и туманъ скрыли его движеніе. Король Шведскій и воины его брели черезъ рѣку по грудь въ водѣ, увязали въ болотахъ, но достигли своей цѣли. Рѣпнинъ, не ожидавшій съ сей стороны нападенія, отступилъ въ лѣсъ, смѣшался, и наконецъ предался бѣгству. Шереметевъ спѣшилъ отступить на Шкловъ; туда укрылся и разбитый корпусъ Рѣпнина. Дѣло происходило при мѣстечкѣ Головчинѣ. Удача при первой встрѣчѣ съ Рускими напомнила о непобѣдимости Карла XII-го. Рускіе потеряли 350 убитыми, до 700 ранеными и до 700 плѣнными; 5 пушекъ досталось Шведамъ. Побѣда стоила имъ 250 убитыми и 1300 ранеными. Генералъ Врангель былъ

убитъ. Съ Русской стороны палъ въ битвѣ генералъ-маіоръ Сведенъ. Такъ уже измѣнились и въ то время прежнія отношенія, что Карлъ XII-й торжествовалъ Головчинскій выигрышъ, какъ знаменитую побѣду. Онъ гордился, что битва выиграна его личною отвагою, велѣлъ выбить медаль, съ надписью, въ коей хвалился побѣдою *лѣсовъ, болотъ, укрѣплений и непріятелей* (Silvae, paludes, aggeres, hostes victi), и говорилъ горделиво: Victrices copias alium laturus in orbem (*Фарсалія* Лукана, V, 238). Царь не испугался мнимой великой побѣды Шведовъ. «Радуюсь,» говорилъ онъ, «что мои Рускіе до большой битвы обожглись на Шведскомъ огнѣ.» Но онъ оскорблялся дѣломъ Головчинскимъ и приказалъ строго изслѣдовать поведеніе Рѣпнина, ибо «многіе полки въ томъ дѣлѣ,» говорилъ Царь въ приказѣ своемъ, «въ конфузію пришли, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатскимъ,

а казацкимъ боемъ.» Рѣпнинъ по военному суду былъ разжалованъ въ солдаты, не смотря на всѣ свои прежнія заслуги, и поступилъ въ дѣйствительную строевую службу.

Но всѣ дѣйствія Карла XII-го ограничились послѣ сего въ теченіе трехъ мѣсяцовъ только движеніями, малыми сшибками, стараніемъ отрѣзывать отряды Рускихъ, и нигдѣ рѣшительно, ни одинъ шагъ не былъ проигранъ Рускими непріятелю. Удивляться ли? Самъ Царь былъ въ войскѣ и распоряжалъ всѣми движеніями. Шведы вскорѣ увидѣли себя въ положеніи бѣдственномъ. Между тѣмъ блестящіе успѣхи ознаменовывали распоряженія Царя. Карлъ XII-й забылъ о наступательныхъ движеніяхъ и думалъ только о спасеніи войска своего, отвсюду окруженнаго и отрѣзаннаго.

Августа 4-го Шведы переправились черезъ Днѣпръ и направились къ Пропойску. Рускіе заслоняли имъ путь на Смоленскъ, думая, что они идутъ туда. Царь находился въ Мстиславлѣ. Карлъ XII-й неожиданно повернулъ къ

рѣкѣ Сожѣ и 20-го Августа занялъ Чириковъ Царь сблизился къ нему отъ Климовичей. Карлъ XII-й ударилъ на Мстиславль. Онъ нетерпѣливо ждалъ къ себѣ въ то время Левенгаупта, шедшаго изъ Риги съ 15,000 войска, и потому до перехода черезъ рѣку Сожу старался онъ охранить переправу на Днѣпрѣ, дабы легче было сблизиться съ Левенгауптомъ. Царь слѣдовалъ за нимъ по теченію Сожи, передвинулся къ Смоленску и сталъ въ Добромъ на рѣчкѣ Напѣ. Августа 28-го Карлъ XII-й неосторожно растянулъ свое войско въ болотистыхъ мѣстахъ. Царь замѣтилъ невыгодное положеніе Шведовъ, и 29-го Августа князь М. М. Голицынъ напалъ на Шведскаго генерала Рооса, сбилъ его и погналъ. Карлъ XII-й услышалъ пальбу и самъ спѣшилъ на помощь. Руские отступили. Шведы потеряли убитыми до 2000. Руские утратили 200 убитыми, 1200 ранеными, и взяли у непріятеля 6 знаменъ и 3 пушки. Удача подъ Добрымъ заплатила за неудачу Голов-

чинскую. Царь радовался и писалъ Апраксину, что «какъ началъ онъ служить, то такого порядочнаго огня и дѣйствія отъ своихъ солдатъ не видалъ, и Король Шведскій могъ видѣть, что мы, Руские, уже не прежніе. «Карлъ XII-й видѣлъ и сознавалъ невольно превосходство распоряженій и храбрость Рускихъ, въ гнѣвѣ восклицая: *Москвитяне побѣждаютъ насъ*! Онъ забылъ всѣ свои планы и разсчеты, хотѣлъ мстить, пошелъ прямо на Рускихъ. Царь уклонился, оставилъ Мстиславль, шелъ далѣе, и 7-го Сентября стоялъ уже на Русской границѣ около Смоленска. Карлъ XII-й преслѣдовалъ его горячо, раздраженный неудачею до такой степени, что даже забылъ свое мѣсто и назначеніе полководца. Когда 9-го Сентября конный отрядъ генерала Баура напалъ на Шведскій отставшій отрядъ, самъ Карлъ XII-й бросился съ ротою Шведовъ на выручку, сбилъ Рускихъ и едва не погибъ, ибо Рускіе были подкрѣплены. Рота солдатъ, окружавшая Короля, была изру-

блена и только немногіе изъ вѣрныхъ драбантовъ защитили Короля; лошадь была убита подъ нимъ; онъ дрался пѣшій съ нѣсколькими солдатами противъ толпы непріятелей, пока подоспѣли на его выручку. Сентября 10-го подошелъ онъ въ Сторожахъ къ Русской границѣ. Но положеніе его было тогда уже гибельное. Непріятель не показывался; кругомъ лежали опустошенныя поля; отъ сообщеній съ Левенгауптомъ Шведы удалились; запасовъ у нихъ не было; голодъ страшно угрожалъ всей арміи. Карлъ XII-й рѣшился отступать, перейдти Сожу, вступить въ Сѣверскую область, гдѣ надѣялся найдти припасы по увѣренію Мазепы, и тамъ ожидать Левенгаупта, полагая, что движеніе главной Шведской арміи увлечетъ за нею Царя и дастъ средства пробраться Левенгаупту. Такъ безполезно было потеряно время въ движеніи на Смоленскъ. Забывая всѣ прежніе планы, Сентября 18-го Шведы поспѣшно перешли Сожу въ Кричевѣ, слѣдуя къ рѣкѣ Ипути.

Здѣсь вошли они въ лѣсь, простиравшійся на 80 верстъ, потеряли въ немъ дорогу, едва достигли границы Сѣверской области уже 22-го, переправились черезъ Ипуть и вступили въ Малороссію, но въ какомъ положеніи: на походѣ отъ Сожи Шведское войско питалось лошадинымъ мясомъ, не имѣя ни хлѣба, ни соли; солдаты умирали отъ жажды, ибо вода на пути ихъ была негодная для питья. А между тѣмъ Царь уже угадалъ и предупредилъ движеніе Карла XII-го.

Сентября 10-го, едва только двинулись Шведы, Русскіе отряды быстро полетѣли отъ Смоленска впередъ, обошли, перегнали Шведовъ и заняли Стародубъ. Шереметевъ пошелъ рядомъ съ Шведами; Бауръ преслѣдовалъ ихъ и не давалъ имъ покоя. Но всѣ сіи событія были только началомъ бѣдствій: ударъ страшный и неожиданный ожидалъ Карла XII-го, и сей ударъ нанесъ ему лично самъ Царь.

Мы говорили, что Карлъ XII-й медлилъ

около Смоленска, думая соединиться здѣсь съ Левенгауптомъ. Кромѣ помощи свѣжими войсками, сближеніе съ Левенгауптомъ было особенно важно тѣмъ, что онъ везъ огромные запасы хлѣба. Но обозъ, состоявшій изъ 8000 тѣлегъ, затруднялъ путь его по опустошенной Литвѣ, испорченными дорогами, гдѣ Рускіе тревожили между тѣмъ Шведовъ со всѣхъ сторонъ. Когда Царь увѣрился въ походѣ Карла XII-й за Сожу, онъ увидѣлъ, что Карлъ XII-й предоставляетъ Левенгаупта собственнымъ его средствамъ, уже не имѣя силы помогать ему. Царь вполнѣ постигъ важность соединенія Левенгауптова корпуса съ Шведскою арміею, и съ тѣмъ вмѣстѣ постигъ и возможность дѣйствовать отдѣльно противъ Левенгаупта. Надобно было для того отважиться на открытую битву, опасную и жестокую, какъ можно было полагать, судя по военнымъ дарованіямъ Левенгаупта, до тѣхъ поръ побѣждавшаго Рускихъ при каждой встрѣчѣ, когда Левенгауптъ

зналъ при томъ, что соединеніе его съ Карломъ XII-мъ возстановитъ силы Шведовъ. Царь не посмѣлъ ввѣрить дѣла столь важнаго ни кому изъ своихъ полководцовъ. Предоставляя имъ надзоръ за Карломъ XII-мъ, ибо здѣсь должно было только продолжать прежнюю систему дѣйствій, онъ самъ принялъ начальство надъ 12,000-мъ корпусомъ, взялъ съ собою Меншикова и князя М. М. Голицына, и 15-го Сентября выступилъ въ походъ къ Днѣпру.

Левенгауптъ находился 1-го Сентября въ верховьяхъ Виліи, и только 19-го успѣлъ перейдти подъ Шкловомъ черезъ Днѣпръ. Слыша о движеніи на него Царя и всячески избѣгая сраженія, онъ подослалъ подкупленнаго проводника, увѣрившаго Рускихъ, что Левенгауптъ еще далеко за Днѣпромъ. Трудно было обмануть великаго предводителя Рускихъ. Когда Шведы сближались къ Пропойску, Царь узналъ ошибку свою, велѣлъ повѣсить измѣнника проводника, мгновенно повернулъ войско,

и какъ ни спѣшилъ Левенгауптъ, Рускіе нагнали его 25-го Сентября. Здѣсь узналъ Царь, что силы Левенгаупта состояли не изъ 10-ти, какъ дотолѣ предполагали, но изъ 16,000 человѣкъ. Надлежало рѣшить важный вопросъ: должно ли было нападать съ меньшимъ числомъ? Царь рѣшилъ его приказомъ Бауру поспѣшать отъ Сожи къ Пропойску, но положилъ, *если онъ не придетъ въ теченіе двухъ дней, дать битву, не смотря на превосходное число непріятеля*. Онъ зналъ, что Левенгауптъ отдѣлитъ часть войска на защиту огромнаго обоза и тѣмъ ослабитъ себя. Упускать далѣе Шведскаго полководца было опасно, ибо Карлъ XII-й могъ воротиться на помощь ему. Сентября 26-го Рускіе завязывали битву, но Левенгауптъ ушелъ отъ нихъ. Сентября 27-го жестокая канонада на берегахъ рѣчки Ректы дала еще разъ Шведамъ средство продвинуть свой обозъ далѣе, подъ прикрытіемъ 3000 человѣкъ, къ Пропойску. Остальное войско Шведское стало при деревнѣ *Лѣсной*, заслоняясь

болотистымъ лѣсомъ. Бауръ не шелъ. Царь рѣшился сражаться безъ него. Самъ онъ повелъ черезъ лѣсъ свое войско, и въ полдень 28-го Сентября вывелъ его на поле, гдѣ Шведы снова хотѣли биться только для прикрытія отступленія. Стремительное нападеніе Царя принудило Левенгаупта принять генеральную битву. Сраженіе началось въ одно время по всей линіи. Шведскій полководецъ постепенно ввелъ въ огонь все свое войско. Царь самъ отважно скакалъ по рядамъ и посылалъ въ битву солдатъ, одушевленныхъ его присутствіемъ. «Государь!» сказалъ ему князь Рѣпнинъ, стоявшій солдатомъ въ ряду Преображенцовъ — «прикажи поставить сзади полковъ казаковъ и Калмыковъ, и вели имъ колоть всякаго, кто побѣжитъ. Мы умремъ, а не отступимъ, но еслибы кто и вздумалъ отступать, то поневолѣ предпочтетъ славную смерть безславной!» — «Спасибо, Рѣпнинъ, я не забуду тебя,» отвѣчалъ ему Царь, исполнилъ совѣтъ его и велѣлъ не щадить никого. — «Колите каждаго

бѣглеца,» говорилъ онъ, «не щадите даже и меня, еслибы побѣжалъ я самъ!» Никогда еще не дрались Шведы съ такимъ остервененіемъ, никогда Рускіе не бились такъ мужественно и крѣпко. Левенгауптъ принужденъ былъ отступить къ своему лагерю, находившемуся подъ селеніемъ Лѣснымъ, но еще не уступалъ побѣды. Слыша, что Бауръ уже близко, Царь остановилъ битву въ 3 часа по полудни. Едва примчался Бауръ съ войсками, въ 5 часовъ по полудни, битва отчаянная возобновилась, не смотря на темноту вечера и поднявшуюся выогу съ мокрымъ снѣгомъ и жестокимъ холодомъ. Левенгауптъ поставилъ въ ряды послѣдній резервъ свой, подошедшій къ нему отъ Пропойска. Рускіе превозмогли всѣ его усилія, вторглись въ Шведскій лагерь на штыкахъ, и только ночь, густой снѣгъ, усталость солдатъ и бѣгство непріятеля прекратили битву. Рускіе остались на полѣ сраженія. Самъ Царь провелъ нѣсколько часовъ, лежа на землѣ, завернувшись въ плащъ свой,

безъ пищи и безъ огня, покрытый снѣгомъ, заледенѣвшимъ на его одеждѣ. Съ разсвѣтомъ Русское войско пошло за непріятелемъ, но Левенгауптъ уже не думалъ сражаться и уходилъ, бросалъ раненыхъ, оставилъ часть обоза, бѣжалъ къ Пропойску, взялъ здѣсь малую часть обоза своего, изъ-подъ остальнаго забралъ лошадей и спѣшилъ переправиться черезъ Сожу. Мостъ былъ разломанъ. Рускіе отряды ждали Шведовъ на другомъ берегу рѣки. Левенгауптъ бросилъ остальной обозъ, бѣжалъ по теченію Сожи, переправился черезъ нея вплавь при деревнѣ Глинкахъ и спѣшилъ къ Карлу XII-му съ остатками войска. Рускіе захватили весь обозъ Шведскій. Меншиковъ съ конницею преслѣдовалъ Левенгаупта, когда генералъ Иффландъ напалъ съ фланга на арріергардъ его изъ Стародуба. Левенгауптъ отбивался, не думая о потерѣ, и едва могъ привести къ Королю въ Бѣлогорщѣ 5000 изнуренныхъ, полубезоружныхъ Шведовъ — бѣдный остатокъ лучшаго, свѣжаго войска, на

которомъ основывались надежды Карла XII-го.

Самъ Царь называлъ побѣду подъ Лѣснымъ *матерью Полтавской побѣды.* Не говоря о безмѣрныхъ выгодахъ, какія она доставила, Руские въ *первый разъ*, принудивъ къ битвѣ искуснѣйшаго изъ Шведскихъ генераловъ, сразились съ равнымъ, а въ началѣ битвы даже съ превосходнымъ числомъ непріятелей, выдержали весь отчаянный отпоръ его и побѣдили упорнымъ боемъ. Шведовъ было убито до 8,000, взято въ плѣнъ до 900, болѣе двухъ тысячь погибло и захвачено въ бѣгствѣ. Рускихъ было убито болѣе 1,100, ранено до 3,000. Въ числѣ раненыхъ Шведскихъ генераловъ находился принцъ Гессенъ-Дармштатскій. Вся Шведская артиллерія (17 пушекъ), 44 знаменъ и штандартовъ и до 7,000 повозокъ съ хлѣбомъ и съ аммуниціею достались побѣдителямъ. Побѣда была дотолѣ неслыханная и совершенная. Царь, съ войскомъ, плѣнными и добычею, отправился въ Смоленскъ. На дорогѣ, въ Чаусахъ, посѣтилъ онъ

*

принца Гессенъ-Дармштатскаго, засталъ его умирающимъ отъ ранъ, утѣшалъ его, и когда юный принцъ скончался, велѣлъ похоронить его съ почестью въ Смоленскѣ. Торжественно вступилъ Царь въ древній Смоленскъ. Знамена, пушки, плѣнные, безконечный обозъ слѣдовали за нимъ. Царь установилъ на вѣки праздновать *побѣду подъ Лѣснымъ* (Сентября 28-го), и на медали изобразилъ слова: *Голова лежитъ далеко отъ туловища* (Caput est a corpore longe). Всему войску разданы были медали съ надписью: *Достоному достойное.* Князя Мих. Мих. Голицына, «явившаго въ битвѣ львиную храбрость,» Царь обнялъ и разцѣловалъ на мѣстѣ сраженія. «Скажи, другъ мой,» говорилъ ему Царь, «чѣмъ могу я наградить тебя?»—«Государь! прости Рѣпнина!» отвѣчалъ Голицынъ. Царь зналъ, что Голицынъ лично не любилъ Рѣпнина, и невольно изъявилъ онъ удивленіе объ его просьбѣ. «Знаю, Государь,» отвѣчалъ Голицынъ, «что Рѣпнинъ мнѣ непріятель, но онъ любитъ тебя,

храбрый генералъ, надобенъ тебѣ, и если согрѣшилъ, то и пострадалъ за то довольно.» Царь немедленно возвратилъ Рѣпнину прежній чинъ его, но награждая его великодушнаго врага, снялъ съ себя Андреевскій орденъ и надѣлъ на Голицына.

Въ Смоленскѣ пробылъ Царь до 20-го Октября и опять спѣшилъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій черезъ Рославль и Брянскъ. И между тѣмъ въ Смоленскѣ успѣлъ онъ разсмотрѣть рисунки новыхъ гражданскихъ буквъ, велѣлъ сочинять Русскую Исторію, пересматривалъ переводъ Квинта-Курція и календарь на 1709 годъ, писалъ о разсадкѣ дубовъ въ Таганрогѣ, о присылкѣ къ нему какихъ-то, математическихъ чертежей... Непостижимый!

Можно вообразить, но не описать печаль и гнѣвъ Карла XII-го, когда къ его голодному войску явился Левенгауптъ бѣглецомъ съ остатками войскъ, и присутствіемъ своимъ только умножилъ затрудненія, въ какихъ находились Шведы. Трудно было рѣшить однакожъ, что

болѣе тревожило Короля: усиленіе недостатковъ и бѣдствій, или стыдъ пораженія? Онъ не слушалъ никакихъ оправданій, долго не хотѣлъ даже видѣть Левенгаупта, оставилъ его безъ должности при арміи, и никогда не совѣтовался, даже не говорилъ съ нимъ. Храбрый, но безразсудный Рейншильдъ овладѣлъ послѣ сего совершенно волею Короля, и рядъ безпрерывныхъ ошибокъ и противорѣчій самому себѣ составили съ тѣхъ поръ всѣ дѣйствія Карла XII-го.

Вступленіе въ Сѣверскую область ни сколько не умножило средствъ пропитанія и возможности отдыха Шведамъ. Мы уже видѣли, что впереди ихъ Стародубъ былъ занятъ Рускими, ибо полковникъ Скоропадскій, начальствовавшій Стародубскимъ казацкимъ полкамъ не участвовалъ въ замыслахъ Мазепы. Система опустошенія и здѣсь была распространена всюду. Селенія являлись опустѣлыя; жители сами разбѣгались, или были изгоняемы Рукисми; хлѣбъ, скотъ, имѣніе все было вывозимо и

истребляемо; дороги повсюду испорчены, мосты и гати разломаны. Рускіе ушли далеко впередъ, шли рядомъ съ Шведами, преслѣдовали Шведовъ, не сражались, но *губили* ихъ. Посланный куда либо отрядъ, отставшій солдатъ, пушка, тѣлега, замедлившія въ походѣ, дѣлались неминуемою жертвою или добычею. Карлъ XII-й хотѣлъ занять Новгородъ Сѣверскій, но Рускіе предупредили его, и когда онъ подошелъ къ Деснѣ, Рускіе уже переправились за сію рѣку и вездѣ ожидали его. Карлъ XII-й остановился 24-го Октября въ Горкахъ, мѣстечкѣ Черниговской губерніи, близъ Новгорода Сѣверскаго. Одна надежда оставалась ему здѣсь — на Мазепу, все еще увѣрявшаго въ преданности своей, готовности Малороссіи передаться Шведамъ, огромныхъ запасахъ въ Батуринѣ, Ромнахъ и Гадячѣ. Но Мазепа медлилъ, не открывалъ явно своей измѣны, а между тѣмъ въ плодоносныхъ областяхъ Малороссіи встрѣтили Шведовъ тѣ же бѣдствія, какія грозили имъ въ лѣсахъ и боло-

тахъ Литвы, кромѣ того, что къ нимъ присоединились еще вражда и непріязнь жителей.

Мазепа и измѣна его остались однимъ изъ народныхъ преданій въ Россіи и въ Малороссіи: доказательство, какое сильное впечатлѣніе произвело сіе событіе, никѣмъ неожиданное, и непонятное по причинамъ, какія могли побудить къ тому Мазепу.

Мы видѣли Мазепу низкимъ прислужникомъ Самойловича, клеветникомъ на своего благодѣтеля въ угоду любимца Софіи, достигшимъ черезъ свое вѣроломство гетманскаго сана и великихъ почестей. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати лѣтъ, Мазепа былъ ревностнымъ слугою царскимъ, ходилъ въ походы, строго исполнялъ всѣ повелѣнія Царя, отличался умными совѣтами, пользовался полною довѣренностію Петра. Чего хотѣлъ онъ на старости лѣтъ? Всяческая роскошь и нѣга услаждали жизнь его. Богатства его были безсчетны, а честолюбіе удовлетворялось великими наградами. Царь возвелъ его въ званіе дѣйствительнаго

тайнаго совѣтника, пожаловалъ ему орденъ Андреевскій (онъ былъ второй кавалеръ по основаніи ордена), испросилъ ему отъ Императора званіе князя, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, отъ короля Августа орденъ Бѣлаго Орла. Царь жаловалъ Мазепу кромѣ того деньгами, помѣстьями, разными отличіями, но что было всего драгоцѣннѣе, награждалъ его своею дружбою. Правда, что за всѣ сіи награды и милости онъ требовалъ отъ Мазепы управленія Малороссіею по его волѣ и повиновенія неуклоннаго. Но кто подумаетъ, что желаніе возвратить казакамъ старинныя вольности ихъ рѣшило Мазепу на измѣну, тотъ совершенно ошибется. Мазепа былъ не такъ простъ, чтобы немогъ понимать несообразности прежняго казацкаго быта съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, и притомъ, покорствуя Царю, онъ болѣе выигрывалъ лично въ обогащеніи и въ самовластіи, нежели при старинной, буйной казацкой волѣ. Еще менѣе можно полагать причиною вѣроломства Мазе-

пы любовь къ красавицѣ княгинѣ Дульской, знатной Полькѣ, родственницѣ Станислава, или личное оскорбленіе отъ Царя. Есть сказка, что однажды говоря съ Мазепою о преобразованіи Малороссіи, и услышавъ его смѣлыя возраженія, Царь вскричалъ гнѣвно: «Пора мнѣ приняться за васъ бунтовщиковъ!» схватилъ Мазепу за длинные усы его и сказалъ, что при первомъ противномъ словѣ велитъ сбрить ихъ и съ головою. Мазепа всегда униженно кланялся въ ноги Царю и не былъ ни Наливайкою, ни Полуботкомъ, Нѣтъ! вѣрнѣе всего, что Мазепа, боясь Малороссіянъ, не терпѣвшихъ его, угнѣтенныхъ имъ, мечтая о самобытномъ владычествѣ, желая достигнуть сана независимаго властителя, вступить въ родство съ Польскимъ Королемъ, и для того льстя своею любовью тщеславной Дульской, рѣшился измѣнить, когда ему обѣщали отдать Полоцкъ и Витебскъ, съ титуломъ *Полоцкаго герцога.* Станиславъ укрощалъ сею уступкою мятежную Литву и выигрывалъ

Польшѣ богатую Малороссію, которую Мазепа обѣщалъ возмутить и передать Полякамъ. Онъ надѣялся на остатки казацкаго своеволія, буйство Запорожцовъ, волненія на Дону, едва утушенный бунтъ Стрѣльцовъ въ Астрахани, пособіе Крыма, кочевыхъ Калмыковъ, и даже Башкировъ, когда между тѣмъ Король Шведскій побѣдоносно шелъ громить Рускія области. Мазепа могъ не понять генія Петра, могъ надѣяться на непобѣдимость Карла XII-го и увлечься въ договоры, когда Шведы шли въ Россію. Начало измѣны его не восходитъ далѣе 1708 года. Дотолѣ ревностно служилъ онъ Царю, бился за него въ Польшѣ, даже самъ просился въ битвы. Достовѣрно и то, что Мазепа скоро понялъ тщету своихъ суетныхъ предпріятій, раскаявался, медлилъ, но было уже поздно, и только неумолимый гнѣвъ Царя страшилъ его, когда съ отчаяніемъ въ душѣ, измѣнникомъ являлся онъ къ Карлу XII-му, только угрозы Короля Шведскаго открыть всѣ сношенія свои съ гетманомъ, заставили Мазе-

пу рѣшиться на измѣну. Слухи объ его предательствѣ и безъ того доходили уже къ Царю. Они не замедлили подтвердиться дѣломъ: 26-го Октября Мазепа явно передался къ непріятелю. Собравши до 5000 казаковъ, онъ перевелъ ихъ за Десну. Здѣсь казаки, думавшіе, что ихъ ведутъ на непріятеля, услышали о настоящемъ намѣреніи Гетмана. «Друзья!» говорилъ измѣнникъ, «намъ предстоитъ равная бѣда: побѣдитъ Царь—онъ уничтожитъ всѣ права наши и поработитъ насъ; побѣдитъ Король Шведскій—онъ отдастъ насъ ненавистной Польшѣ. Предупредимъ пособіемъ ему гибель нашу, купимъ дружбу его покорностью ему.» Немногіе казаки отвѣчали злодѣю согласіемъ; другіе бѣжали отъ него съ ужасомъ; нѣкоторые остались только потому, что боялись Шведовъ, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Неболѣе тысячи человѣкъ явилось съ Мазепою въ Горки. Карлъ XII-й принялъ Мазепу весьма ласково, слушалъ привѣтствіе его, говоренное на Латинскомъ языкѣ, долго

бесѣдовалъ съ нимъ и посадилъ его съ собою за обѣдъ.

Еслибы и не Петръ правилъ Россіею, измѣна Мазепы въ тогдашнихъ обстоятельствахъ была бы болѣе прискорбнымъ по неблагодарному вѣроломству, нежели опаснымъ по послѣдствіямъ дѣломъ. Малороссія, и безъ того ненавидѣвшая гетмана, закипѣла негодованіемъ, слыша, что онъ передался *королю еретику*, и *Католикамъ*, *проклятымъ Ляхамъ*. Немногіе откликнулись на призывный голосъ Мазепы, и что могли сдѣлать измѣнники, всюду стрегомые Русскимъ войскомъ? Самые Запорожцы не смѣли возстать явно. Бунтъ на Дону былъ уже тогда потушенъ. По Волгѣ и въ Астрахани вездѣ грозно стояли полки Русскіе. Ханъ Крымскій колебался и не смѣлъ начать набѣга. Присоедините къ тому мудрость и неусыпность Царя великаго.

Онъ былъ за Десною, въ мѣстечкѣ Погребкахъ, когда донесли ему объ измѣнѣ Мазепы.

Сначала онъ не повѣрилъ. Уже не въ первый разъ взводили на Мазепу подобные извѣты. Въ 1699 году полковникъ Забѣла оклеветалъ его въ сношеніяхъ съ Крымскимъ Ханомъ, но Мазепа оправдался. Гораздо ближе и важнѣе былъ доносъ Кочубея. Бывши другомъ Мазепы и вмѣстѣ съ нимъ клеветавши на Самойловича, Кочубей, дочь котораго выдана была за племянника Мазепы Обидовскаго, долго былъ вѣрнымъ услужникомъ Мазепы. Гетманъ осыпалъ его чинами и милостями, крестилъ у него другую дочь, Матрену, и въ старости оскорбилъ его жестоко: онъ влюбился въ свою крестницу, красавицу необыкновенную, и потребовалъ руки ея. Отецъ отказалъ, страшась грѣха, ибо законъ запрещалъ бракъ сей по родству и кумовству. Мазепа страдалъ, плакалъ, писалъ къ Матренѣ пламенныя письма. «Люблю тебя *сердечно шалоне*,» говорилъ онъ ей. «Легче мнѣ смерти на себя *сподѣваться*, нежь въ сердцѣ твоемъ отмѣны. Моя *коханая*! счастливши

мои письма, що въ рученькахъ твоихъ бываютъ, неже мои *бидны очи*, що *не оглядаютъ* тебя!» Матрена обольстилась любовью своего крестнаго отца, его славою и богатствомъ, бѣжала къ нему, и жила съ нимъ, презрѣвши стыдъ дѣвичій и горесть родителей. Пылая мщеніемъ за обиду, Кочубей не смѣлъ раздѣлаться за позоръ свой саблею, выбралъ путь безопаснѣе по его мнѣнію, и послалъ доносъ Царю объ измѣнѣ Мазепы въ началѣ 1709 года. Царь велѣлъ привезти къ себѣ доносщика и сообщниковъ его, полковника Искру, сотника Коваԋку, монаха, священника и другихъ, въ Витебскъ, гдѣ была тогда главная царская квартира. Головкинъ и Шафировъ должны были изслѣдовать дѣло. Оказалось, что обвинители явно вымышляли многое, и остальное основывалось на сомнительныхъ словахъ, невѣрныхъ слухахъ, пустыхъ толкахъ и женскихъ сплетняхъ. Головкинъ и Шафировъ, подкупленные (какъ многіе думали) золотомъ Мазепы, обвинили доносщи-

ковъ. Подвергнутые пыткѣ и пристрастному допросу, Кочубей и Искра отреклись отъ всего, признаваясь въ клеветѣ, вымышленной на Мазепу по личной злобѣ. Царь зналъ тайную причину ненависти Кочубея, и удовлетворяя оскорбленію гетмана, велѣлъ казнить обвинителей его. Имъ отрубили головы въ мѣстечкѣ Борщаговкѣ, близъ Бѣлой Церкви, 14-го Іюля 1709 года. Тѣла страдальцовъ почіютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Сообщники ихъ были наказаны и посланы въ ссылку. Черезъ три мѣсяца Мазепа передался Шведамъ. Оскорбленный до глубины души, Царь писалъ съ прискорбіемъ къ Апраксину о вѣроломствѣ новаго Іуды, «который былъ вѣрнымъ двадцать одинъ годъ, и приближаясь ко гробу (Мазепѣ было тогда около 65 лѣтъ отъ роду) сдѣлался измѣнникомъ и предателемъ.» Но не унывая при вѣсти о преступленіи неожиданномъ, Царь мгновенно принялъ всѣ мѣры предупредить слѣдствія измѣны. Онъ обнародовалъ манифесты, гдѣ изображалъ гнус-

ность поступка Мазепы, и призывалъ всѣхъ Малороссіянъ къ избранію новаго гетмана, обѣщая милости и награды вѣрнымъ, грозя неумолимою казнью измѣнникамъ. Царскіе гонцы помчались въ мѣста ссылки, гдѣ страдали сообщники Кочубея и Искры. Царскія граматы почтили память страдальцовъ именемъ «мужей славныя памяти, мучениковъ, пострадавшихъ за правду по злохитрости проклятаго измѣнника.» Семействамъ Кочубея и Искры возвращены были имѣнія и почетъ. Палей, жертва злости Мазепиной, съ честью возвращенъ тогда изъ Сибири. Всюду, гдѣ были запасы, сдѣланные Мазепою, Руские спѣшили захватить, увезти, истребить ихъ. Батуринъ, главный городъ и резиденція гетмана, защищаемый *сердюками*, или гвардіею гетманскою, и полковникомъ Чечелемъ, осмелился противиться. Меншиковъ явился съ войскомъ, осадилъ Батуринъ, взялъ приступомъ Ноября 2-го, и по вывозѣ пушекъ, оружія, запасовъ и казны Мазепиной, сжегъ его.

Сокровища Мазепины хранились еще за Днѣпромъ въ Бѣлой Церкви. Князь Д. М. Голицынъ осадилъ, занялъ сей городъ, а Ноября 5-го, въ Глуховѣ, въ присутствіи Царя и по его повелѣнію, былъ избранъ въ гетманы добродушный, смиренный и кроткій полковникъ Стародубскій Скоропадскій. Умножая омерзѣніе народа къ Мазепѣ, Царь повелѣлъ совершить надъ нимъ заочную казнь. Чучела, изображающая Мазепу, выставлена была на площади Глуховской. Въ соборномъ храмѣ Мазепа преданъ былъ анаѳемѣ отъ собравшагося духовенства. Палачъ сорвалъ потомъ съ чучелы его ордена, изорвалъ граматы, билъ ее, волочилъ по улицамъ при народныхъ проклятіяхъ, и повѣсилъ за городомъ. Анаѳема Мазепѣ повторена была въ Москвѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ. Всѣмъ перешедшимъ съ Мазепою, всѣмъ соумышленникамъ его обѣщано прощеніе, и обѣщаніе такъ сильно подѣйствовало, что даже два главные помощника Мазепы, полковники Апостолъ

и Галаганъ, увидѣвшіе безнадежность дѣла Мазепы, явились къ Царю и удостоились его милости и почестей (Апостолъ въ послѣдствіи былъ гетманомъ; сынъ его женился на дочери Кочубея). Подкрѣпляя усердіе Малороссіянъ, между коими донынѣ имя *проклятаго Мазепы* осталось самою поносною бранью, Царь объявилъ Малороссіянамъ особенныя награды за истребленіе непріятеля: за взятіе каждаго генерала Шведскаго обѣщано было по 1000 рублей, за офицера по разсчету чина, и за каждаго солдата по 25 рублей, а за убитаго Шведа по 9 рублей.

И не только слѣды измѣны были изглажены, но ненависть Малороссіянъ усилилась, особливо, когда Шведы, обманутые въ надеждѣ продовольствія и возстанія Малороссіянъ, начали производить насильственные поборы, отнимать имѣнія у жителей, не щадили никого, и раздраженные враждою казаковъ и Малороссіянъ, дерзнули наложить святотатственную руку на храмы Божіи. Мало-

россіяне съ омерзѣніемъ бѣжали отъ непріятеля и истребляли его, какъ и чѣмъ только могли. «Малороссіяне такъ твердо стоятъ,» писалъ Царь Апраксину, «что нельзя больше требовать; отвергаютъ письма Короля и гнушаются именемъ Мазепы.» Голодъ, нужды, страданія Шведовъ умножились. Уже Карлъ XII-й не могъ удерживать въ войскахъ прежней строгой дисциплины. Онъ терялъ даже иногда свою всегдашнюю бодрость, и сидѣлъ задумчивый, какъ будто безчувственный. Казалось, что союзъ съ Мазепою, ничего не принесшій ему, кромѣ безславія, особенно убивалъ его. Скорбь и уныніе Короля умножали грустныя вѣсти изъ Польши и Ингерманландіи: тамъ всюду были только неудачи и несчастія. Польша проклинала имя Карла XII-го. Станиславъ едва держался. Король Шведскій получилъ еще тогда извѣстіе о кончинѣ любимой старшей сестры своей, Герцогини Голштинской. Онъ слышалъ, что уже всюду измѣнялись его прежнія отношенія, Данія и Прус-

сія начинали угрожать. Въ самой Швеціи оказывались неудовольствія. Слава прежнихъ побѣдъ исчезала въ увеличенныхъ слухахъ о несчастномъ походѣ Короля Шведскаго въ Россію. Онъ былъ еще однакожь твердъ, неукротимъ по прежнему, являлся передъ войскомъ мрачный, но грозный и крѣпкій духомъ. Одинъ изъ офицеровъ осмѣлился роптать при немъ и говорить: «Куда ѐще поведутъ насъ?» Король угрюмо взглянулъ на него. «Какъ ты смѣешь разсуждать?» вскричалъ онъ. «Еслибы я повелъ васъ туда, куда въ три года не дойдутъ къ вамъ извѣстія изъ Швеціи ты долженъ повиноваться!» Дерзкій офицеръ умолкъ, но уже и солдаты осмѣливались негодовать и жаловаться. Когда Карлъ XII-й смотрѣлъ однажды войско свое, одинъ изъ старыхъ солдатъ его подалъ ему кусокъ черстваго, гнилаго хлѣба, говоря: «Посмотрите, В. В., какой мы ѣдимъ хлѣбъ!» Король хладнокровно взялъ хлѣбъ, отломилъ немного, разжевалъ, съѣлъ, и оборотясь къ старому

воину отвѣчалъ: «Да, мой другъ, хлѣбъ точно не хорошъ, но ѣсть его можно. Что жь ты жалуешься? Поди и посмотри — у меня такой же хлѣбъ!»

И ничто не могло поколебать упрямой воли Карла XII-го. Генералы его и Пиперъ умоляли его не думать болѣе о побѣдахъ и отступить въ Польшу. Упорство и гордость Карла XII-го отвергли всѣ ихъ предложенія. Мысль признать себя побѣжденнымъ безъ рѣшительнаго, послѣдняго боя, была не выносима Шведскому герою — *побѣдить* или *погибнуть* рѣшился онъ.

И онъ влачился — ибо можно ли было назвать иначе безцѣльный, гибельный походъ его? — влачился, куда влекли его случайности войны. Какая еще могла быть цѣль его дѣйствій? Мечта о нечаянной побѣдѣ, мысль, что счастіе, какъ нибудь обратится къ нему, соперникъ ослабѣетъ въ дѣятельности, найдутся еще средства, и можетъ быть, *одна битва* рѣшитъ дѣло, одна новая Нарвская, Клишовская,

Фрауенштадтская побѣда возвратитъ все, что потеряно годами. Тщетныя надежды!

Ноября 1-го Шведы переправились черезъ рѣку Десну. Малый отрядъ Рускихъ заставилъ ихъ потерять при переправѣ до 1600 убитыми и ранеными. Карлъ XII-й поспѣшилъ занять зимнія квартиры въ Гадячѣ и Ромнѣ. Онъ пришелъ въ первый изъ всѣхъ городовъ 18-го Сентября,едва успѣвши предупредить Рускихъ. Опустошенный Роменъ занятъ былъ Шведами безъ сопротивленія, 11-го Ноября. Царь принужденъ былъ отвести на то время войско свое къ Путивлю и Лебедину, и раздвинулъ отряды Рускіе до Полтавы, ибо ему надобно было снабдить свое войско припасами и предупредить дальнѣйшія предпріятія Шведскаго Короля. Въ Полтаву опредѣлилъ онъ коммендантомъ храбраго полковника Келина. Но Рускіе немедленно сдвинулись тѣснѣе.Генералъ Ренъ сталъ въ Опошнѣ, князь Волконскій въ Миргородѣ и Нѣжинѣ. Весною, уже не опасаясь неудачи, Царь предполагалъ начать вой-

ну наступательную и уничтожить своего непріятеля. Побѣда была уже несомнительна.

Переходъ въ глубину Малороссіи мало облегчилъ Шведовъ. Они успѣли достать нѣсколько запасовъ, но какъ будто сама природа вооружилась здѣсь противъ нихъ: зима съ 1708-го на 1709-й годъ была неслыханно жесткая. Во всей Европѣ давно не запоминали такихъ свирѣпыхъ холодовъ, какіе были въ то время. Шведы гибли отъ стужи, лишенные теплой одежды, продовольствія дровами, стоя на тѣсныхъ квартирахъ. Увидимъ далѣе, что остановивъ войско свое на удобныхъ и снабженныхъ продовольствіемъ зимнихъ квартирахъ, Царь не прекращалъ войны, и самую зиму сдѣлалъ себѣ союзницею и орудіемъ гибели непріятеля. Но сіи дѣйствія соединяются уже съ повѣстью о великихъ событіяхъ славнаго для Россіи *1709 года*. Обозримъ здѣсь дополнительныя подробности дѣлъ 1708 года.

По предположенному Королемъ Шведскимъ плану, съ весны начали готовиться Шведы

къ нападенію на Петербургъ, но приготовленія были медленны, слабы, ничтожны. Узнавши, что отрядъ Шведскій собрался въ Вейсенбергѣ, Апраксинъ напалъ на него и разбилъ его, въ Августѣ 1708 года. Не прежде конца Августа Либекеръ рѣшился выступить изъ Выборга, ведя съ собою до 14,000 Шведовъ и Финновъ. Шведы пришли къ Невѣ и переправились черезъ нее ниже устья Тосны, 30-го Августа. Они сбили здѣсь слабые отряды Апраксина. Слѣдуя предписаніямъ Царя, Апраксинъ не выходилъ въ битву, укрѣпился въ Петербургѣ, посылалъ тревожить непріятеля, оголодилъ всю окрестную страну, испортилъ дороги и окружилъ Шведовъ отрядами казаковъ. Либекеръ, надѣявшійся найдти продовольствіе въ Ингерманландіи, увидѣлъ себя въ ужасной крайности. Многочисленность войска только губила его, ибо Русскіе всюду избѣгали сраженія. Шведы устремились въ глубь страны, ища продовольствія; вмѣсто похода на Петербургъ, напали на

Копорье и здѣсь перехватили извѣстія отъ Апраксина, писавшаго Копорскому комменданту, что онъ идетъ на помощь къ нему съ большими силами. Либекеръ повѣрилъ хитрому обману, до того испугался, что началъ отступать, не смѣлъ воротиться на свой прежній путь, и потерявъ цѣлый мѣсяцъ въ утомительномъ и безполезномъ походѣ, 29-го Сентября приблизился къ морскому берегу близъ Колгапя, зная, что неподалеку оттуда находится Шведская эскадра. Начальствовавшій эскадрою, адмиралъ Анкершернъ затруднился, услыша въ предложеніе Либекера перевезть его въ Финляндію. Когда наконецъ безразсудный Либекеръ началъ перевозить людей на корабли, Апраксинъ явился, напалъ на остававшихся на берегу Шведовъ, захватилъ весь обозъ ихъ, взялъ 200 плѣнныхъ, не считая болѣе тысячи убитыхъ и раненыхъ. Либекеръ почелъ себя счастливымъ когда успѣлъ уйдти въ Финляндію съ изнуреннымъ остаткомъ своихъ войскъ. Предпрія-

тіе его было начато и ведено до такой степени безъ всякихъ соображеній, что не взявши съ собой запасовъ, онъ не взялъ даже и пушекъ, хотя предполагалъ осаждать и взять Петербургъ и Шлиссельбургъ, и долженъ былъ послѣ того идти на Нарву, или на Новгородъ. Царь наградилъ Апраксина за его благоразумныя распоряженія чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и титуломъ графа.

Еще безуспѣшнѣе были покушенія Станислава возвратить себѣ власть въ Польшѣ и подчинить ее своему владычеству. Король Августъ, сохраняя договоръ, не являлся въ Польшу, даже стараясь показать видъ совершеннаго невниманія, отправился въ императорскую армію и участвовалъ въ знаменитой кампаніи, совершенной тогда во Фландріи принцомъ Евгеніемъ. Но тайные агенты Августа возмущали Польшу, гдѣ соединили силы свои за него Синявскій и Поцей. И Станиславъ и Августъ должны были однакожь

на время оставить всѣ предпріятія: несчастная Польша, раззоренная семилѣтнею войною, междоусобіями, переходами войскъ, поборами всѣхъ родовъ, опустошеніями со всѣхъ сторонъ, представляла зрѣлище ужаса и гибели. Голодъ терзалъ жителей; селенія являлись опустѣлыя и выжженныя; поля зарастали бурьяномъ и хлѣбъ по нѣскольку лѣтъ не былъ засѣянъ на плодоносныхъ прежде нивахъ. Гніющими трупами усѣяны были лѣса и дороги. Болѣзни были неминуемымъ слѣдствіемъ несчастнаго состоянія Польши и заразительныя повѣтріи начались лѣтомъ 1708 года; въ Варшавѣ умерло тогда отъ нихъ болѣе 15-ти, въ Данцигѣ болѣе 24-хъ тысячь человѣкъ. Спасая жизнь, народъ бѣжалъ изъ городовъ и селеній. Но едва осенью болѣзни начали прекращаться, междоусобія возобновились. Станиславъ двинулся въ Тикочинъ, Крассовъ въ Пултускъ. Синявскій отступилъ къ Люблину, и преслѣдуемый непріятелемъ перешелъ на Волынь, гдѣ соединил-

ся съ Рускими, бывшими подъ начальствомъ Гольца. Рыбинскій и Поцей разбили Потоцкаго за Вислою при Конецполѣ; потерявъ болѣе 3000 изъ 8-ми, и 4 пушки, Потоцкій бѣжалъ къ Эльбингу, но Шведскій коммендантъ, боясь, что Поляки совершенно оголодятъ сію страну, прогналъ ихъ оружіемъ, не думая о томъ, что Потоцкій защищалъ дѣло Станислава.

Мы упоминали о бунтѣ Донскихъ казаковъ и надеждахъ Мазепы на сіе возмущеніе, а равно на бунтъ Стрѣльцовъ Астраханскихъ. Дѣйствительно, бунтовщики Донскіе сносились съ старовѣрами Русскими въ Астрахани и съ Запорожцами, но собственно бунтъ ихъ произошелъ отъ причинъ особенныхъ и совсемъ не былъ общимъ возстаніемъ Донцовъ. Мѣры, принимаемыя Царемъ для обузданія своевольства казацкаго на Дону, такъ же, какъ въ Малороссіи, производили неудовольствія во многихъ. Сильные гарнизоны въ Азовѣ и въ разныхъ мѣстахъ по Дону смиряли буй-

ство казацкое. Царь запрещалъ поѣзды Донцовъ по морю, ссоры съ Крымомъ, несогласія съ Калмыками, перекочевавшими тогда на правый берегъ Дона. Почетные изъ казаковъ, награждаемые Царемъ и видѣвшіе выгоду повиноваться и невозможность противиться, служили ему ревностно и усердно, унимая ропотъ невѣждъ, старовѣровъ и черни. Донцы ревностно участвовали въ утишеніи бунта Астраханскихъ Стрѣльцовъ. Кромѣ обыкновеннаго жалованья на войско Донское (въ 1705 году состояло оно изъ 5000 рублей, 6000 четвертей хлѣба, 500 ведеръ вина, 155 пудовъ свинцу, и вмѣсто отпуска сукна, за 430 половинокъ деньгами выдано было 2,365 рублей), Царь наградилъ услугу Донцовъ присылкою 22,000 рублей и *честныхъ клейнодовъ* (бунчука, пернача, знаменъ).

Видя однакожь своеволіе многихъ непослушныхъ и притонъ раскольниковъ на Дону, Царь отправилъ князя Юрія Долгорукаго прекратить ссоры Донцовъ съ Малороссіянами

за Бахмутскія соловарни и съ Калмыками за придонскіе луга. Долгорукому велѣно было отыскать и забрать бѣглецовъ и раскольниковъ Русскихъ. Строгость изысканія возбудила ропотъ, которымъ воспользовался атаманъ *Кондратій Булавинъ*. Онъ собралъ шайки мятежниковъ, напалъ въ расплохъ на неосторожнаго Долгорукаго, истребилъ отрядъ его, умертвилъ Долгорукаго и призывалъ всѣхъ Донцовъ къ мятежу. «Злые бояре и Нѣмцы вводятъ Царя въ Еллинскую вѣру, а отъ православной отводятъ, отняли у насъ нашу казацкую вольность и губятъ насъ,» писалъ Булавинъ.

Но большая часть казаковъ, остававшаяся вѣрною, и сильное войско Русское, остановили мятежъ. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, вывелъ оттуда новыхъ сообщниковъ, разбилъ отрядъ войсковаго атамана Максимова, занялъ Черкаскъ въ Маѣ 1708 года. Бунтъ сдѣлался опаснымъ болѣе прежняго. Дѣятельныя мѣры Царя скоро остановили его. Разбитые

на Куртлагѣ, гдѣ собрались въ числѣ 15,000, бунтовщики бѣжали къ Азову и были тамъ снова разбиты. Вѣрные казаки ободрились, ворвались въ Черкаскъ и разогнали мятежниковъ. Булавинъ, осажденный въ своемъ домѣ, долго защищался отчаянно, и когда зажгли домъ, онъ не хотѣлъ сдаться и застрѣлился (7-го Іюля 1708 года). Смертью его былъ остановленъ бунтъ. Князь Василій Долгорукій, посланный Царемъ на Донъ, изыскивалъ всюду укрывавшихся мятежниковъ, и не видя спасенія отъ рукъ неумолимаго правосудія, остальные злодѣи, раскольники и бѣглецы Русскіе оставили Донъ, собрались толпами и бѣжали на Кубань подъ предводительствомъ казака Некрасова. Нѣсколько тысячь мятежниковъ было казнено, наказано и разослано въ ссылку. Домы и имѣнія ихъ отданы на грабежъ. Грозное правосудіе и въ то же время милости и награды вѣрнымъ казакамъ, вскорѣ уничтожили совершенно сѣмяна бунта, положивъ съ тѣмъ вмѣстѣ предѣлъ всякому начинанію смя-

тежій и своевольствъ на будущее время. Буйство Донцовъ утихло навсегда. Бѣглецы за Кубань, назвавшись по имени предводителя своего, *Некрасовцами*, не смѣли воротиться на Донъ, поселились на полуостровѣ Таманѣ, и непримиримая ненависть ихъ противъ Рускихъ перешла къ ихъ дѣтямъ и потомству. Ослѣпленные грубымъ расколомъ, они не подчинялись власти Русскихъ царей, безпрерывно стѣснявшей ихъ распространеніемъ предѣловъ Россіи. Съ Тамани мятежники ушли въ Анапу, потомъ бѣжали въ Анатолію, и въ 1787 году переселились въ Булгарію. Тамъ соединились съ ними другіе бѣглецы Русскіе. Подъ именемъ *Некрасовцовъ* жили они на Дунаѣ, выставляли Султану до 3000 человѣкъ войска, и всегда свирѣпо сражались съ Рускими, хотя хранили вѣру, нравы и одежду отцовъ своихъ. Благотворная десница Потомка Петрова присоединила наконецъ сію отпадшую вѣтвь къ великому Русскому древу въ 1828 году. Милость Царя побѣдила тогда вѣковую

ненависть Некрасовцовъ, добровольно поддавшихся кроткому владычеству Русскаго Государя.

Такъ прошелъ тяжкій для Царя 1708-й годъ, время упорной, безпрерывной борьбы съ непріятелемъ, когда внутри государства бунты и смятенія угрожали ему, и когда изумительная дѣятельность его не знала покоя, неусыпно сторожа всѣ предѣлы Россіи, слѣдя каждый шагъ врага, устремляясь въ битвы съ нимъ, укрѣпляясь успѣхами только на новые подвиги. Царь забывалъ свои тѣлесныя немощи. Больной поѣхалъ онъ изъ Петербурга въ армію и страдалъ потомъ почти безпрерывно, но не думалъ лечиться. Великіе труды предлежали еще ему въ будущемъ, хотя уже вѣрная надежда побѣды освѣтляла душу его. Мазепа, терзаясь отчаяніемъ, уже не надѣялся на Карла XII-го, за годъ до того времени устрашавшаго Европу. Онъ хотѣлъ даже искупить себѣ пощаду новою измѣною и тайно отнесся къ Царю, обѣщая предать ему своего покро-

вителя, Короля Шведскаго. Царь не удостоилъ измѣнника отвѣтомъ. Презрѣніе было отвѣтъ Царя.

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ВОЙНА ВЪ МАЛОРОССІИ. ПОЛТАВСКАЯ ПОБѢДА.

1709 годъ.

Но дало Русское *Ура!*
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы!
Жуковскій.

И грянулъ бой—*Полтавскій бой!*
Пушкинъ.

Мы оставили Карла XII-го на зимнихъ квартирахъ, гдѣ мало спокойствія нашелъ онъ, и гдѣ немного надеждъ на будущее могли освѣжить и успокоить душу его. Только гордость и упрямство Короля Шведскаго, сказали мы, заставляли его отвергать предложенія объ отступательномъ движеніи за Днѣпръ. Онъ еще разъ умѣлъ обольстить себя надеждами, еще разъ повѣрилъ своему счастью. Счастье давно уже измѣнило ему, а надежды его были бѣдны и почти несбыточны....

Мазепа и онъ все еще думали, что успѣхи привлекутъ къ нимъ Малороссіянъ; по крайней мѣрѣ, буйные Запорожцы пристанутъ

къ нимъ, Польша дастъ помощь войскомъ и деньгами, и наконецъ Турція и хищные Крымцы, пользуясь случаемъ мстить Россіи и отнять ея завоеванія, отвлекутъ Царя набѣгами и войною. Тщетныя ожиданія! Малороссія стояла крѣпко за Царя и не шла на измѣну и бунтъ. Въ Запорожцахъ только не ошиблись Король Шведскій и Мазепа — они возстали. Атаманъ ихъ, Гордеенко напалъ на Рускихъ и явился присягать Карлу XII-му и Мазепѣ. Хитрый Мазепа краснорѣчиво увѣщавалъ Запорожцовъ, указывалъ на себя, говорилъ имъ: «Видите, *дитки* мои, что за вольность вашу я не пощадилъ на старости ни счастья, ни головы моей!» Гордеенко и товарищи его плакали, клялись умереть за него, но когда потомъ вино разгорячило ихъ за роскошнымъ столомъ, Мазепа принужденъ былъ бѣжать отъ своихъ *дитокъ*, и въ пьяномъ видѣ, гости начали бить посуду, даже убили управителя Мазепина, разсерженные какимъ-то его противорѣчіемъ. Буйство, наг-

лость и безчеловѣчіе Запорожцовъ дѣлали ихъ предметомъ общаго презрѣнія въ Шведскомъ лагерѣ, хотя и принуждены были сносить всѣ ихъ наглости и буйство, надѣясь примѣромъ ихъ увлечь другихъ. Вскорѣ Карлъ XII-й перестаāъ вовсе ждать чего нибудь изъ Польши, узнавши о состояніи сей несчастной страны; онъ могъ опасаться даже за сохраненіе своего войска, въ Польшѣ оставленнаго.

Болѣе благопріятные виды открывалась Карлу XII-му на содѣйствіе Султана. Ахмедъ III-й, возведенный на престолъ послѣ низверженія янычарами брата его, въ 1703 году, былъ государь честолюбивый и желалъ возвратить Азовъ. Онъ подтвердилъ миръ съ Царемъ, присылалъ даже къ нему своего посла, но спорилъ о Таганрогѣ и Азовѣ и безпрерывно угрожалъ войною. Крымцы рады были воспользоваться случаемъ къ набѣгу. Когда громъ Шведскаго оружія наполнялъ Европу, посолъ Ахмеда явился въ лагерѣ Карла XII-го. Молва о подвигахъ Шведскаго Короля доле-

тѣла и въ Царьградъ. Турки прозвали Шведскаго Короля *Желѣзная голова* (Темиръ-башъ), такъ, какъ царя Петра назвали они послѣ Азовскаго похода *Бѣлые усы* (Акбікъ). Карлъ XII-й шелъ тогда въ Россію. Онъ обѣщалъ Султану союзъ и дружбу и хотѣлъ отправить въ Царьградъ своего посла. Султанъ призналъ Польскимъ королемъ Станислава, и посолъ Польскій началъ переговоры о союзѣ Швеціи и Турціи противъ Россіи. Посолъ царскій въ Царьградѣ, П. А. Толстой едва могъ преодолѣть тогда интригу Польскаго дипломата, обѣщая Султану удовлетвореніе на всѣ жалобы его. Въ 1708 году дѣло доходило почти до разрыва. Крымцы уже готовились къ набѣгу.

Но Царь не упускалъ изъ вида ни одного обстоятельства, коимъ могли еще льстить себя Король Шведскій и измѣнникъ гетманъ, сообщникъ его. Рѣшаясь на подвигъ борьбы рѣшительный, онъ умѣлъ предупредить всѣ интриги дипломатики въ Турціи, уничтожить

всякую надежду помощи изъ Польши и истребить коренное гнѣздо измѣны, Запорожцовъ. Между тѣмъ неусыпно старался онъ воспользоваться всѣми ближайшими средствами вредить Шведамъ. Мы говорили о жестокой зимѣ съ 1708 на 1709 годъ. Царь увидѣлъ возможность губить Шведовъ стужею, и нападеніями своими началъ вызывать ихъ въ битвы. По рѣшенію военнаго совѣта, бывшаго въ Лебединѣ, гдѣ находилась царская квартира, съ начала Декабря открыты были зимніе набѣги Рускихъ. Квартира королевская была тогда въ Ромнѣ. Войска Шведскія занимали Гадячъ, Лохвицы и Прилуки. Въ теплой одеждѣ, везомые на саняхъ, Рускіе отправились въ одно время къ Гадячу и къ Ромну. Услышавъ о нападеніи на Гадячъ, Карлъ XII-й выступилъ самъ изъ Ромна 16-го Декабря, но когда пришелъ онъ къ Гадячу, Рускіе уже отступили и Роменъ былъ занятъ ими въ его отсутствіе. Шведы простояли въ Гадячѣ два дня на бивакахъ.

Морозъ былъ столь жестокій, что птицы мерзли на лету, и 150 Рускихъ, не смотря на всѣ предосторожности, отзнобили себѣ руки и ноги. Можно судить, что потерпѣли Шведы, въ ихъ легкой, обветшавшей аммуниціи. Карлъ XII-й, какъ будто вознаграждая себя за походъ, хотѣлъ послѣ сего отнять у Рускихъ Веприкъ, и 25-го Декабря выступилъ къ сему небольшому городу. Генералъ Ренъ заманилъ его далѣе. Два дня преслѣдовалъ Рускихъ Карлъ XII-й среди лютыхъ морозовъ, при чемъ нѣсколько сотенъ Шведовъ замерзло. Видя безполезность погони, Король Шведскій повернулъ обратно и обратился къ Зенькову и Веприку. Онъ взялъ Зеньковъ. Жестокій холодъ принудилъ его возвратиться въ Гадячъ. Царь явился съ войскомъ въ Сумахъ, когда раздраженный упорствомъ защиты Веприка, Король самъ лично осадилъ его. Осажденные облили водою земляные валы крѣпости, такъ, что Шведы не могли взобраться по скользской ледяной корѣ, покры-

вавшей ихъ, и были отбиты. Недостатокъ пороха принудилъ наконецъ Рускихъ сдаться, но Веприкъ стоилъ Королю дорого: онъ потерялъ 1200 солдатъ и 40 офицеровъ убитыми и ранеными. Въ числѣ раненыхъ были генералъ-маіоръ Штакельбергъ и принцъ Виртембергскій; убиты были полковники братья Шперлинги и Фритцке, подполковники Морнеръ, Лиліенгринъ и графъ Гилденстолпе. Разгнѣванный король сжегъ Веприкъ. Но тяжелый урокъ не выучилъ его, и слыша, что Рускіе идутъ изъ Опошни освобождать Сорочинцы, осажденные Шведами, опять самъ Карлъ XII-й повелъ войско на Рускихъ, погнался за ними къ Краснокутску и едва не попался въ плѣнъ, преслѣдуя отступавшихъ съ малымъ отрядомъ, когда Рускіе внезапно обратились и напали на него. Онъ былъ впрочемъ весьма доволенъ, что успѣлъ расплатиться за всѣ неудачи разбитіемъ небольшаго Русскаго отряда. За то Рускіе отмстили ему въ Опошнѣ. Карлъ XII-й рѣ-

шился напасть, въ началѣ Февраля, на Ахтырку. Царь немедленно удалился оттуда, а Король Шведскій опять едва спасся отъ плѣна въ опустѣлой мѣльницѣ, когда Руские напали въ превосходной силѣ. Оскорбленный неудачею, Карлъ XII-й усилилъ свои нападенія и велѣлъ наконецъ жечь и грабить беззащитные городки и селенія. Краснокутскъ, Городня, Коломакъ, Рублевка, Колонтаевка были опустошены и выжжены. Шереметевъ успѣлъ отплатить Шведамъ за раззоренія ихъ нападеніемъ на Рашевку (14-го Февраля), гдѣ взятъ былъ въ плѣнъ Шведскій полковникъ Альбедиль. Генералъ Крейцъ едва спасся тогда отъ Рускихъ изъ Лохвицы. Оттепель, внезапно наставшая въ Февралѣ, дозволила Шведамъ выступить изъ опустошенныхъ зимою мѣстъ. Главная квартира королевская перешла въ Опошню 26-го Февраля, и въ Будищи 2-го Марта. Шведы сосредоточивались близъ Полтавы, между рѣками Пселомъ и Ворсклою. Руские сдвинулись къ

берегамъ Пела. Наступила весна. Надлежало приступать къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ. Что̀ хотѣлъ предпринять Карлъ XII-й? Зимою онъ показалъ уже уступчивость и довѣріе къ великодушію непріятеля, дотолѣ неслыханныя — послалъ къ Царю, прося его отпустить лекарствъ, въ коихъ терпѣли недостатокъ Шведы, и предложилъ размѣнять плѣнныхъ и заключить перемиріе на время зимнихъ холодовъ, говоря, что недостойно просвѣщенныхъ государей губить себя взаимно столь безчеловѣчнымъ образомъ. Царь обрадовался присылкѣ и велѣлъ отпустить лекарства въ изобиліи. Ему говорили, что онъ спасаетъ тѣмъ отъ гибели своего непріятеля. «Да,» отвѣчалъ онъ — «я воюю съ Шведами и изыскиваю всѣ средства къ ихъ гибели, но никогда не забуду чувствъ человѣколюбія.» — Я иначе поступилъ бы — сказалъ ему говорившій съ нимъ. «И я, можетъ быть, если-бы не былъ царь!» возразилъ Петръ. Въ перемиріи и прекращеніи военныхъ дѣйствій

онъ отказалъ рѣшительно, и велѣлъ сказать Королю Шведскому, что готовъ заключить прочный миръ, если Король согласится на честныя условія. Карлъ XII-й горделиво отвѣчалъ, что и онъ готовъ мириться, если Рускіе отдадутъ все взятое ими у Шведовъ и заплатятъ Швеціи убытки, причиненные войною. И такъ мира не могло быть. Царь даже и не отвѣтствовалъ на несообразное требованіе непріятеля. Жребій увлекалъ Карла XII-го. Зимняя война продолжалась послѣ сего свирѣпо съ обоихъ сторонъ. Ни Шведы, ни Рускіе не щадили другъ друга.

Не смотря на болѣзнь, забытую среди кочевой лагерной жизни, продолжавшейся въ теченіе слишкомъ года, считая съ отъѣзда изъ Петербурга въ Январѣ 1708-го, Царь не могъ и подумать объ отдыхѣ. Время перехода отъ зимы къ лѣту рѣшился онъ употребить на поѣздку въ Воронежъ, гдѣ готовился у него сильный флотъ. Царь хотѣлъ самъ вывести его въ море, предположивъ совершить

подвигъ смѣлый: если Султанъ не прекратитъ требованій и не подтвердитъ мира, отправитъ флотъ свой въ Черное море, разбить Турецкій флотъ, состоявшій всего изъ 27-ми кораблей, и идти къ Царьграду, угрожая столицѣ Султана. На пути въ Азовъ, Царь хотѣлъ обозрѣть едва только усмиренныя и успокоенныя области Донскихъ казаковъ. Препоручивъ войско свое Шереметеву и Меншикову, и снабдивъ ихъ подробными наставленіями, Царь выѣхалъ изъ Сумъ Февраля 3-го, посѣтилъ Меншикова въ Ахтыркѣ, пробылъ у него четыре дня, и черезъ Бѣлгородъ, Корочу и Старый Осколъ пріѣхалъ въ Воронежъ 13-го Февраля, продолжая путь въ саняхъ и въ тѣлегѣ, по причинѣ наступившихъ оттепелей.

Желая отдохнуть здѣсь въ семействѣ родныхъ и среди милыхъ ему людей, и какъ будто опасаясь не въ послѣдній ли разъ увидитъ ихъ, ибо великое, опасное дѣло, гдѣ не хотѣлъ онъ щадить жизни, предстояло ему, Царь вызвалъ въ Воронежъ изъ Москвы

сестру свою, царевну Наталію, изъ Петербурга Ѳ. М. Апраксина, изъ Малороссіи царевича Алексѣя и Меншикова. Какъ будто въ мирное время, спокойно занимался онъ дѣлами, спустилъ на воду нѣсколько кораблей, приготовилъ флотъ свой, и по вскрытіи рѣкъ, отпустя Меншикова въ армію, отправился съ Апраксинымъ въ Азовъ по Дону. Въ Черкаскѣ радостно встрѣтили его прежніе Азовскіе соратники, Донскіе казаки. Царь угощалъ ихъ по три дня, выставляя имъ бочки пива и меду. Онъ запросто ходилъ между Донцами и любовался ихъ вольнымъ казацкимъ разгуломъ. Въ Азовъ прибылъ Царь 27-го Апрѣля. «Слава Богу,» писалъ онъ Меншикову, «здѣсь нашелъ я все хорошо, и хоть иное и не такъ, потому что гдѣ хозяинъ долго не бывалъ, исправности во всемъ требовать невозможно, но нельзя не порадоваться, что тамъ, гдѣ за десять лѣтъ была пустыня, нынѣ устроились городъ и портъ.» Принужденный лечиться, ибо наконецъ болѣзнь преодолѣла его, Царь

съ сердечною грустью увѣдомлялъ Меншикова, что сильныя лекарства совершенно его обезсилили. «Во истину отъ нихъ я, какъ ребенокъ, безсиленъ сталъ», писалъ онъ. «Но ничто не удерживало его отъ трудовъ. Въ Азовѣ и въ Таганрогѣ распоряжалъ онъ дѣйствіями войскъ, дождался своего флота изъ Воронежа, вывелъ его въ море, и не смотря на бурное время экзерцировалъ его, разсылая между тѣмъ всюду приказы и отряжая войско на Запорожцовъ. Безпрерывные успѣхи во всѣхъ дѣлахъ радовали Царя. Султанъ встревожился, слыша о флотѣ Русскомъ, явившемся въ Черномъ морѣ. Онъ отвергъ предложенія Станислава, подтвердилъ миръ съ Россіею, и строго запретилъ вооружаться и начинать войну Крымскому Хану. Между тѣмъ полковникъ Яковлевъ, посланный изъ Кіева, спустился по берегамъ Днѣпра, и тщетно предлагавши помилованіе буйнымъ Запорожцамъ, раззорилъ одинъ изъ притоновъ ихъ, крѣпость Переволочну. Наказаніе только еще

болѣе раздражило мятежниковъ, Яковлевъ послалъ въ Сѣчу чиновника переговорить съ ними. Запорожцы бросили посланнаго въ Днѣпръ и всѣ вооружились на отчаянную защиту. Тогда Яковлевъ осадилъ главное скопище мятежниковъ, Сѣчу ихъ, находившуюся за Днѣпровскими порогами, на рѣкѣ Чертомлыкѣ. Напрасно еще разъ объявляли бунтовщикамъ помилованіе. Мятежники отвергли всякую милость царскую. Яковлевъ пошелъ на приступъ, и не смотря на отчаянное сопротивленіе Запорожцовъ, взялъ Сѣчу и захватилъ главныхъ бунтовщиковъ. Не успѣвшіе спастись бѣгствомъ погибли подъ штыками раздраженныхъ солдатъ. Болѣе 100 пушекъ найдено было въ Сѣчѣ. По приказанію Царя, Яковлевъ опустошилъ, сжегъ и уничтожилъ гибельное гнѣздо бунтовщиковъ. Немногіе изъ нихъ спаслись и успѣли достигнуть Шведской арміи, но они не нашли уже тамъ своего отважнаго атамана: Гордеенко погибъ въ одномъ изъ смѣлыхъ наѣз-

довъ на царское войско. Ненависть Запорожцовъ была такъ сильна, что они хотѣли лучше умирать съ Шведами и бѣжать къ Туркамъ, нежели покоряться. Царь объяснилъ необходимость строгаго наказанія Запорожцовъ въ манифестѣ своемъ, обѣщая пощаду всѣмъ изъ нихъ, кто явится съ покорностью, и восхваляя непоколебимую вѣрность Малороссіи.

Въ Польшѣ удачно дѣйствовалъ тогда генералъ Гольцъ. Соединясь съ Синявскимъ и Огинскимъ, онъ разбилъ войско Сапеги близъ Берестечка (Мая 11-го). Потерявъ до 2,000 убитыми, Сапега бѣжалъ въ Галицію, гдѣ укрывались остатки войскъ Потоцкаго. Станиславъ и Августъ ничего не предпринимали. Изъ Померанiи на помощь Крассову явилось нѣсколько Шведскихъ полковъ. Шведы занимали Сандомиръ. Станиславъ былъ въ Краковѣ.

Казалось, вниманіе всѣхъ въ Россіи, Польшѣ и Швеціи, начиная съ великолѣпныхъ дворцовъ царскихъ и королевскихъ въ Мо-

сквѣ, Стокгольмѣ и Варшавѣ, до бѣдной хижины поселянина на берегахъ Тобола и Торнео, сосредоточивалось тамъ, куда на дѣло рѣшительное, на *послѣднюю* битву, на окончаніе *девяти-лѣтней* войны, начавшейся на берегахъ Зеландіи и перешедшей въ степи Украинскія, сходились *царь Петръ* и *король Карлъ.* Казалось, всюду умолкла тогда брань и вездѣ ждали главнаго рѣшенія вопроса: кому пасть? — Вскорѣ общее вниманіе сосредоточилось на одномъ изъ небольшихъ городковъ Малороссіи, имя коего перешло въ исторію съ именемъ царя-побѣдителя. Сей городокъ былъ *Полтава.*

Можно было ожидать, что Король Шведскій, дѣятельно производившій мѣлкую войну въ концѣ 1708-го и въ началѣ 1709-го года, оживетъ духомъ съ наступленіемъ времени болѣе благопріятнаго военнымъ дѣйствіямъ. Могли предполагать, что отвергнувши въ послѣдній разъ предложенія мира съ прежнею неукротимою гордостью, онъ готовитъ какой

нибудь новый, неожиданный ударъ, и геній его, даже и погибая, освѣтитъ еще паденіе его блескомъ величія, и если и падетъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, падетъ со славою. Настала весна, время проходило, дни летѣли; положеніе Шведовъ становилось болѣе и болѣе гибельно; надежды ихъ болѣе и болѣе разрушались—Карлъ XII-й безмолвствовалъ, бездѣйствовалъ, не предписывалъ никакихъ движеній, не знаменовалъ себя ни чемъ отважнымъ, блестящимъ. Казалось, геній его погасъ и изобрѣтательный умъ его утомился. Онъ медлилъ, коснѣлъ, и наконецъ увлекся въ военныя дѣйствія, цѣль коихъ донынѣ тщетно думаетъ разрѣшить исторія. Упорство, съ какимъ Карлъ XII-й производилъ сіи явно безполезныя дѣйствія, осталось бы для насъ вовсе неразрѣшимымъ, еслибы мы не видѣли изъ всѣхъ дѣлъ Шведскаго Короля, что съ перехода своего за Десну онъ не имѣлъ уже никакой цѣли въ своихъ дѣлахъ — онъ былъ обреченная жертва судьбы не-

постижимой, окончательно взвѣсившей тогда на вѣсахъ своихъ жребіи Россіи и Швеціи.

Мы говорили, что съ наступленіемъ весны Шведское войско двинулось съ зимнихъ квартиръ, стало южнѣе, при рѣкѣ Ворсклѣ, сосредоточиваясь между Ворсклою и Пселомъ. Полтава была тогда небольшой городъ на берегу Ворсклы, главный въ казацкомъ полку сего имени, по причинѣ близости къ предѣламъ Черноморскихъ степей защищенный крѣпостью, состоявшею изъ земляныхъ валовъ и рва, составлявшихъ собою продолговатый, неправильный четыреугольникъ. Крѣпость сія находилась на возвышенномъ мѣстѣ, одинъ край коего круто сходитъ къ Ворсклѣ и къ рѣчкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу, ниже города. Другая сторона Полтавской возвышенности сходила отлогимъ косорогомъ въ долину. Полтава составляла небольшой хуторъ казачій въ началѣ XVII вѣка, но въ 1709 г. въ ней уже было до 4000 жителей. Здѣсь находились небольшіе

запасы, и составляя собою точку опоры для дѣйствій по теченію Ворсклы, Полтава была заранѣе, по распоряженію предусмотрительнаго Царя, занята сильнымъ Русскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ извѣстнаго храбростью полковника Келина. Предвидѣніе Царя оправдалось, когда Карлъ XII-й рѣшился взять Полтаву, хотя овладѣніе ею не представляло собственно никакой существенной выгоды Шведамъ. Кажется, что въ началѣ самъ Карлъ XII-й презиралъ ничтожный городишко и считалъ завоеваніе его дѣломъ мимоходнымъ. Но когда осажденные отвергли его предложенія о сдачѣ, когда потомъ упорно начали они защищать Полтаву, раздраженный сопротивленіемъ ихъ, Карлъ XII-й положилъ овладѣть Полтавою во чтобы то ни стало. И почти два мѣсяца истощалъ онъ безполезныя усилія, губилъ войско и время, какъ будто вовсе забылъ что должно потомъ послѣдовать, какъ будто вовсе не думалъ онъ о томъ, что его отвсюду окружаютъ сильныя

Русскія войска. Онъ не препятствовалъ имъ спокойно совершать всѣ свои движенія, даже не пользовался ошибками, какія сдѣлали въ то время Русскіе военачальники, не руководимые личнымъ присутствіемъ Царя.

Апрѣля 2-го Карлъ XII-й осмотрѣлъ Полтаву. Апрѣля 4-го Шведы хотѣли взять ее приступомъ, но были отбиты. Началась осада; она была однакожь ведена такъ медленно, что только 25-го Апрѣля Шведы вполнѣ обложили крѣпость и начали надлежащія осадныя работы. Узнавъ о томъ, Царь предписалъ отнюдь не допускать Шведовъ завладѣть Полтавою. Меншиковъ, начальствовавшій отдѣльнымъ корпусомъ за Ворсклою, пока Шереметевъ все еще стоялъ за Пселомъ, думалъ отвлечь Шведовъ отъ осады нападеніемъ на Опошню. Генералъ Роосъ, захваченный внезапно, уступилъ послѣ слабаго сопротивленія, но приближеніе Короля Шведскаго изъ Будищъ заставило Меншикова отступить за Ворсклу. Роосъ потерялъ 2 пушки; до 3000

Шведовъ попалось въ плѣнъ, до 600 было убито. Король Шведскій перешелъ къ деревнѣ Жукамъ близъ Полтавы и продолжалъ осаду сего города, предоставляя Меншикову стоять противъ Полтавы за Ворсклою, не думая воспользоваться раздѣленіемъ Русскаго войска и невыгодною позиціею Меншикова. Шведы вели осадныя работы тихо и медленно. Келинъ храбро ходилъ на вылазки, кромѣ 4000 гарнизона вооруживъ еще 2500 жителей. Показывая видъ, что снова хочетъ перейдти заВорсклу, Меншиковъ отвлекъ вниманіе осаждавшихъ и успѣлъ ввести помощь въ Полтаву. Карлъ XII-й горько улыбнулся, услышавъ о томъ, и сказалъ: «Видите ли, что мы научили Москвитянъ воевать?» И снова, не думая о невыгодной, ни чемъ неприкрытой позиціи Меншикова, когда Шведы могли переправиться за Ворсклу ниже и выше Полтавы, отрѣзать Русскій корпусъ со всѣхъ сторонъ, принудить его къ битвѣ, и превосходя въ силахъ, разбить, или такъ да-

леко отогнать, что онъ не могъ бы послѣ сего препятствовать ни взятію Полтавы, ни удару на Шереметева, слишкомъ отдалившаго свои войска отъ войскъ Меншикова. Карлъ XII-й довольствовался только тѣмъ, что отражалъ нерѣшительныя и худо обдуманныя движенія Меншикова и продолжалъ осаду Полтавы. Прошло два мѣсяца драгоцѣннаго времени. Царь, издали видѣвшій ошибку своихъ полководцовъ, разъединившихъ войска и дѣйствія, и подвергавшихъ себя опасности, безпокоился, писалъ, приказывалъ имъ соединяться и загладить тѣмъ свою неосторожность, спѣша между тѣмъ самъ прибыть въ армію. Миръ съ Турціею былъ подтвержденъ. Запорожцы были уничтожены. Донъ былъ спокоенъ. Польша отрѣзана отъ Шведовъ. Оставалось окончательно рѣшить распрю съ Карломъ XII-мъ. Царь выѣхалъ изъ Таганрога 31-го Мая, ѣхалъ степью на Бахмутъ, Изюмъ, Харьковъ, и 4-го Іюня прибылъ въ Русскій лагерь подъ

Полтавою, гдѣ еще 26-го Мая, до пріѣзда его, успѣли соединиться силы Шереметева и Меншикова. Погибель Шведовъ была послѣ сего неизбѣжна.

Все войско Шведовъ, послѣ перехода ихъ изъ Литвы, битвъ и зимняго пребыванія въ Малороссіи, составляло не болѣе 28,000 человѣкъ, съ тремя десятками пушекъ и малымъ количествомъ артиллерійскихъ снарядовъ, не говоря уже о нравственномъ упадкѣ Шведской арміи, разстройствѣ состава ея полковъ, недостаткѣ аммуниціи, изнуреніи людей и упадкѣ духомъ самого Карла XII-го. Русское войско, вполнѣ всемъ снабженное, пользуясь всѣми удобствами жизни, бодрое, оживленное надеждами и присутствіемъ Царя, при многочисленной артиллеріи, самымъ количествомъ превосходило Шведовъ почти въ двое, составляя болѣе 50,000 человѣкъ. Дальнѣйшее промедленіе рѣшить дѣло генеральною битвою было бы непростительною робостью, а ей чуждъ былъ Царь, только предусмотритель-

ный и осторожный. Потому съ самаго пріѣзда своего рѣшился онъ дать генеральную битву. Надлежало распорядиться войскомъ и выбрать мѣсто.

Карлъ XII-й продолжалъ бездѣйствовать, хотя послѣ сближенія всѣхъ Русскихъ войскъ за Ворсклу и онъ сдвинулъ всѣ свои войска къ Полтавѣ, располагая ихъ около города по теченію Ворсклы и занимая правый берегъ сей рѣки отдѣльными отрядами до самаго впаденія ея въ Днѣпръ ниже Полтавы, въ Старыхъ Санжарахъ, Бѣликахъ и Переволочнѣ. Неужели онъ готовилъ мѣры къ отступленію? Нѣтъ! Распоряженіе сдѣлано было безъ всякой цѣли, и безполезно отдѣлена была часть Шведовъ, ибо между тѣмъ Карлъ XII-й усиливался овладѣть Полтавою и готовился дать генеральную битву Рускимъ, все еще не сомнѣваясь въ ея успѣхѣ!

Іюня 1-го началось бомбардированіе Полтавы. Шведы бросили 32 бомбы, произведшія въ городѣ сильный пожаръ, и когда осажденные

кинулись тушить его, непріятель устремился на приступъ и взошелъ на крѣпостные валы. Предоставляя женщинамъ и старикамъ потушеніе пожара, осажденные спѣшили сражаться и отбили Шведовъ. Іюня 2-го Рейншильдъ прислалъ требовать сдачи города, представляя осажденнымъ невозможность защиты. Келинъ отвѣчалъ вылазкою, захватилъ у Шведовъ 4 пушки, и почью, въ другой вылазкѣ, отбилъ еще двѣ пушки. Іюня 4-го Царь открылъ сообщеніе съ городомъ черезъ рѣку, бросая письма въ Полтаву въ пустыхъ бомбахъ. Радостно узнали осажденные о прибытіи въ Русскую армію Царя, и отвѣчали, что имъ, «угнетаемымъ силою непріятеля, не вѣрится пришествіе спасителя, какъ апостолу Ѳомѣ не вѣрилось воскресеніе Христа.»—«Спаси насъ погибающихъ!» писали они. Укрѣпленные надеждою, Полтавцы поспѣшили въ соборную городскую церковь, поклялись не сдаваться, и опредѣлили казнить, какъ измѣн-

ника, каждаго, кто осмѣлится предложить о сдачѣ города.

Прибытіе Царя скоро узнали и въ Шведскомъ лагерѣ, примѣтивъ усиленную быстроту и живость движеній Русскаго войска, слыша радостные клики Русскихъ воиновъ, замѣтивъ наконецъ самого Царя, осматривавшаго окрестное мѣстоположеніе. Осада Полтавы была остановлена. Царь хотѣлъ немедленно перевесть войско свое на правый берегъ Ворсклы и напасть на непріятеля 8-го потомъ 11 Іюня. Іюня 7-го Карлъ XII-й сблизилъ все войско въ окрестности Полтавы, перешелъ за рѣку Полтавку и укрѣпился редутомъ на лѣвомъ берегу ея. Но все еще, ничего не довѣряя случайности, Царь отлагалъ битву, и всѣ дѣйствія Рускихъ ограничились нѣсколькими удачными сшибками. Іюня 10-го Русскій гарнизонъ, взятый въ Веприкѣ и содержавшійся въ Санжарахъ, извѣстилъ Царя о слабости надзора надъ нимъ. Царь послалъ сильный отрядъ войска. Плѣнные перебили стражу во

время смятенія, соединились съ избавителями своими, и Руские удалились захвативъ двѣ пушки и освободивъ тысячу плѣнныхъ. Не смотря на проливной дождь, 13-го Іюня Царь перевелъ за Ворсклу нѣсколько полковъ, поставилъ ихъ въ засадѣ, и смѣлымъ нападеніемъ на Шведовъ и поспѣшнымъ отступленіемъ навелъ ихъ на засаду. Въ смятеніи бѣжали Шведы. Самъ Король Шведскій бросился удерживать бѣгущихъ. Осажденные Полтавцы увѣдомили наконецъ Царя, что у нихъ всѣ припасы артиллерійскіе истощились. Онъ назначилъ уже тогда мѣсто битвы, и 16-го Іюня началась переправа Русскихъ войскъ за Ворсклу. Скрывая настоящее мѣсто, гдѣ располагалъ дать сраженіе, Царь въ одно время двинулъ войско ниже и выше Полтавы. Пока выше Полтавы Руские усиливали дѣйствія, отвлекая вниманіе непріятеля, другіе Русскіе корпуса перешли Ворсклу при самомъ впаденіи Полтавки, на правомъ берегу коей находился самъ Король Шведскій, на-

блюдая движеніе непріятеля. Царь показывалъ, что хочетъ перейдти Полтавку для освобожденія крѣпости, но гораздо ниже переходили въ то время Рускіе, и 20-го числа вся армія Русская была уже на правомъ берегу Ворсклы. По мѣрѣ перехода за рѣку, Рускіе ограждали себя ретраншаментами.

Карлъ XII-й понялъ наконецъ намѣреніе непріятеля, но неожиданное, несчастное событіе отняло у него средства распорядиться дѣйствіями, не допустить Рускихъ укрѣпиться и доставить Шведамъ выгоду сражаться во время переправы непріятеля черезъ рѣку. Ночью, осматривая положеніе мѣста, Король Шведскій наѣхалъ на казацкій пикетъ, увидѣлъ казаковъ, безпечно лежащихъ на землѣ, не вытерпѣлъ, сошелъ съ лошади и застрѣлилъ одного изъ казаковъ. Встревоженные товарищи убитаго выстрѣлили въ скрытаго непріятеля на удачу, бросились на лошадей и ускакали. Одна изъ пуль казацкихъ ранила Короля Шведскаго въ ногу. Онъ скрылъ

жестокую боль, возвратился въ лагерь, но его принуждены были уже снять съ лошади, ослабѣвшаго отъ сильнаго истеченія крови. Ужасъ объялъ всѣхъ, когда врачи объявили, что рана опасна и надобно будетъ отнять ногу. Только одинъ изъ хирурговъ заспорилъ, доказывая, что глубокіе прорѣзы достаточны отвратить опасную операцію. Карлъ XII-й согласился съ нимъ, велѣлъ ему дѣйствовать немедленно и протянулъ ногу. Врачъ взялъ инструменты и задрожалъ. «Рѣжь! Чего ты боишься?» сказалъ ему Король. Онъ самъ держалъ ногу свою во все время мучительной операціи. Жестокій обморокъ былъ слѣдствіемъ необыкновеннаго тѣлеснаго усилія. Два дня потомъ Король Шведскій не выходилъ изъ палатки своей и послѣ того не могъ уже сѣсть на лошадь. Такъ неумолимая судьба, какъ будто хотѣла показать, что оставляетъ Карла XII-го на погибель въ рѣшительную минуту. Но воля Карла XII-го все еще была непобѣдима. Онъ велѣлъ сдѣлать себѣ носилки

и качалку, въ коихъ носили его на рукахъ и возили на лошадяхъ. Блѣдный, слабый, онъ являлся по прежнему непоколебимымъ, даже казался веселымъ, шутилъ, ободряя своихъ унылыхъ солдатъ. Но тѣлесныя страданія отражались во всѣхъ его дѣйствіяхъ, когда и безъ того уже не былъ онъ прежнимъ Карломъ XII-мъ. Для чего не протянулъ онъ тогда руки на миръ и союзъ съ великимъ соперникомъ своимъ, такъ, какъ хотѣлъ онъ подать ему руку свою потомъ черезъ девять лѣтъ!

Мѣсто, избранное Царемъ для битвы, простиралось, какъ мы сказали, по берегу Ворсклы, отъ лѣваго берега Полтавки, теченіе коей составляло съ правымъ Ворскленскимъ берегомъ уголъ на лѣвомъ флангѣ Русскаго лагеря. Болотистые берега обѣихъ рѣкъ и редуты, а далѣе, къ верховьямъ Полтавки, густой лѣсъ, раздѣляли Русскихъ отъ Шведовъ. Здѣсь, примыкаясь тыломъ къ Ворсклѣ, Царь укрѣпился обширнымъ ретраншаментомъ, передъ

копмъ простиралась, почти на три версты въ ширину, обширная долина, ограничиваясь густымъ лѣсомъ далѣе съ сѣверной стороны. Сей лѣсъ склонялся отсюда къ другому лѣсу въ верховьяхъ Полтавки, и между ними оставался промежутокъ версты на двѣ, составлявшій, какъ будто проходъ, или ворота на долину, гдѣ расположилось Русское войско. Черезъ сей-то проходъ хотѣлъ устремиться Царь съ войскомъ и напасть на Шведовъ, стѣсняя ихъ къ Полтавѣ и къ берегу Ворсклы за лѣсъ по теченію Полтавки. Мѣсто было также обширно и свободно для принятія Шведовъ, еслибы они вздумали (какъ и случилось въ послѣдствіи) предупредить Рускихъ нападеніемъ.

Когда черезъ два дня послѣ тяжкой операціи Карлъ XII-й могъ уже лично распоряжать дѣйствіями войскъ, онъ осмотрѣлъ Рускій лагерь и рѣшилъ напасть на Рускихъ, не смотря на то, что далъ имъ время сильно укрѣпиться. Но сперва хотѣлъ онъ кончить

дѣло съ Полтавою, опасаясь оставить во флангѣ, или съ тыла, не взятую крѣпость. Гордость его страдала, видя ничтожный городишко устоявшимъ противъ всѣхъ его усилій. Велѣно было — взять Полтаву.

Іюня 21-го, вечеромъ, Шведы зажгли подкопъ, но безуспѣшно, ибо осажденные уничтожили дѣйствіе его контра-миною. Шведы съ воплемъ устремились на валы. Осажденные отбили ихъ, но всю ночь продолжали Шведы тревогу и пальбу. Думая, что утомленные защитники не въ силахъ болѣе противиться, на разсвѣтѣ осаждающіе упорно устремились снова со всѣхъ сторонъ. Битва была свирѣпая, остервенѣлая. Осажденные устояли. Шведы были отбиты. Отдыхъ былъ непродолжительный. Бомбы полетѣли въ городъ и подъ защитою сильной канонады Шведы взошли на валъ. Отчаяніе еще разъ одушевило осажденныхъ — женщины, дѣти, отроки, всѣ пошли въ бой, дрались, бросались въ огонь, тушили пожары, спасали раненыхъ,

уносили убитыхъ. Къ вечеру непріятель отступилъ. Келинъ видѣлъ, что далѣе держаться у него уже не было средствъ. Онъ истощилъ послѣднія усилія. Но ничто не сокрушало мужественныхъ Полтавцовъ. Опять въ соборномъ храмѣ Полтавскомъ собрались всѣ жители и подтвердили клятву—*умереть*. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ соборѣ осмѣлился сказать, что гибель явная ждетъ ихъ, и не лучше ли для спасенія жизни сдаться и просить пощады? Негодованіе разлилось во всемъ собраніи. «Смерть измѣннику!» закричали всѣ. Напрасно хотѣли уговорить раздраженныхъ пощадить несчастнаго. Онъ едва испросилъ позволеніе причаститься св. тайнъ, былъ извлеченъ изъ храма и побитъ каменьями. Простившись послѣ сего другъ съ другомъ и обрекаясь на смерть, Полтавцы пошли на валъ и ждали приступа. Но великодушныхъ защитниковъ Полтавы пощадило провидѣніе — приступъ 22-го Іюня былъ самый ужасный, и — послѣдній. Карлъ XII-й го-

товился въ битву и оставилъ осаду Полтавы, приказавъ только держать осажденныхъ въ страхѣ. Пальба по крѣпости продолжалась. Безпрерывная тревога не давала покоя осажденнымъ, но приступа не было. Упорство Полтавы и храбрая защита ея стоили 6,000 войска, погибшаго въ продолженіе осады. Осажденные потеряли во все время ея убитыми 1,186, и ранено изъ нихъ было 1,728 человѣкъ. Потомки мужественныхъ и вѣрныхъ Полтавцовъ могутъ гордиться своими предками: отцы ихъ были достойны Петра Великаго.

Когда съ обѣихъ сторонъ готовились на бой послѣдній, Царь, вымышляя вѣрныя средства побѣды, придумалъ новую ограду Русскому войску. Опасаясь стремительнаго напора Шведовъ, если они нападутъ, и сохраняя защиту на случай отступленія, если будетъ самъ нападать, онъ велѣлъ устроить въ промежуткѣ между двумя лѣсами (о коихъ мы упоминали выше) шесть сильныхъ

редутовъ, занявшихъ весь сей промежутокъ и расположенныхъ на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другаго. Предполагая дать битву въ день именинъ своихъ, 29-го Іюня, готовя се, какъ будто пиръ торжественный, Царь велѣлъ сдвигаться къ Полтавѣ гетману Скоропадскому съ казаками, стоявшему выше по Ворсклѣ, ждалъ еще 40,000 Калмыковъ, поспѣшавшихъ къ нему съ Дона, изъ числа коихъ 3,000 пришли 5-го Іюня. Но Карлъ XII-й предупредилъ Царя.

Іюня 25-го перебѣжалъ къ Шведамъ Нѣмецъ, унтеръ-офицеръ Семеновскаго полка, и опасеніе, что онъ можетъ открыть непріятелю подробности приготовленій къ битвѣ, заставило Царя поспѣшать сраженіемъ. Онъ усилилъ предосторожность, приказавъ начать отъ линіи редутовъ между лѣсами еще новую линію, перпендикулярно къ срединѣ ихъ, состоявшую изъ четырехъ редутовъ; не забылъ даже и того, что одинъ изъ новонабранныхъ полковъ, за недостаткомъ зеленаго сукна,

былъ одѣтъ въ сѣрые мундиры, и опасаясь, что непріятель, по указанію перебѣжчика, усилитъ на него нападеніе, велѣлъ обмѣняться ему мундирами съ однимъ изъ самыхъ старыхъ, лучшихъ полковъ, Новогородскимъ. Увидимъ, что предусмотрительность Царя была не напрасная.

Утромъ 26-го Іюня Царь распорядилъ диспозицію войскъ въ совѣтѣ своихъ генераловъ. Въ 1-мъ часу по полудни перебѣжалъ къ Русскимъ Полякъ и извѣстилъ о наступательномъ приготовленіи Шведовъ. «На зачинающаго Богъ!» сказалъ Царь, велѣлъ выходить полкамъ изъ ретраншаментовъ и строиться на полѣ. «Товарищи!» говорилъ онъ, объѣзжая полки — «завтра кончимъ мы войну битвою съ непріятелемъ, уже въ половину побѣжденнымъ. Съ нами Богъ и побѣда!» Радостными кликами отвѣчало войско. Въ словахъ своихъ гвардейскимъ офицерамъ Царь напоминалъ гордыню, свирѣпость непріятеля, гибель, коей обрекалъ онъ Россію. «Съ нами Богъ, крѣп-

кій во бранехъ,» продолжалъ Царь, «и во имя Его укротится зѣвъ львиный, притупится оружіе, угаснетъ сила огненная — вѣрующему все возможно!» — «Государь!» отвѣчалъ ему князь М. М. Голицынъ, старшій полковникъ гвардіи — «мы тѣ же, которыхъ ты видѣлъ подъ Лѣснымъ — уповаемъ на Бога и не измѣнимъ тебѣ!» «И я уповаю!» воскликнулъ Царь. Онъ поспѣшилъ къ полковникамъ всѣхъ полковъ, собраннымъ отдѣльно, говорилъ съ ними, и на слова его: «Порадѣйте, товарищи! Церковь и Отечество ждутъ нашего подвига!» послышались радостные клики. Имъ вторили восклицанія воиновъ: *Съ нами Богъ! Ура!* Полки двинулись и стали на свои мѣста.

Царь принималъ на себя главное начальство, не смѣя довѣрить его никому изъ подчиненныхъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ назначался командиромъ центра, Аллартъ лѣваго, князь М. М. Голицынъ праваго крыла, Меншиковъ всей конницы, князь А. И. Рѣпнинъ пѣхоты, Брюсъ артиллеріи. Планъ Царя со-

стоялъ въ томъ, что 17 конныхъ и 2 пѣхотныхъ полка стали за редутами, съ генералами Бауромъ и Реномъ, между двухъ лѣсовъ (редутами начальствовалъ бригадиръ Айгустовъ); 6 полковъ конныхъ, подъ начальствомъ князя Волконскаго, были на сообщеніи съ казаками и Калмыками, расположенными ближе къ Полтавкѣ; 58 батальоновъ пѣхоты находились у ретраншамента, а за ними стали остальныя нерегулярныя войска. Задержавъ сколько можно непріятеля у редутовъ, конница должна была отступать, идти направо и соединяться съ главною арміею, подъ прикрытіемъ артиллеріи ретраншамента. Совершивъ сіе движеніе, войска должны были быстро двинуться, не давая непріятелю времени устроить свои ряды.

Карлъ XII-й съ вечера приказалъ Рейншильду готовить въ бой Шведское войско. Рейншильдъ требовалъ диспозиціи. «Я самъ буду съ вами,» отвѣчалъ Король. Рейншильдъ молча вышелъ изъ палатки. Его встрѣтилъ Пиперъ,

и на вопросъ: «Что новаго?» — «Рейншильдъ отвѣчалъ угрюмо: «Ничего.» Рейншильдъ ничего не сказалъ тебѣ?» спросилъ Карлъ XII-й, когда Пиперъ вошелъ къ нему въ палатку. «Ничего, Государь,» отвѣчалъ Пиперъ. «Хорошо. Такъ знай же, что мы завтра деремся,» сказалъ Король, помолчавши съ минуту. Пиперъ содрогнулся. «Да,» прибавилъ Карлъ. «Твои дѣла послѣ—оставь меня. Я хочу спать.» Безмолвно вышелъ Пиперъ. Карлъ XII-й заснулъ спокойно.

Въ полночь Шведское войско устроилось къ бою, пѣхота въ четыре, конница въ шесть колоннъ передъ Русскими редутами. Не замедлилъ явиться Карлъ XII-й, везомый въ качалкѣ. Казалось, видъ добрыхъ, храбрыхъ воиновъ снова оживилъ его. Онъ былъ веселъ, распоряжался хладнокровно, говорилъ съ офицерами и солдатами, напомнилъ имъ Нарву. Изъ нихъ были еще свидѣтели Копенгагенской и Нарвской битвъ, хотя костями ихъ товарищей обильно усыпаны были поля Поль-

ши, лѣса Литвы, степи Малороссіи. «Мы будемъ сегодня обѣдать у Царя Московскаго,» говорилъ Король, улыбаясь. «Онъ много приготовилъ намъ кушанья. Друзья! я съ вами —идите, куда ведетъ васъ слава!»—«Съ Богомъ начинайте!» сказалъ онъ, пожимая руку Рейншильда. Рейншильдъ и Левенгауптъ, которому возвратилъ тогда Король свою довѣренность и милость, были главными начальниками; на лѣвомъ крылѣ Шведовъ находились генералы Гамильтонъ и Крузъ; въ центрѣ были Спаръ (губернаторъ Московскій), Штакельбергъ, Розенъ, Лагеркронъ; на правомъ крылѣ Шлиппенбахъ и Крейцъ.

Въ два часа по полуночи, съ приближеніемъ Шведовъ, загремѣли Русскія пушки въ редутахъ. Шведы шли непоколебимо. Ядра и картечи не остановили ихъ. Поражая штыками, бросились они на пушки, и два редута были уже въ ихъ рукахъ, когда конница Шведская успѣла прорваться въ промежутки редутовъ и сразилась съ Русскою конницею. Пѣхота шла

близко за нею и подкрѣпляла ее. Самъ Карлъ XII-й безстрашно ѣхалъ между рядами солдатъ своихъ. Лошади подъ его качалкою были убиты. Подъ свистомъ пуль и жужжаніемъ ядеръ впрягли другихъ. Меншиковъ, предводя Русскою конницею, не щадилъ себя; двѣ лошади были убиты подъ нимъ; генералъ Ренъ былъ жестоко раненъ и его унесли съ поля сраженія. Видя неукротимое стремленіе Шведовъ, въ 4 часа утра Царь велѣлъ Бауру отступать, наводя непріятеля на пушки ретраншамента. Радостно рванулись Шведы за Бауромъ, и Левенгауптъ, ведя ихъ, въ пылу боя не замѣтилъ, что генералъ Роосъ бился еще у редутовъ, когда остальныя пѣхота и конница Шведская были уже далеко за редутами, слѣдуя за отступавшею Русскою конницею. Пушки ретраншамента грянули во флангъ наступавшихъ Шведовъ, и въ безпорядкѣ спѣшили они отходить къ дальнему лѣсу, на противоположный ретраншаменту край поля. Левенгауптъ и Рейншильдъ поспѣшно

приводили здѣсь въ порядокъ Шведскіе ряды, заградившись пушками. Началась жаркая канонада съ обѣихъ сторонъ. Царь увидѣлъ, что Роосъ совершенно отдѣлился въ то время отъ главной Шведской арміи, находясь у редутовъ, и онъ воспользовался его замедленіемъ. Меншиковъ помчался на Рооса съ пятью конными полками, принудилъ его отступать въ лѣсъ къ верховью Полтавки, захватилъ въ плѣнъ генерала Шлиппенбаха, и самого Рооса заставилъ въ безпорядкѣ бѣжать въ Шведскія укрѣпленія подъ Полтавою, гдѣ, не видя средствъ защищаться, Роосъ сдался посланному за нимъ генералу Ренцелю, пока Меншиковъ поспѣшалъ присоединиться къ главному войску, стройно выступавшему изъ ретраншамента на долину, когда Шведы сражались у редутовъ. Хладнокровно, но быстро распоряжалъ устройствомъ ихъ Царь, ободренный первыми успѣхами битвы. Онъ отрядилъ полковника Головина открыть сообщеніе съ Полтавою и оставилъ генерала Гинтера охранять

редуты. Солдаты, отряженные въ ретраншаменты, умоляли Царя позволить имъ идти въ битву. «Чѣмъ провинились мы предъ тобою?» говорили они со слезами. «Дѣти! здѣсь также надобна защита. Молитесь Богу, а я незабуду васъ!» отвѣчалъ имъ Царь. Священники кропили полки св. водою, при пѣніи: *Спаси, Господи, люди твоя!* Князь Волконскій по прежнему оставался на сообщеніи съ казаками. Шереметевъ замѣтилъ, что отдѣленіе сильныхъ отрядовъ въ разныя мѣста ослабляетъ войско. «Неужели мы не побѣдимъ,» отвѣчалъ Царь, «еслибы насъ было и равное съ непріятелемъ число?»—«Но превосходство въ числѣ надежнѣе,» замѣтилъ Рѣпнинъ. — *Нѣтъ,* возразилъ Царь—*надобно надѣяться не на число, но на разумъ и мужество.*

Поставленная въ боевой порядокъ, главная Русская армія составляла плотную громаду изъ 42 батальоновъ пѣхоты и 17 полковъ и одного лейбъ-эскадрона конницы, съ 72 пушками. Войско Русское устроилось въ два ря-

да. Шереметевъ, Рѣпнинъ, Верденъ, князья Долгорукій, Голицынъ, Куракинъ были въ центрѣ; Бауръ, Бемъ, Вейсбахъ, Шомбургъ на правомъ, Меншиковъ, Алартъ, Беллингъ на лѣвомъ крылѣ—Царь всюду. Въ день Полтавской битвы, онъ ѣздилъ на любимой своей Турецкой лошади, *Лизетть*. Донынѣ хранятся чучела сей лошади и оружіе, бывшее тогда на немъ (чучела лошади находится въ Петербургской Кунстъ-камерѣ). Мундиръ, камзолъ и исподнее платье на Царѣ были темнозеленаго цвѣта, съ красными у мундира обшлагами. Маленькая трехъ-угольная шляпа, безъ всякихъ украшеній, покрывала его голову. Длинная въ полтора аршина шпага его была также безъ украшеній, съ мѣднымъ эфесомъ, обвитымъ желѣзною проволокою, и съ черною коженою портупеею. Шарфъ его былъ изъ серебра, золота и голубаго шелка. Офицерскій знакъ его отличался костянымъ Андреевскимъ крестомъ по срединѣ. Царь возложилъ еще на грудь свою неболь-

шой ковчегъ съ крестомъ и мощами, *Константиновскій*, ибо, по преданію, принадлежалъ онъ нѣкогда императору Константину. Сей святый крестъ присланъ былъ изъ Аѳонскихъ обителей царю Ѳеодору Іоанновичу. Петръ имѣлъ его въ своей походной церкви въ числѣ другихъ св. иконъ и драгоцѣнностей, между коими находилась и крышка съ гроба св. Сергія, на коей изображенъ сей великій угодникъ, благословившій на брань Димитрія Донскаго. Крышка сія нынѣ хранится въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Крестъ Константиновскій находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Полтавскій мундиръ, шляпа и шпага Петра сохраняются въ богатомъ Царско-Сельскомъ арсеналѣ. Разсматривая нѣкогда сію драгоцѣнную одежду, великая герцогиня Гессенъ-Дармштадтская Луиза Фридерика въ умиленіи воскликнула: O le grand homme (*О великій человѣкъ!*) — «Посмотрите, милый братъ,» говорилъ Великій Князь Константинъ Павловичъ великому брату своему,

Александру Благословенному (тогда бывшему еще юнымъ Великимъ Княземъ), «посмотрите, какая простота! Какова кажется вамъ эта шпага?» «Мнѣ кажется,» отвѣчалъ будущій побѣдитель Наполеона,» она самая Русская: *видно, что она сдѣлана побѣждать, а не щеголять.*»

Шведы успѣли оправиться отъ безпорядка, причиненнаго имъ пушками редутовъ и ретраншамента и отбитіемъ Рооса. Они быстро устроили ряды свои; ихъ составляли только 18 батальоновъ пѣхоты и 14 полковъ конницы, не считая Запорожцовъ, Поляковъ и королевской гвардіи, или драбантовъ. Артиллеріи у Шведовъ было 24 пушки. Карлъ XII-й, въ своемъ обыкновенномъ мундирѣ, везомый въ качалкѣ, положивъ на подушку больную ногу, окруженный драбантами, ѣздилъ по рядамъ, оживлялъ рѣчами войско и далъ знакъ двинуться въ бой. Почти въ то же время тронулись съ мѣста Рускіе. Царь въ послѣдній разъ обратилъ рѣчь свою къ вой-

ску. «Воины!» говорилъ онъ громогласно,» не за меня, за Отечество, за Церковь сражаетесь вы! Помните Бога, поборающаго въ правдѣ!» Его просили, умоляли щадить жизнь свою. «Обо мнѣ не думайте,» отвѣчалъ онъ. «Мнѣ не дорога жизнь! Была бы только счастлива и славна Россія! Впередъ!»

Не смотря на то, что надлежало пробиться сквозь редуты и потомъ поспѣшно строиться, крѣпкими рядами наступили Шведы. Было уже восемь часовъ утра, когда Руские сошлись съ ними. Раздались пушечные выстрѣлы и слились въ страшную канонаду. Начался *Полтавскій бой*.

Ужасенъ и смертоносенъ былъ сей великій бой. Пушки смолкли, когда ряды сошлись и пошла рукопашная битва на штыкахъ и сабляхъ. Рейншильдъ сомкнулъ два лучшіе Шведскіе полка, и по приказу Карла XII-го ударилъ на полкъ, одѣтый въ сѣрые мундиры. Сколь ни мужественно встрѣтилъ его Русскій полкъ, храбрость уступила удару Шведовъ,

линія была пробита—Рускіе поколебались, дрогнули, побѣжали. Петръ и Карлъ XII-й оба были здѣсь—Петръ, примчавшійся на помощь съ Преображенцами; Карлъ XII-й поощрявшій своихъ воиновъ. Около получаса длилась нерѣшительность и была кровава и убійственна. Три пули попали въ Царя—одною пробита была его шляпа; другая ударила въ сѣдло его лошади; третья въ грудь его: ее удержалъ святый крестъ, на груди бывшій. Богъ хранилъ Петра! Вскорѣ порядокъ въ Русскихъ рядахъ былъ возстановленъ, Шведы отражены, ряды ихъ дрогнули. Меншиковъ и Бауръ съ конницею ударили во фланги Шведскаго войска. Еще нѣсколько времени дрались Шведы, одушевляемые уже не мыслію побѣды, но отчаяніемъ. Все пало передъ силою и мужествомъ Рускихъ. Настала минута гибели—часъ расплаты за Нарву... Обойденные съ фланговъ, тѣснимые съ фронта, сбитые къ лѣсу, теряя артиллерію, уже не видя Короля своего, не предводимые ни кѣмъ,

ибо Рейншильдъ, видѣвшій гибельное состояніе войска, искалъ смерти и нашелъ плѣнъ въ рядахъ Русскихъ, черезъ часъ послѣ начала битвы Шведы представляли нестройную толпу бѣгущихъ, побиваемыхъ Рускими, стремившихся черезъ лѣсъ и по всѣмъ направленіямъ съ поля битвы. Кромѣ Рейншильда, генералы Штакельбергъ и Гамильтонъ взяты были въ плѣнъ на мѣстѣ сраженія. Пѣхота, конница, артиллерія, Запорожцы, Поляки, обозъ—все смѣшалось наконецъ въ нестройную громаду, и потомъ разсыпалось и побѣжало по берегу Ворсклы. Пиперъ, находившійся въ укрѣпленіяхъ Шведскихъ подъ Полтавою, съ чиновниками своими и королевскими прислужниками, хотѣлъ пробраться въ обозъ, но среди дыма, пыли, смятенія, попалъ прямо на Полтавскіе валы и былъ взятъ въ плѣнъ со всѣми при немъ бывшими. Мазепа оставался во все время боя въ Шведскомъ обозѣ, и при первомъ извѣстіи о побѣдѣ Рускихъ, захвативъ свои свокровища, бросился бѣжать. Обозъ

и лагерь Шведскій подъ Полтавою достались побѣдителямъ. Вскорѣ клики побѣжденныхъ и побѣдителей, преслѣдовавшихъ разбитое и разсѣянное войско Шведское, затихли въ отдаленіи; пальба прекратилась; смолкло боевое поле, усѣянное убитыми и ранеными. Казаки и Калмыки пустились за бѣгущими. Русскіе полки строились близъ ретраншамента. Царь самъ скакалъ повсюду, прекращая убійство, возстановляя порядокъ, и утомленный возвратился въ шатеръ свой, гдѣ ждали его генералы и штабъ-офицеры. «Здравствуйте, дѣти!» говорилъ онъ, обнимая ихъ —«благодарю васъ за подвиги, благодарю за побѣду! Богъ видѣлъ трудъ вашъ и потомство не забудетъ васъ!»—«Государь! ты одушевилъ, ты укрѣпилъ сердца наши!» говорилъ ему Голицынъ. «Тебѣ одолжены мы побѣдою въ рѣшительный часъ, когда Шведы прорвали ряды наши, и когда ты явился спасителемъ, не щадя своей жизни! «говорилъ Меншиковъ. Въ числѣ поздравлявшихъ Царя

былъ и Палей. Отъ старости и дряхлости онъ едва могъ ходить, но водимый двумя казаками, онъ былъ въ огнѣ и стрѣлялъ изъ своего ружья въ непріятеля. Передъ рядами войскъ была поставлена походная церковь. Царь спѣшилъ туда со всѣми соратниками, и въ ней отправлено было благодарственное молебствіе, при пушечной пальбѣ. Царь объѣхалъ потомъ воиновъ и велѣлъ угощать ихъ. Почти сутки солдаты ничего не ѣли. Въ шатрѣ царскомъ собрались къ обѣду генералы Русскіе и главные офицеры и чиновники. Царь велѣлъ пригласить къ столу своему Пипера, Рейншильда и другихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и чиновниковъ Шведскихъ, встрѣтилъ ихъ привѣтливо, безъ шляпы, возвратилъ имъ шпаги и говорилъ съ ними дружески. Когда спросилъ онъ у Рейншильда о Королѣ, слезы потекли изъ глазъ Шведскаго фельдмаршала —«Не знаю, В. В., не знаю, гдѣ онъ!» отвѣчалъ Рейншильдъ. Царь пожалъ ему руку и утѣшалъ его. «Пью здоровье нашихъ учите-

лей!» возгласилъ Царь, поднимая бокалъ. «Кого называете вы такимъ лестнымъ именемъ?» спросилъ его Рейншильдъ. «Васъ, господа, васъ Шведовъ»—отвѣчалъ Царь—«вы научили насъ военному искуству!»—«Плохо же заплатили вы за науку учителямъ вашимъ!» замѣтилъ Рейншильдъ, улыбаясь. Онъ говорилъ, что не вѣрилъ Левенгаупту и не надѣялся такой стройности и такого искуства Рускихъ въ бою. «Удивляюсь, какъ не отговорили вы Королю вашему вступать въ битву, когда неравенство силъ и средствъ не обѣщало вамъ побѣды,» сказалъ ему Царь. Рейншильдъ помолчалъ немного и отвѣчалъ потомъ: «Мы привыкли слушать повелѣнія и исполнять ихъ, а не совѣтовать нашему государю!» Царь понялъ тонкость умнаго отвѣта. «Да,» сказалъ онъ, «такъ и должны поступать вѣрные подданные.»

Съ честью отпустивъ плѣнныхъ и своихъ собесѣдниковъ, Царь не отдыхалъ. Онъ посѣтилъ лазареты, утѣшалъ раненыхъ, оказывалъ

имъ пособіе; возвратясь въ палатку свою, принималъ донесенія; отправилъ преслѣдовать Шведовъ, сперва князя Голицына съ гвардіею и двумя полками, потомъ Баура съ десятью эскадронами конницы, и приказалъ рыть двѣ огромныя могилы для погребенія убитыхъ.

Немного находимъ въ военныхъ лѣтописяхъ примѣровъ битвы, купленной столь малою потерею, какъ Полтавская битва. Рускіе потеряли убитыми бригадира Фельсгейма, полковниковъ Лова и Нечаева, офицеровъ и солдатъ 1,344. Ранены были генералъ Ренъ, бригадиръ Полонскій, 5-ть полковниковъ, офицеровъ и солдатъ 3,292. Шведская армія *погибла*, въ полномъ значеніи сего слова. На мѣстѣ сраженія найдено было болѣе 9,000 убитыхъ непріятелей. Первый министръ, фельдмаршалъ, 4 генерала, 4 полковника (въ числѣ ихъ принцъ Виртембергскій), 132 офицера, 2,577 солдатъ, были въ плѣну, не считая 2,874 нестроевыхъ, чиновниковъ и всякаго званія людей (въ числѣ коихъ находились

королевскіе камердинеръ, кухмистеръ, докторъ, духовникъ, камерлиръ, камеръ-шрейберъ, трубачи, слуги, кучера). Королевская казна, гардеробъ Короля, канцелярія его были въ числѣ добычи. Пушекъ взято было 4, знаменъ и штандартовъ 137 (въ числѣ ихъ 6 знаменъ гвардейскихъ). Недоставало только одного трофея, самого Карла XII-го. Не знали: убитъ ли онъ, или спасся? На мѣстѣ битвы нашли его разбитую ядрами качалку, но многіе говорили, что видѣли его потомъ въ обозѣ, бѣгущаго по берегу Ворсклы. Царь обѣщалъ большія награды за его плѣнъ, строжайше подтверждая хранить жизнь его и воздавать ему всѣ почести. Но судьба спасла еще разъ Короля Шведскаго отъ смерти и плѣна, хотя и тяжкою цѣною.

Мы видѣли, что Карлъ XII-й не щадилъ себя. Онъ искалъ смерти. На что была ему жизнь безъ славы и безъ побѣды? Не смотря на жестокую тѣлесную боль, онъ распоряжалъ всемъ, ободрялъ и вводилъ въ огонь Шведовъ. Ядра

и пули осыпали его качалку. Изъ 24 драбантовъ, окружавшихъ его, уцѣлѣли только трое. Адлерфельдъ, писавшій по его приказанію исторію его походовъ, былъ убитъ у качалки королевской, какъ будто *исторія Карла XII-го* должна была кончиться на Полтавскомъ полѣ. Когда смятеніе и бѣгство начались въ рядахъ Шведовъ, Карлъ XII-й двинулся впередъ, въ самый жаркій пылъ боя. Ядромъ убило обѣихъ лошадей въ его качалкѣ; пока впрягали другихъ, ядро разбило самую качалку и Карлъ XII-й упалъ. Понятовскій, спутникъ его во всѣхъ походахъ, другъ Станислава и полковникъ его гвардіи, неотходившій отъ королевской качалки, успѣлъ схватить Карла XII-го, призывая Шведовъ спасать Короля, который былъ безъ чувствъ и безъ памяти. Два драбанта посадили Короля на лошадь и поддерживали. Нѣсколько сотъ человѣкъ гвардейцовъ, офицеровъ и солдатъ собрались и окружили Короля своего среди страшнаго смятенія. Шведы бѣжали во всѣ

стороны. Руские гнали ихъ, но твердо сражаясь, подвигаясь впередъ, падая, но не уступая драгоцѣннаго залога, который охраняли, окружавшіе Короля отбивали всѣ нападенія Руских и двигались къ обозу. Къ несчастію, пуля убила лошадь, на которой держали Короля; другой не было, и не знали чѣмъ замѣнить ее. Полковникъ Гіерта, тяжело раненый, отдалъ свою лошадь. «Спасите только его!» воскликнулъ онъ, со слезами поцѣловалъ руку Короля и палъ подъ мечами Руских. Достигнувъ обоза, Понятовскій наскоро отыскалъ карету Пипера, посадилъ въ нее Короля и поскакалъ съ нимъ по теченію Ворсклы, окруженный Шведскою конницею. Карлъ XII-й опомнился. «Шведы! Шведы!» закричалъ онъ. Всѣ молчали. «Гдѣ Пиперъ?» спросилъ Король. «Въ плѣну»—отвѣчали ему. «А Рейншильдъ? А принцъ Виртембергскій?»—«Въ плѣну»—былъ опять отвѣтъ. «Куда мы ѣдемъ?»—«Въ Турцію.—» Въ плѣну у Руских, «промолвилъ Король—«въ Турцію, въ Турцію!» и онъ опять

умолкъ и обезпамятѣлъ. Карета изломалась на скаку. Принуждены были опять посадить Короля на лошадь. Ночью въ лѣсу потеряли дорогу. Нестерпимая боль лишила Короля чувствъ. Принуждены были положить его подъ дерево, и здѣсь, безчувственный, окруженный немногими, трепетавшими ежеминутно, что ихъ захватятъ Руские, нѣсколько часовъ лежалъ на плащѣ своемъ побѣдитель Россіи, Польши, Даніи и Саксоніи, за два года передъ тѣмъ страшившій Европу. Къ разсвѣту отыскали дорогу. Карлъ XII-й собралъ всѣ свои силы, сѣлъ на лошадь, и ночью 29-го Іюня достигъ береговъ Днѣпра при Переволочнѣ. Здѣсь встрѣтилъ его Мазепа. Нѣсколько тысячь Шведовъ, Запорожцовъ и Поляковъ собрались здѣсь на берегу Днѣпра шумною, безпорядочною толпою. Левенгауптъ старался привести въ порядокъ Шведовъ и ждалъ приказаній Короля. Но Карлъ XII-й былъ почти безъ чувствъ, истощивъ послѣднія усилія въ бѣгствѣ отъ Полтавы. Рана его горѣла. Ли-

хорадка била его. Онъ казался ничего непонимающимъ. Генералу Мардефельдту велѣтъ онъ ѣхать къ Царю и предложить миръ. Левенгаупту говорилъ, что умретъ съ своими Шведами. Потомъ приказывалъ ему отступать въ Крымъ, говорилъ, что спѣшитъ въ Турцію и возвратится съ войскомъ Султана. Всѣ умоляли его спасаться, ибо Рускіе были уже близко. Казаки, Калмыки, конница Русская являлись отвсюду. Мысль о битвѣ съ Рускими была безуміемъ. Нѣсколько тысячь голодныхъ, изнуренныхъ, на половину безоружныхъ Шведовъ, не имѣя ни хлѣба, ни пороху, могли ль еще сражаться? Тщетно умоляя Короля удалиться, наконецъ почти насильно посадили его въ лодку. Понятовскій, Мазепа и нѣсколько Шведскихъ генераловъ и офицеровъ сѣли съ нимъ. Въ другую лодку поставили ветхую коляску, случайно уцѣлѣвшую, и несмотря на бурную погоду, страшно волновавшую Днѣпръ, успѣли переправиться. На правомъ берегу Днѣпра перенесли

Карла XII-го въ коляску, и безъ отдыха помчали его по безконечнымъ, тогда еще безлюднымъ степямъ, простиравшимся до береговъ Буга, составлявшаго границу Турціи. Въ слѣдъ за Королемъ бросились вплавь нѣсколько тысячь конницы и Запорожцовъ. Многіе погибли въ волнахъ, а другіе, спасшіеся отъ волнъ, гибли въ бѣгствѣ по степямъ. Левенгауптъ и Крейцъ приняли начальство надъ оставшимися на берегахъ Днѣпра Шведскими войсками. Переправиться не было средствъ, да и куда могли переправиться Шведы? Оставалось предаться жребію.

Вечеромъ 27-го Іюня Царь увѣдомилъ многихъ собственноручными письмами о побѣдѣ. «Объявляю вамъ о зѣло превеликой, нечаянной и малою кровію купленной викторіи,» писалъ онъ Апраксину, и изложивъ кратко сущность побѣды, заключилъ: «Могу сказать, что вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла. О Королѣ не знаю, съ нами ли, или съ отцами нашими онъ обрѣтается.

Поздравьте всѣхъ. Нынѣ положенъ, кажется, съ Божіею помощію, камень въ основаніе Петербурга.»

Іюня 28-го, видя, что большая часть Шведовъ спаслась бѣгствомъ, Царь отправилъ въ помощь Голицыну и Бауру Меншикова, съ 9,000 войска, а самъ занялся печальнымъ долгомъ погребенія убитыхъ въ битвѣ. Въ двѣ могилы положены были офицеры и солдаты. Царь самъ пѣлъ съ священниками при отданіи послѣдняго долга усопшихъ воинамъ и слезы прерывали его пѣніе. «Храбрые воины, за вѣру и отечество животъ положившіе!» сказалъ онъ громко по совершеніи обряда, стоя на краю могилы, «молите за насъ Бога, будьте и за гробомъ поборниками нашими предъ престоломъ Божіимъ!» Высокій холмъ былъ насыпанъ надъ могилою, и своими руками водрузилъ Царь на вершинѣ его крестъ, съ надписью: *Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709-го, Іюня въ 27-й день.*—

Доныне сохраняется неприкосновеннымъ сей священный холмъ на Полтавскомъ полѣ и народное преданіе называетъ его *Шведскою могилою.* Въ тотъ же день въ другую могилу собраны были тѣла Шведовъ, и священники, сопровождавшіе Шведское войско, предали нѣдрамъ чуждой землѣ останки храбрыхъ воиновъ Карла XII-го, погибшихъ далеко отъ родныхъ скалъ Скандинавіи.

Царь спѣшилъ посѣтить Полтаву. Торжественно встрѣтили его коммендантъ и защитники Полтавы у городскихъ воротъ, повергаясь передъ нимъ, со слезами, на колѣни. Храбрыя Келинъ не зналъ что сказать и выражалъ чувство свое, сколько умѣлъ краснорѣчивѣе, называя Царя храбрѣйшимъ паче Александра, милостивѣйшимъ паче Веспасіана, мудрѣйшимъ паче Соломона, желая ему Маѳусаиловыхъ лѣтъ и Августова счастія. Почтенная глава!» говорилъ Царь, цѣлуя его въ голову. «Надежда моя на тебя не обманула меня.» Доныне сохраняется въ Полтавѣ вет-

хая деревянная церковь Преображенія, гдѣ Царь благодарилъ тогда Бога за спасеніе Полтавы. Недавно былъ еще цѣлъ домикъ, гдѣ отдыхалъ онъ послѣ сего съ своею свитою и говорилъ съ Келинымъ. Нынѣ на мѣстѣ его поставленъ столбъ съ надписью. Царь осмотрѣлъ полуразрушенныя укрѣпленія Полтавскія, снова благодарилъ Келина и товарищей его, и объявилъ имъ награды.

Въ лагерѣ ожидали его Мардефельдъ и Калмыцкое войско, прибывшее къ Полтавѣ. Мардефельдъ, исполняя приказъ Короля, предложилъ Царю миръ. Царь не отвергъ его, но сказалъ, что будетъ о томъ говорить въ послѣдствіи. Мардефельдъ, плѣненный подъ Калишемъ и отпущенный тогда съ условіемъ размѣна, былъ задержанъ, какъ не сдержавшій даннаго имъ пароля.

На другой день Царь праздновалъ свои именины. Войско было угощаемо на полѣ битвы. Царь ходилъ между рядами веселившихся воиновъ и раздѣлялъ съ ними трапе-

зу, говоря: «Хлѣбъ-соль, товарищи!» Въ царской палаткѣ пировали генералы, штабъ-офицеры, чиновники и знатнѣйшіе изъ плѣнныхъ Шведовъ. Послѣ обѣда Калмыки изумили Шведовъ своимъ дикимъ джигитованьемъ и воинскими играми. На другой день, безпокоясь о посланныхъ для преслѣдованія Шведовъ войскахъ, и боясь отчаянія Шведовъ, Царь самъ поскакалъ къ Переволочнѣ. Онъ нашелъ дѣло уже оконченнымъ.

Вся дорога отъ Полтавы до Днѣпра, на разстояніи 70-ти верстъ, была покрыта убитыми, умирающими, ранеными, мертвыми людьми и лошадьми, оружіемъ, телегами, фурами, но все еще число Шведовъ, собравшихся на Днѣпрѣ, составляло болѣе 15,000 человѣкъ строеваго войска. При нихъ были и безполезныя пушки, ибо пороху не было. Голицынъ и Бауръ, достигшіе Переволочны утромъ 30-го Іюня, находились въ затрудненіи: должно ли нападать на Шведовъ, или требовать сдачи? Скрывая малочисленность своихъ

отрядовъ, они послали для переговоровъ трубача. Меншиковъ явился въ то время, но все еще число Рускихъ было далеко недостаточно. Пушекъ у нихъ не было ни одной. Шведскіе уполномоченные для переговоровъ, возвратясь въ лагерь свой, извѣстили о возможности сражаться съ Рускими. Многіе изъ Шведовъ требовали битвы, не слушая Левенгаупта. Говорили, что если и не надежна побѣда, лучше умереть, когда послѣ пораженія Рускихъ есть еще надежда уйдти въ Крымъ. Левенгауптъ отвергъ всѣ возраженія и заключилъ съ Меншиковымъ договоръ, по коему Шведское войско *отдавалось въ безусловный плѣнъ*. Въ 2 часа по полудни Шведы положили оружіе передъ Русскими войсками. Старый полковникъ Траутфеттеръ не хотѣлъ слушаться приказа. Едва могли уговорить его сдаться, когда всѣ другія войска были уже обезоружены. Двое изъ офицеровъ полка его застрѣлились, предпочитая смерть плѣну. Нѣсколько тысячь человѣкъ еще разбѣжались

по лѣсамъ, надѣясь пробраться въ Крымъ, или въ Турцію. За всемъ тѣмъ число Шведскаго войска, положившаго оружіе, состояло изъ 5000 пѣхоты и 9000 конницы. Левенгауптъ, Крейцъ и Крузъ, адьютанты: два брата, графы Дугласы, и графъ Бонда, генералъ-аудиторъ Штернъ, 10 полковниковъ, 12 подполковниковъ, 17 маіоровъ были въ числѣ плѣнныхъ. Число всѣхъ солдатъ Шведскихъ, взятыхъ подъ Полтавою и при Переволочнѣ, простиралось до 20,000 тысячь. *Двадцать тысячь*! А съ 10,000-ми Карлъ XII-й уничтожилъ нѣкогда Рускихъ подъ Нарвою и съ 15,000-ми завоевалъ Польшу...

Царь прибылъ къ Переволочнѣ Іюля 1-го, И здѣсь ласково встрѣтилъ и привѣтствовалъ онъ плѣнныхъ, и своего стараго знакомца по битвѣ подъ Лѣснымъ, Левенгаупта. Къ Царю явилось 2700 измѣнниковъ казаковъ, умоляя его простить имъ вину. Царь велѣлъ отпустить ихъ въ домы безъ всякаго наказанія. Въ тотъ же день отправилъ онъ въ погоню

за Карломъ XII-мъ, Мазепою, и ушедшими при нихъ Шведами, Поляками и казаками, бригадира Кропотова и князя Волконскаго. Іюля 6-го Царь прибылъ обратно въ Полтаву, гдѣ уже только высокая могила напоминала о совершившейся битвѣ. Тысячи народа стеклись отвсюду; наѣхали маркитанты и купцы; солдаты торговали съ ними, продавая имъ добычу, доставшуюся отъ Шведовъ. Веселье и шумъ оживляли окрестности Полтавскія и самый городъ, гдѣ еще такъ недавно гремѣла брань и свирѣпѣла смерть. Царь ѣхалъ торжественно, сопровождаемый своими войсками, плѣнниками и трофеями. Послѣ благодарственнаго молебна, слѣдующіе дни представляли рядъ веселыхъ пировъ у Царя и фельдмаршала въ лагерѣ, и у Келина въ Полтавѣ. Милости и награды объявлены были генералитету и войску. Шереметевъ получилъ богатыя помѣстья; Меншиковъ чинъ фельдмаршала; гетманъ Скоропадскій портретъ Царя; Рѣпнинъ, Брюсъ, Аллартъ,

Ренцель Андреевскій орденъ; другіе чины, деревни, деньги. Графъ Головинъ возведенъ былъ въ достоинство канцлера, а Шафировъ подъ-канцлера. Келину даны были чинъ генералъ-маіора, медаль на золотой цѣпи и 10,000 рублей деньгами. Всему войску выдано было годовое жалованье не въ зачетъ и особенныя медали. На медали, коею Царь ознаменовалъ побѣду Полтавскую, изображена была надпись: *Позавидуютъ славѣ нашей* (Hic honor in nobis invidiosus erit). *Конецъ дѣлу побѣда* (Operis victoria finis), сказано было въ надписи на медали, выбитой въ воспоминаніе взятія въ плѣнъ Левенгаупта. На вѣки установилъ Царь праздновать *день Полтавской побѣды.* Онъ хотѣлъ воздвигнуть памятникъ на Полтавскомъ полѣ. Сей памятникъ долженъ былъ состоять изъ монастыря, съ храмами во имя св. апостоловъ Петра и Павла и преподобнаго Самсона Страннопріимца, память коего церковь празднуетъ 27-го Іюня. Передъ монастыремъ предполагалъ Царь

воздвигнуть пирамиду, съ изображеніемъ и описаніемъ битвы. Вѣчное поминовеніе убіенныхъ воиновъ возлагалось на братію обители Полтавской. Дѣла и занятія отвлекли потомъ Царя отъ исполненія его мысли. Полтавское поле остается безъ памятника, да и на что тамъ памятникъ вещественный? Кто не преклоняетъ тамъ колѣнъ предъ вѣковѣчною могилою воиновъ Петра? Усердные потомки Полтавскихъ гражданъ воздвигли скромную колонну на одной изъ площадей своего города, когда праздновали потомъ столѣтіе Полтавской побѣды, въ 1809 году. Императрица Екатерина, проѣзжая черезъ Полтаву, въ 1787 г., велѣла представить войскамъ, здѣсь собравшимся, подобіе Полтавской битвы. Долго смотрѣла она на Полтавское поле и движенія войскъ, и со вздохомъ сказала: «Такъ въ одно мгновеніе судьба измѣняетъ жребіи царствъ!»

Когда великій побѣдитель праздновалъ побѣду, Карлъ XII-й безславнымъ бѣглецомъ

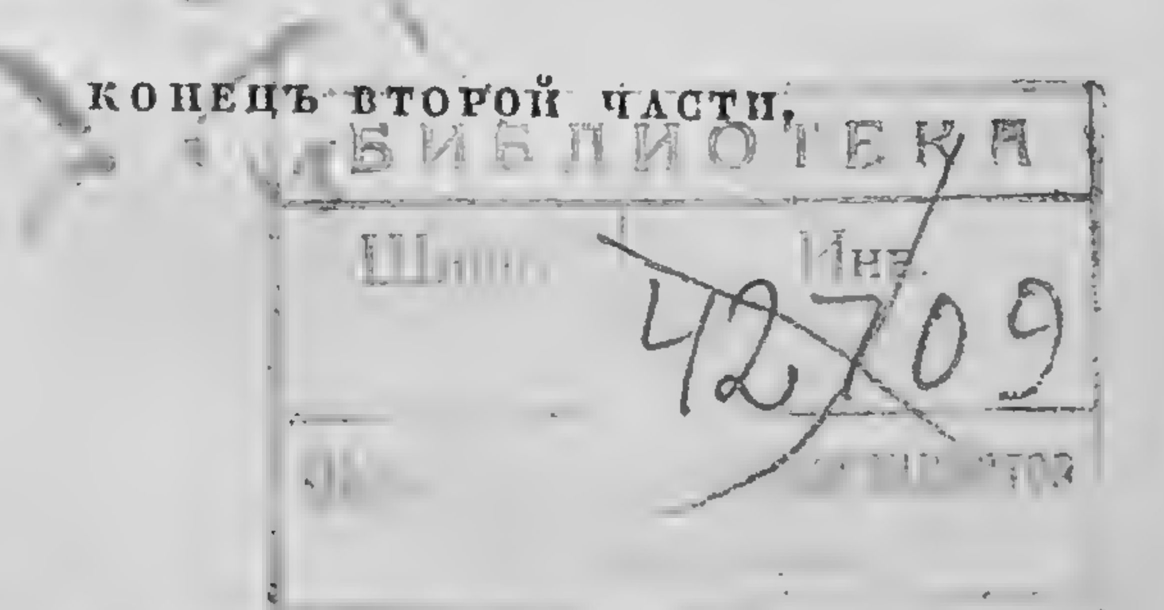
мчался въ Турцію, едва спасаясь отъ преслѣдовавшихъ его Русскихъ отрядовъ. Только случай сохранилъ его и Мазепу отъ неминуемаго плѣна — Руские потеряли дорогу въ степи. Когда Іюля 7-го прискакали они къ берегамъ Буга, Король, Мазепа, и большая часть сопровождавшихъ ихъ были уже на Турецкомъ берегу. Три дня провели передъ пріѣздомъ Руских бѣглецы на лѣвомъ берегу рѣки, въ безпрерывномъ страхѣ смерти и плѣна, пока паша Очаковскій, изумленный прибытіемъ неожиданныхъ гостей, не зная что ему дѣлать, не смѣлъ впустить ихъ въ Турецкіе предѣлы безъ повелѣнія Султана. Начальникъ его, паша Бендерскій разрѣшилъ сомнѣнія, приказывая немедленно воздать Королю Шведскому всѣ почести, приличныя его высокому званію. Едва пришло сіе повелѣніе, вдали показалась Русская конница. Какъ ни спѣшили переправою, но всѣ бѣгствовавшіе переѣхать за рѣку не успѣли, и оставшіеся на лѣвой сторонѣ Буга сдѣлались жертвою ярости

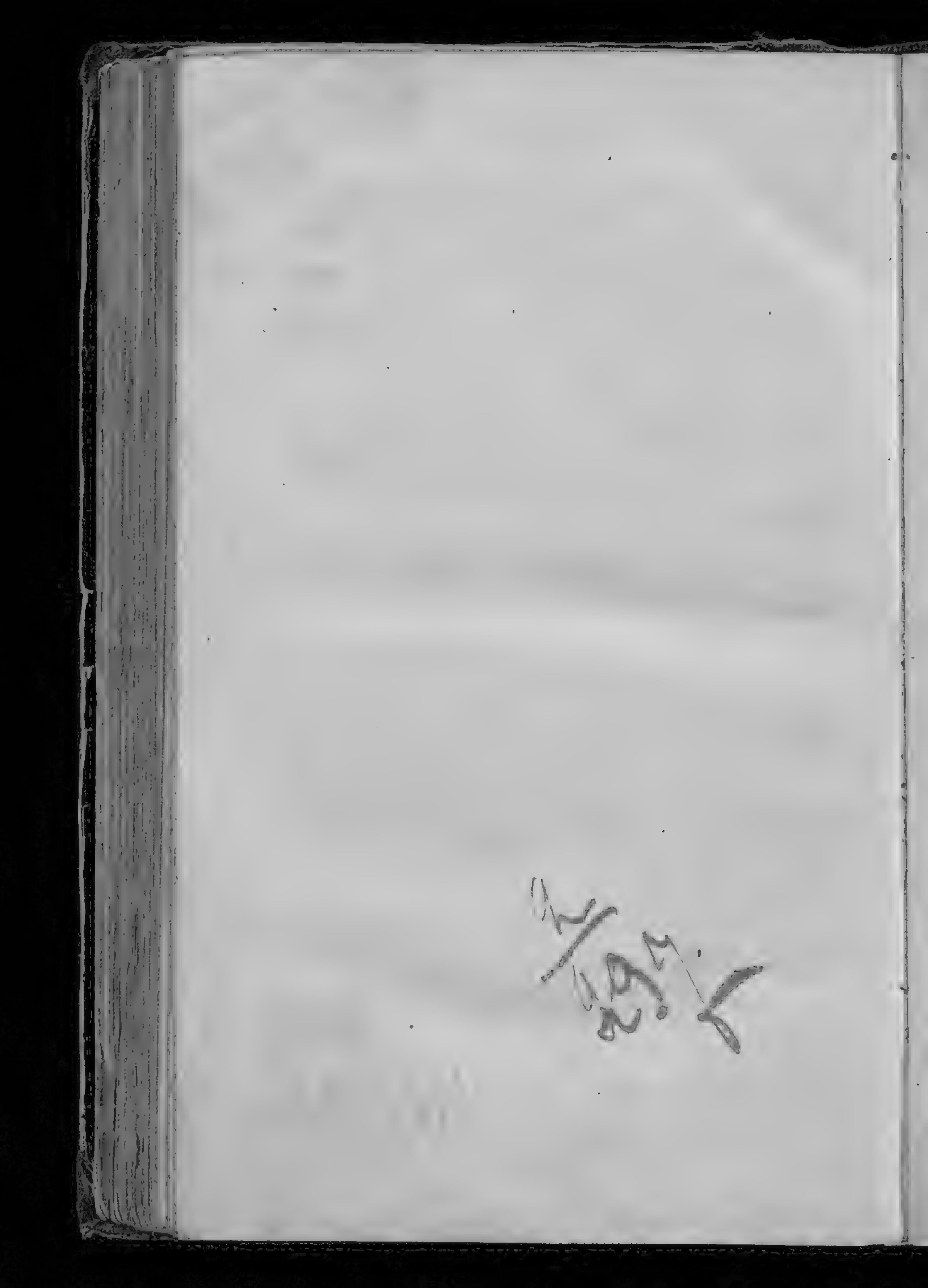
и негодованія Руских, ибо Шведы не хотѣли сдаться и дрались отчаянно; до 200 Шведовъ было убито и болѣе 260 досталось въ плѣнъ. Рускіе не смѣли перейдти за Бугъ. Карлъ XII-й благополучно достигъ до Бендеръ, гдѣ встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Онъ немедленно отправилъ Понятовскаго въ Царьградъ къ Султану, и расположился подъ Бендерами небольшимъ лагеремъ.

Долго опредѣлено было Королю Шведскому прожить въ семъ городѣ, сдѣлавшемся достопамятнымъ по его пребыванію. Мазепа, спасшійся съ Карломъ XII-мъ, не пережилъ своего бѣдствія. Видя холодное презрѣніе Короля Шведскаго, коему онъ всемъ пожертвовалъ, слыша, что головы его требуетъ Царь — предметъ ужаса однихъ и безполезнаго сожалѣнія другихъ, Мазепа умеръ черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Бендеры, отъ яда какъ говорили многіе, или отъ терзаній стыда и совѣсти, и въ слѣдствіе тяжкаго бѣгства

отъ Полтавы. Передъ смертью сжегъ онъ свои бумаги, говоря: «*Не хай я одинъ буду безталаннымъ*, а не многіе, *о якихъ вороги мои мабудь* и не мыслили, *альбо и мыслить не смиютъ*! Гибни все, коли злая доля все переиначила для невѣдомаго конца!» Немногіе измѣнники, Орликъ, Войнаровскій, друзья Мазепы, плакали у смертнаго одра престарѣлаго гетмана. Сентября 25-го, на простыхъ дровняхъ, перевезли гробъ Мазепы въ Варницы, селеніе близъ Бендеръ, и тамъ похоронили его. Могила измѣнника осталась неизвѣстною. Время и жизнь людская сгладили ее съ лица земли. Осталась вѣчною только *анаѳема*, ежегодно въ недѣлю православія возглашаемая православною Церковью, соединяя проклятіе съ именемъ *Ивана Мазепы и подобныхъ ему*, предателей отечества.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

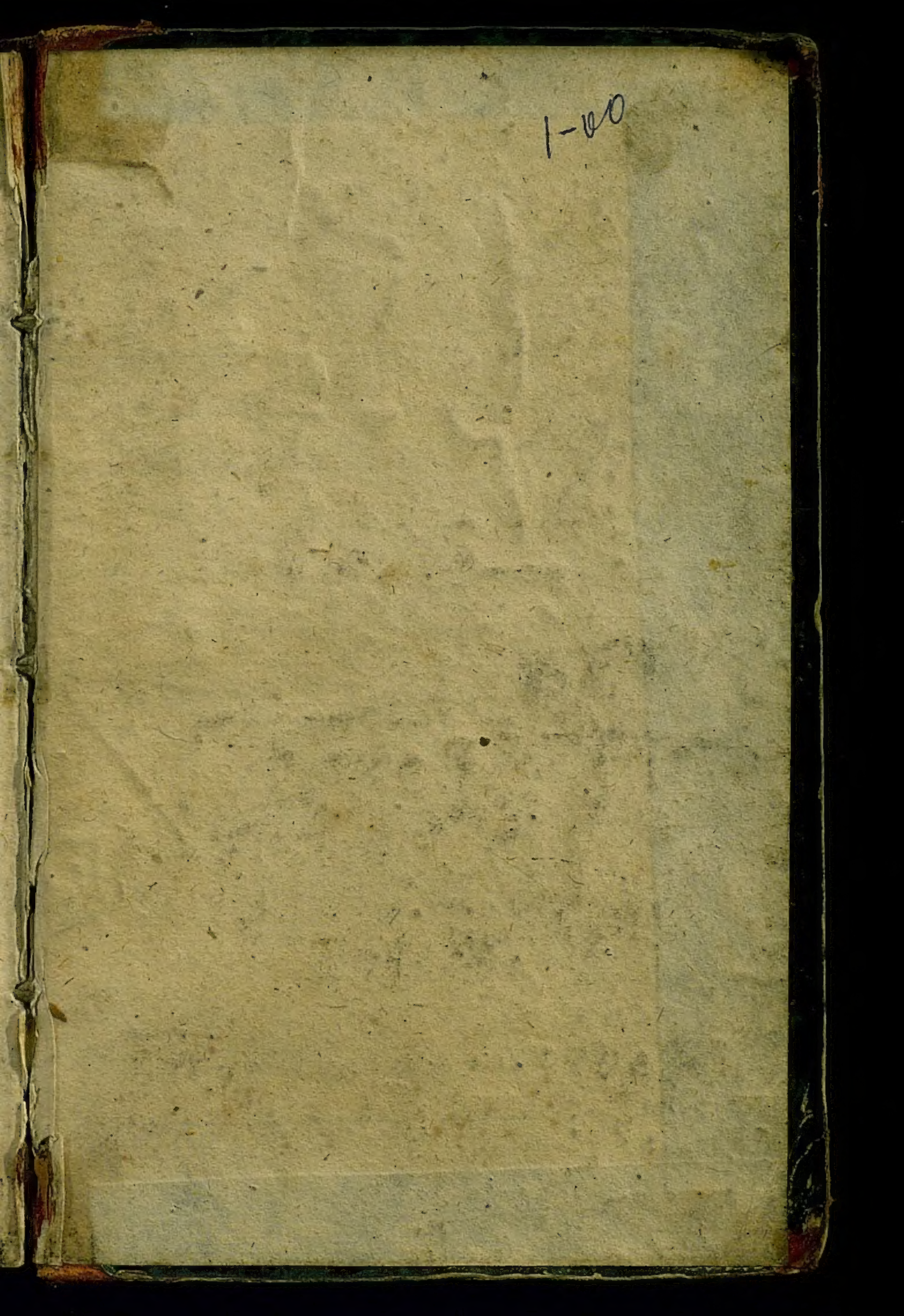

Нижне Тагильская

библиотека
наследников
П. П. Демидова

Князя Сан
Донато

1-00

